

УКРАИНСКАЯ
ЖИЗНЬ

№ 9.
СЕНТЯБРЬ 1912 г.

Москва.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертванія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ (Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“). <i>М. Горькаго</i>	7
II. Капитализмъ и русская культура на Украинѣ. <i>М. Гордіенка</i>	16
III. Украинскій архитектурный стиль. <i>А. Л.</i>	32
IV. Съ больной головы на здоровую. (Отвѣтъ члену Госуд. Думы <i>А. Никольскому</i>). <i>О. Бьлоусенка</i>	44
V. Неотложное дѣло украинскихъ колоній. <i>С. Русовой</i>	52
VI. На текущія темы.—(Избирательная кампанія и „никакихъ настроеній“—Съ средней позиціи.—Борьба съ „настроеніемъ“.—Украинство въ Думѣ и на выборахъ.—Отъ настроенія къ дѣйствию). <i>С. А. Ефремова</i>	57
VII. Изъ русской печати. <i>О. Хоменка</i>	67
VIII. Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати. <i>С. Петлюры</i>	78
IX. На Украинѣ и внѣ ея.—За мѣсяць.—Музыкальная этнографическая экспедиція на Украинѣ. <i>И. Л.</i> —Археологическо-этнографическій музей.—Просвѣщенное невѣжество. <i>Я. Чепиги</i> — <i>В. Адлеръ</i> и національный вопросъ. <i>И. Л.</i>	87
X. Библиографія.— <i>Україніка</i> въ чешскомъ сборникѣ „Slovenstvo“. <i>А. Н. Бочковскаго</i> .— <i>М. Грушевскій</i> . Культурно-національный рух на Украинѣ XVI—XVII в. <i>Д. Д—ка</i> .— <i>Н. Чеховъ</i> . Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ. <i>А. Ник—аго</i> .—Третья Госуд. Дума. Отчеты фракціи нар. свободы. <i>В. Садовскаго</i> .— <i>Мазепа</i> . <i>С. Е—ова</i> .—Литературная лѣтопись	99
XI. Содержаніе украинскихъ журналовъ. Книги, поступившія въ редакцію	120
XII. Отвѣтъ читателямъ „Украинской Жизни“	121
XIII. Объявленія.	

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Журналъ выходитъ на русскомъ языкѣ въ обычномъ форматѣ ежемѣсячниковъ книжками размѣромъ 5—6 печатныхъ листовъ. Задачу „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ составляетъ служеніе интересамъ и нуждамъ 30-милліоннаго украинскаго народа и ознакомленіе общества съ украинскимъ національнымъ движеніемъ.

Программа журнала: Руководящія статьи по національнымъ вопросамъ.— Обзоръ событій текущей жизни на Украинѣ.—Сужденія печати, преимущественно русской и польской, объ украинскомъ вопросѣ.—Письма изъ російской Украины и изъ Галиціи.—Критическія статьи и литературныя обзорѣнія; библіографія.—Украинское искусство.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Отвѣты редакціи на вопросы читателей, относящіеся къ программѣ журнала.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенз, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бълоусенко, И. А. Бълоусовъ, Н. Ф. Бъляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ф. Е. Коршъ, И. Кривецкій, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могиланскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолякинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ф. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Стрѣполоко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, И. А. Ярошевичъ и др.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“,
Москва, Б. Дмитровка, 14. Телеф. № 308-79.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ дост. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
въ Россіи. . .	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.	— р. 45 к.
За границу . .	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— р. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 45 к.,
съ пересылкою—55 к.

Книжные магазины, принимающіе подписку, могутъ оставлять въ свою пользу 10⁰/₁₀.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, **Льготная Подписка**: на годъ 4 руб., на $\frac{1}{2}$ г. 2 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 1 руб. съ доставкою и пересылкою.

Такса за объявленія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	15 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
” ”	за $\frac{1}{2}$ страницы	10 руб.
” ”	за $\frac{1}{4}$ страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ отъ 1 до 2 час.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ:

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1 $\frac{1}{2}$ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал.

№ 9.

Москва. — 1912 г.

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, соб. домъ.
1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ (Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“). <i>М. Горькаго</i> .	7
II. Капитализмъ и русская культура на Украинѣ. <i>М. Гордіенка</i>	16
III. Украинскій архитектурный стиль. <i>А. Л.</i>	32
IV. Съ больной головы на здоровую. (Отвѣтъ члену Госуд. Думы А. Никольскому). <i>О. Бьлоусенка</i> . .	44
V. Неотложное дѣло украинскихъ колоній. <i>С. Русовой</i> .	52
VI. На текуція темы.—(Избирательная кампанія и „ни- какихъ настроеній“—Съ средней позиціи.—Борьба съ „настроениемъ“.—Украинство въ Думѣ и на выбо- рахъ.—Отъ настроенія къ дѣйствию). <i>С. А. Ефремова</i> .	57
VII. Изъ русской печати. <i>О. Хоменка</i>	67
VIII. Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати. <i>С. Петлюры</i>	78
IX. На Украинѣ и внѣ ея.—За мѣсяць.—Музыкальная этно- графическая экспедиція на Украинѣ. <i>И. Л.</i> —Археологическо- этнографическій музей.—Просвѣщенное невѣжество. <i>Я. Чепиги</i> —В. Адлеръ и національный вопросъ. <i>И. Л.</i>	87
X. Библіографія.—Украиніса въ чешскомъ сборникѣ „Sloven- stvo. <i>А. Н. Бочковскаго</i> .—М. Грушевскій. Культурно- національный рух на Украинѣ XVI—XVII в. <i>Д. Д—ка</i> .—Н. Чеховъ. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ. <i>А. Ник—аго</i> .—Третья Госуд. Дума. Отчеты фракціи нар. свободы. <i>В. Садовскаго</i> .—Ма- зепа. <i>С. Е—ова</i> .—Литературная лѣтопись. . . .	99
XI. Содержаніе украинскихъ журналовъ. Книги, поступив- шія въ редакцію	120
XII. Отвѣтъ читателямъ „Украинской Жизни“	121
XIII. Объявленія.	

О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.

(Отвѣтъ на анкету „Украинской Жизни“).

Я не знакомъ съ украинскимъ вопросомъ въ той полнотѣ, которая давала бы мнѣ право отвѣтить подробно на вашу анкету, слишкомъ детальную; я могу повторить лишь нѣсколько общихъ, всѣмъ знакомыхъ положеній, которыя считаю неоспоримыми и которыя, какъ я думаю, искусственно замалчиваются самозванными зодчими „Великой Россіи“ и апологетами мертвой московской государственности.

Поскольку я знаю психику лучшей части русской интеллигенціи, я знаю, что русскій народъ всѣхъ трехъ племенъ мыслился и чувствовался ею какъ единое цѣлое, имѣющее предъ собою врага вполне опредѣленнаго для „хохла“, „кацапа“ и „ягута“.

Русскій интеллигентъ-демократъ никогда не считалъ себя человѣкомъ, призваннымъ командовать племенами, входящими въ составъ его имперіи; онъ одинаково упорно и безкорыстно работалъ во всѣхъ кругахъ пестраго населенія Россіи, и, поскольку это населеніе сознаетъ свое культурное единство, свои социальныя права,—этимъ сознаниемъ оно обязано только работѣ демократической интеллигенціи.

Поднятый нынѣ г. Струве и раздуваемый московско-русскою мыслью шумъ о „Великой Россіи“ я считаю безусловно вреднымъ: онъ направленъ противъ одной изъ немногихъ устойчивыхъ традицій нашей демократической интеллигенціи; при той нервозности и растерянности, которыя обуяли ее, этотъ дрянной шумъ можетъ вызвать болѣзненные раздраженія, можетъ послужить,—и едва ли уже не служить,—причиною возникновенія совершенно излишнихъ и пагубныхъ споровъ, а такимъ образомъ способенъ задержать благодатный ростъ сознанія русскимъ народомъ единства его политическихъ задачъ.

Мнѣ кажется, что московско-питерское „національное возрожденіе“ должно вызвать въ умѣ каждого честнаго русскаго человѣка вполне естественную и здоровую мысль: а не является ли эта пропаганда націонализма плодомъ внушеній, идущихъ изъ темныхъ нѣдръ той политики авантюристовъ и провокаторовъ, которая вторгается всюду, гдѣ нарастаетъ солидарность, и которая, побивъ, не безъ временнаго успѣха, армянь татарами, нынѣ пытается придушить кіевлянъ москвичами?

Говоря о „внушеніяхъ“, я не утверждаю, что они воспринимаются сознательно: покаявшіеся російскіе нигилисты—нынѣ государственники—въ своемъ торопливомъ стремленіи доказать улицѣ и площади, что ихъ истощенныя „эволюціями“, изъѣденныя книжной пылью сердца все-таки еще могутъ во что-то вѣрвать и что-то проповѣдовать,—эти „бывшіе люди“ вполне способны подчиниться „внушеніямъ“ совершенно безсознательно, что ими—не однажды—и доказывалось.

Далѣе: мое знаніе великорусской народности и знакомство съ ея исторією не даютъ мнѣ увѣренности въ томъ, что эта народность обладаетъ исключительными талантами въ дѣлѣ государственнаго строительства.

Говорятъ: „именно эта народность создала обширнѣйшее государство въ мірѣ“.

Но требуется доказать, эта ли единолично и создано ли государство.

Я думаю, не одна „эта“, ибо въ дѣлѣ созданія русской культуры Кіевская Русь принимала участіе не меньшее, чѣмъ сѣверяне, и на протяженіи всей исторіи нашей происходилъ и происходитъ братскій обмѣнъ духовныхъ силъ. Князь Данило Галицкій былъ больше русскимъ и вѣрнѣе понималъ интересы націи, чѣмъ московскій князь Александръ: первый, чувствуя себя европейцемъ, собиралъ южанъ на борьбу съ ордою за культуру, а второй, отдавъ весь русскій сѣверъ въ ясакъ хану, самъ ѣздилъ по русской землѣ съ татарами дани собирать, навелъ татарскій погромъ на суздальскія земли брата своего Андрея, выгналъ изъ Пскова сына Василя за то, что онъ отказался платить хану дань. „Русичи, солнцевы внуки“ не въ Москвѣ жили, а въ Кіевѣ да въ Галичѣ; люди вольнаго Новгорода были духовно ближе веселому югу, а не угрюмой Москвѣ, „отемнявшей душу боязнью разума, гонимаго, яко бы злой духъ“.

И очевидно, что „государство“ еще не создано, иначе зачѣмъ бы проповѣдовать необходимость построения „Великой Россіи“?

Если понимать подъ государствомъ коллективъ, проникнутый,—несмотря на классовыя противорѣчія,—пониманіемъ единства національныхъ задачъ, единства культуры,—едва ли можно говорить о государствѣ тамъ, гдѣ народъ до сего дня думаетъ, что для улучшения его социальнаго бытія „необходима несчастная Россіи война“, гдѣ онъ грозитъ „перейти за канаву и отдаться въ подданство иностраннымъ державамъ“¹⁾.

Государства, пожалуй, еще нѣтъ, просто—„Митька брюхомъ навалился“ на огромную землю, самъ—сверху—придавленъ къ ней и, будучи лишень свободы движеній, свободы дѣяній, изнываетъ въ тоскѣ и мечтахъ.

Захватъ тѣхъ земель, по которымъ разсѣянъ „лишенный сознанія своихъ цѣлей и правъ“ русскій народъ, совершался имъ, какъ это извѣстно, механически, въ его стремленіи „разбрестись розно“ и всегда по линіи наименьшаго сопротивленія.

Ставши „москвичемъ въ душѣ“ и, по старой московской привычкѣ, „торопясь присягать Владиславу“, Струве въ своемъ обвинительномъ актѣ противъ лучшей части русской интеллигенціи сказалъ, что ея „идеяной формою“ является „отщепенство отъ государства и враждебность ему“,—это обвиненіе Струве могъ бы съ не меньшимъ правомъ предъявить ко всей массѣ русскаго народа.

Отщепенство—свойство, издревле присущее намъ: еще кіевляне грозили князьямъ своимъ „уйти въ греки“; либеральнѣйшій Костомаровъ считаетъ прикрѣпленіе Годуновымъ крестьянъ къ землѣ „мѣрою до крайности необходимой“: народъ еще при Грозномъ пошелъ на Востокъ „по за Каму и Уралъ“, „чѣмъ дальше отъ средоточія власти, тѣмъ ему было льготнѣе“; ибо, какъ свидѣтельствоваль Исаакъ Масса, „въ московской землѣ всѣ должностныя лица были воры“.

Должностныя лица—воры, а хорошимъ людямъ въ московской землѣ мѣста нѣтъ: и бояре бѣгутъ „за рубежъ“, и холопы „въ казаки“, и некрасовцы „за Дунай“,

¹⁾ См. В. В. Воронцовъ, „Народныя настроенія“, „Запросы Жизни“, № 11, 1911. С. Я. Елпатьевскій, „Безчинство“, „Русское Богатство“, № 5, 1912.

и на всемъ протяженіи исторіи стономъ стоятъ горькія сѣтованія лучшихъ русскихъ людей: трудно на Москвѣ русскому человѣку! Даже гибкій, какъ мечъ каленой стали, Пушкинъ, одинъ изъ славнѣйшихъ великомучениковъ русскихъ, и тотъ восплакалъ съ тоски и обиды:

„И дернулъ чортъ меня родиться въ Россіи съ талантомъ и душою!“

„Отщепенство“ равно свойственно всѣмъ сословіямъ нашимъ: въ 1648 году арзамасскій воевода Травинъ писалъ въ Москву: „арзамасцы, дворяне и дѣти боярскія твоему государеву указу не слушаютъ, чинятся сильны, вскорѣ на твою государеву службу не ѣдутъ... а иные отбывать твоей государевой службѣ избѣгаютъ, дома не сказываются“.

Исторія колонизаціи Поволжья и украинскихъ городовъ полна такими „отписками“ воеводъ: дворяне и дѣти боярскія „сказывались въ нѣтяхъ“ одинаково охотно и во дни Степана Разина, и въ тяжелые годы Петра. Этотъ „абсентеизмъ“ живъ и по сію пору: г. Струве и всѣмъ, иже съ нимъ, конечно, вѣдомо, что условія, воспитавшія въ русскомъ народѣ „отщепенство отъ государства“, сохранились въ печальной полнотѣ до нашихъ дней. Слѣдовало бы понять, что однимъ изъ такихъ условій, отталкивающихъ демократію отъ ея законной работы построенія правоваго государства, является „вѣхизмъ“—позорнѣйшее отщепенство части русской интеллигенціи въ сторону идеологіи „должностныхъ лицъ“.

Мнѣ думается, что русскіе историки слишкомъ мало придавали значенія той роли, которую въ дѣлѣ организаціи Московскаго государства играли иноземные, „навозные люди“ разныхъ племенныхъ мастей, наемники, которыхъ приглашали въ помощь себѣ московскіе „собиратели земли“. Не отрицая, что различные варяги играли нѣкоторую организаторскую роль въ началѣ исторіи нашей, не будемъ забывать, что ихъ безжалостная, жестокая работа должна была внушить народу чувство „отщепенства“, недавно освѣженное... Глубоко увѣренъ, что роль, напримѣръ, остзейскихъ бароновъ въ строеніи Московскаго государства можетъ и должна быть предметомъ интереснѣйшаго историческаго изслѣдованія, способнаго очень многое объяснить въ психикѣ русскаго общества и человѣка.

О „розни между народомъ и правящими классами“ у насъ написано немало, условія ея возникновенія и развитія довольно четко нарисованы талантливымъ И. И. Дитятинымъ, но онъ признавалъ „отщепенство“ демократіи отъ „государственности“ свойствомъ здоровымъ, и не только въ его глазахъ это свойство являлось выраженіемъ стремленія народныхъ силъ къ свободѣ и самодѣятельности.

Уродливо разсѣянный географически, густо прослоенный чуждыми по крови племенами, еще менѣе культурными, чѣмъ самъ онъ, почти лишенный, подъ влияніемъ удѣльныхъ неурядицъ, чувства своего племеннаго единства,—русскій народъ всегда понималъ необходимость областной самостоятельности, областного самоуправления; современные „сепаратизмы“ являются оправданнымъ исторіею, естественнымъ стремленіемъ къ свободѣ дѣянія.

Ни одна страна не отбрасываетъ прочь столь огромнаго количества „лишнихъ“ людей, какъ наша Русь,—это вѣрно. Но людей этихъ нельзя назвать продуктами социальнаго распада, вызваннаго усиленной жизнедѣятельностью, интенсивной социальной борьбою классовъ: въ большинствѣ своемъ наши „лишніе люди“—сила не выработанная, не шлакъ, а богатая руда. Тамъ, гдѣ „лишніе люди“ находили условія, удобныя для работы, они работали плодотворно и умѣло: вспомнимъ заселеніе Урала, Сибири, Поморья, Новороссіи, работу сектантовъ на Кавказѣ и всю тяжелую колонизаціонную дѣятельность народа, который весь цѣликомъ чувствовалъ,—да и чувствуетъ,—себя лишнимъ въ Московскомъ государствѣ...

А московскіе книжники всегда были и есть немного фарисеи,—они прекрасно видятъ, что ощущеніе невозможности свободно проявить свои духовныя силы обращается у русскаго человѣка въ его внутреннее убѣжденіе, становится свойствомъ его психики, убиваетъ волю, способствуетъ росту пассивнаго отношенія къ дѣйствительности.

Но, видя, зная это, упрекая демократію въ отщепенствѣ, они же сами заявляютъ: „мы должны благодарить власть за то, что она штыками охраняетъ насъ отъ ярости народной“. Могутъ ли заявленія эти не послужить развитію отщепенства?

Расколъ между демократіей и тою частью интеллигенціи, идеологами которой являются „вѣхисты“, есть, конечно,

расколъ по линіи классовыхъ интересовъ и классоваго міроощущенія, но у насъ, на Руси, онъ осложняется издревле и прочно унаслѣдованнымъ демократією не только законнымъ чувствомъ недовѣрія ко всякимъ строителямъ государства „сверху“, но и вообще недовѣріемъ къ интеллигенціи, а она, за послѣднее время, усердно старается развить и укрѣпить это пагубное отношеніе къ ней.

Недавно одинъ изъ сторонниковъ московской идеологіи, г. Келтуяла, въ предисловіи къ своему „Курсу литературы“ совершенно вычеркнулъ русскій народъ изъ русской исторіи, откровенно и голословно заявивъ:

„Подлиннымъ творцомъ древне-русской національной культуры, литературы и міровоззрѣнія былъ не „народъ“, представляемый въ демократическихъ и простонародныхъ или крестьянскихъ очертаніяхъ, а небольшая часть народа, именно его высшій, правящій классъ“.

Выходки такого сорта и тона должны имѣть двоякое значеніе для народной массы: когда отзвуки ихъ дойдутъ до ея наиболѣе вымученной, безнадежной и безсильной части,—въ ней гг. „вѣхисты“ укрѣпятъ и оправдаютъ ея пассивно-анархическое отношеніе къ дѣлу жизни, посодѣйствуютъ росту отчаянія въ ней и усилятъ ея дикое озорство—русское выраженіе отчаянія, коего не чужды и сами „вѣхисты“. Но, съ другой стороны, „вѣхизмъ“ и сопряженное съ нимъ „ученіе“ о „Великой Россіи“ надобно считать какъ нельзя болѣе полезнымъ для развитія въ здоровой и жизнеспособной демократіи нашей сознанія ея своихъ правъ, задачъ и образа дѣйствій.

Отщепляясь отъ демократіи въ сторону буржуазно-бюрократическихъ тенденцій, московско-русская мысль совершенно опредѣленно указываетъ демократу его политическую роль въ странѣ и ту линію, по которой онъ наиболѣе быстро, съ наименьшею затратою энергіи придетъ къ завоеванію политической свободы и развяжетъ себѣ руки для борьбы за свободу экономическую.

Несомнѣнно, что русскій народъ,—великая туманность, но такъ же несомнѣнно, что за послѣдніе годы онъ быстро вращался и въ центрѣ его уже образовалось живое огненное ядро. Ростъ энергіи въ западно-европейской соціальной демократіи создаетъ новую атмосферу, которая, какъ мы видимъ, вліяетъ ороганизаторски и возбуждающе-бодро на весь міръ,—она не можетъ не вліять столь же опредѣленно и на русскій народъ.

Онъ скоро долженъ будетъ понять, какъ нелѣпа проповѣдь націонализма въ эпоху гигантскихъ интернаціональныхъ организацій капитала и какъ пагубна можетъ быть для его свободы эта проповѣдь. Онъ не позволитъ строить „Великую Россію“ на угнетѣннѣи племень, среди которыхъ живетъ, ибо это построение надолго обратилось бы въ желѣзную клѣтку для него же самого.

И надобно ждать, что вмѣстѣ съ тою интеллигенціею, которая еще не утратила чувства единства своихъ политическихъ интересовъ съ интересами народа,—демократія переработаетъ свое „отщепенство“ отъ жизни и дѣянія въ здоровое стремленіе къ организаціи всей Россіи на началахъ широкаго федерализма.

Чувство „государственности“ начинается съ признанія человѣкомъ полезности для него государственныхъ учрежденій. Въ странѣ, гдѣ возможно безнаказанно разрушать университеты, цинически отрицать всякую „законность“, провоцировать всюду и во всемъ,—въ такой странѣ слова „государственныя учрежденія“ звучатъ какъ насмѣшка...

Постепенно излѣчиваясь отъ тѣхъ увѣчій, которыя нанесены нашему народу его мучительнѣйшей исторіею, полной горькихъ разочарованій,—народъ нашъ все яснѣе долженъ видѣть, что, кромѣ какъ на свои силы, ему не на что надѣяться, никто ему безкорыстно не поможетъ въ трудномъ дѣлѣ сознанія имъ его великихъ задачъ: учителей и друзей онъ найдетъ лишь на Западѣ, въ Европѣ, гдѣ постепенно нарастаетъ идея всемірнаго объединенія демократіи.

Памятуя угнетенія, пережитыя и переживаемыя ею, русская демократія не пойдетъ за тѣми, кто хотѣлъ бы увлечь ее къ угнетенію народностей, живущихъ бокъ-о-бокъ съ нею, не позволитъ стѣснять свободу людей, коимъ свобода необходима такъ же, какъ и ей самой.

Если говорить о Россіи какъ о цѣломъ, не надо забывать, что строили ее всѣ три племени вмѣстѣ и что они-то и есть живой ея скелетъ, крѣпко обросшій мускулами иныхъ племенъ; надобно неуклонно заботиться, чтобы этотъ стержень хорошо чувствовалъ свое химическое единство, чтобы онъ могъ быстро и успѣшно развивать всѣ свои добрыя, здоровыя свойства, тогда и мускулатура плотнѣе срастется съ нимъ.

Истинный демократъ свободолюбивъ, гуманитаренъ,

коллективистиченъ; искренній демократъ понимаетъ, что если и единиць потребна для проявленія силъ ея духа возможно полная свобода,—эта законная потребность становится совершенно неоспоримой и, такъ сказать, священной, когда о ней заявляютъ миллионы единицъ.

Каждый духовно-здоровый человекъ являетъ собою какъ бы туго свернутую хартію, исписанную впечатлѣніями историческаго бытія его племени, его предковъ. Въ счастливыхъ условіяхъ эта хартія, развертываясь, обогащаетъ насъ такими радостными явленіями, какъ Шевченко, Пушкинъ, Мицкевичъ,—люди, воплощающіе духъ народа съ наибольшою красой, силой и полнотью.

Каждое племя есть источникъ неисчислимыхъ возможностей обогащенія жизни энергією духа, и необходимо, въ интересахъ быстрѣйшаго роста міровой культуры, чтобы эта энергія развивалась нормально, втекала въ жизнь—на счастье и радость намъ—при условіи наибольшей свободы.

Демократія можетъ признать законнымъ и естественнымъ только одинъ видъ ассимиляціи—ассимиляцію на почвѣ общечеловѣческой культуры, которая нынѣ становится культурой планетарной. Эта ассимиляція—неизбѣжна, она ведетъ ко всемірному объединенію людей, она заставляетъ думать о работѣ отошедшихъ поколѣній съ чувствомъ почтительной благодарности, она возбуждаетъ рабочую энергію въ настоящемъ и обѣщаетъ людямъ сказочно-прекрасное будущее.

Демократія, всюду постепенно и неуклонно завоевывая свои права, все болѣе ясно понимая безпредѣльность своихъ коллективныхъ силъ, не можетъ не понять, что насиліе государства надъ свободнымъ стремленіемъ людей къ самоопредѣленію задерживаетъ процессъ всеобщей организациі духовныхъ силъ міра, искусственно утверждая тяготѣніе человекъ и племени къ отъединенію отъ міра, отъ вселенской работы.

Это особенно хорошо надо понять намъ, русскимъ,—людямъ, слишкомъ склоннымъ къ „отщепенству“ и всяческому расчлененію, людямъ, плохо одареннымъ способностью синтеза.

Врагъ у насъ—одинъ, его лицо хорошо извѣстно намъ, пріемъ его политики издревле знакомъ—„раздѣляя, властвуй“...

Мы должны, наконецъ, понять, что вся сила нашего врага—въ нашей неорганизованности и что намъ слѣдуетъ стремиться ко всероссійскому единенію.

Пусть каждый свободно живетъ и работаетъ на землѣ, удобренной прахомъ его предковъ, украшенной ихъ великой работой, и тогда всѣ мы почувствуемъ себя въ нашей Россіи какъ дѣти на груди матери. Каждому—свое и есмь—все доброе.

Россіи демократической не нужны и вредны проповѣдники московскаго централизма,—ей нужны люди, которые изо дня въ день, упрямо, неотвязно, неустанно говорили бы:

„Друзья, братья, товарищи, „русичи, солнцевы внуки“!

„И религія, и наука, и современная практика жизни—вся работа міра внушаетъ вамъ одинъ и тотъ же лозунгъ на всѣ времена:

„Въ единеніи сила!“

М. Горькій.

Капитализмъ и русская культура на Украинѣ¹⁾.

Хозяйственная культура, ея состояние, ростъ и потребности, безспорно, составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ въ національной проблемѣ каждаго порабощеннаго, но стремящагося къ свободной жизни народа. Въ ея далекихъ глубинахъ сокрыты незримые корни той своеобразной, національной, духовной культуры, которая является прекраснымъ нагляднымъ доказательствомъ существованія націи, ея потребностей и запросовъ, ея права на свободное самоопредѣленіе и развитіе. Въ ея свойствахъ заключается тайна быстрого распространенія національной идеи въ наше время, вовлеченія огромныхъ народныхъ массъ въ современное національное движеніе, превращенія ихъ изъ этнографическаго матеріала стихійной исторической эволюціи въ творца новой, сознательной, національной жизни,—развитой, красочной и многогранной.

Длинной цѣпью причинъ и слѣдствій тѣсно и неразрывно сплелись другъ съ другомъ капиталистическое хозяйство и національная идея новаго времени.

Съ водвореніемъ капиталистическихъ отношеній въ народномъ хозяйствѣ исчезаетъ бывшее однообразіе, примитивность и разобщенность хозяйственныхъ элементовъ, растутъ и развивается необычайная ихъ дифференцированность, сложность и сцѣпленность. Широкое развитіе социальнаго раздѣленія труда, интенсивный и всеобъемлющій товарообмѣнъ и вытекающая отсюда взаимная зависимость отдѣльныхъ коммунъ и областей,—все это обуславливаетъ образованіе изъ массы говоровъ и нарѣчій національнаго языка, какъ орудія социаль-эко-

¹⁾ Даемъ мѣсто настоящей статьѣ, какъ попыткѣ освѣтить украинскій національный вопросъ съ точки зрѣнія определенной социаль-экономической доктрины, имѣющей извѣстный кругъ сторонниковъ въ украинскомъ обществѣ.

номического общенія народныхъ массъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ хозяйственная система, обусловливающая небывалое въ исторіи хозяйственного быта развитіе производительныхъ—силъ, капитализмъ требуетъ общаго культурнаго подъема населенія, широкой демократизаціи знаній, развитія науки, искусства, литературы, — словомъ, образованія національной культуры въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Капиталистическій строй, приводя въ движеніе огромныя массы населенія, заставляя ихъ соприкасаться съ разнородными національными элементами, родственными и чуждыми, вырабатываетъ въ нихъ сознаніе національной общности и отдѣльности, развиваетъ національное самосознаніе, превращаетъ націю an sich въ націю für sich. Подготовивъ, такимъ образомъ, народность къ выполненію великихъ культурно-творческихъ задачъ, капитализмъ даетъ ей и соответствующія объективныя условія для интенсивнаго производства новыхъ національно-культурныхъ цѣнностей, содѣйствуя пышному расцвѣту производительныхъ силъ національнаго хозяйства и образованію крупныхъ городовъ, этихъ огромныхъ фабрикъ современной духовной культуры.

Такъ, капитализмъ, и только онъ, превращаетъ „статическую потенцію этнической стихіи въ самосознающую и самонаправляющую динамику національной жизни“. Развитіе современной капиталистической хозяйственной культуры является *conditio sine qua* по роста національныхъ силъ, успѣха національнаго движенія. И горе той націи, которая въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ и политическихъ причинъ не можетъ создать у себя капиталистической промышленности, которая благодаря этому при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, представляетъ намъ картину хозяйственнаго упадка или хотя бы только застоя! Такая нація находится въ очень и очень неблагопріятныхъ условіяхъ своего національнаго возрожденія и раскрѣпощенія. Нѣтъ и не можетъ быть у нея того „народнаго богатства“, которое всѣмъ національнымъ требованіямъ даетъ матеріальное условіе ихъ осуществимости. Нѣтъ мѣста у такой націи и той полноцвѣтной и разнообразной культурѣ, которая освѣщаетъ извилистые пути національнаго развитія и сложныя задачи національнаго возрожденія и которая можетъ расти и растеть лишь на тучной почвѣ развитаго капиталистиче-

скаго хозяйства. Наконецъ, нѣтъ въ ней и тѣхъ организующихъ началъ современнаго хозяйственнаго строя, которыя такъ необходимы для ея планомѣрной успѣшной освободительной борьбы. Вотъ почему націонализація современнаго капиталистическаго хозяйства является одновременно основой и задачей національнаго движенія каждой негосударственной національности. Это — вопросъ жизни или смерти ея.

Такое вліяніе и значеніе капиталистическаго хозяйства въ національной проблемѣ въ наше время все болѣе и болѣе получаетъ общее признаніе въ политикѣ и публицистикѣ.

Но, какъ это ни странно, публицисты и политики весьма и весьма различныхъ, даже противоположныхъ, направленій, подходя къ вопросу украинскому, забываютъ этотъ общій выводъ или, вѣрнѣе будетъ сказать, отрицаютъ его приложимость къ украинскому національному движенію. По ихъ мнѣнію, развитіе капитализма на Украинѣ неизбежно будетъ влечь за собою усиленіе „общерусскаго“ языка и „общерусской“ культуры среди украинскаго населенія, паденіе украинскаго національнаго движенія, именуемаго ими украинскимъ „партикуляризмомъ“, поведетъ къ денационализаціи украинцевъ, къ ихъ руссификаціи.

Этотъ взглядъ, весьма распространенный среди русской интеллигенціи, особенно среди вкусившей экономическаго матеріализма, только въ послѣднее время получилъ литературную формулировку въ извѣстной статьѣ г. Струве „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“, — формулировку, интересную между прочимъ еще и тѣмъ, что, несмотря на ученость автора, она не подымается выше уровня мыслей обыкновеннаго профана-обывателя. Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ возможность познакомиться съ этимъ взглядомъ въ его типичномъ проявленіи и дать ему достоодолжную оцѣнку.

Посмотримъ же, на чемъ основано это распространенное мнѣніе о руссифицирующемъ вліяніи капитализма на украинское населеніе.

„Капитализмъ разговариваетъ и будетъ разговаривать не по-малорусски, а по-русски“, — такъ говоритъ г. Струве, и въ этомъ усматриваетъ новое доказательство того, что „естественное“, „стихийное“ развитіе, „опираю-

щееся на могущественные процессы въ экономической жизни, благоприятствуетъ общерусскому языку“.

Беря эту мысль буквально, мы должны будемъ прийти къ тому заключенію, что положеніе г. Струве — сплошное недоразумѣніе. Вѣдь если подъ именемъ капитализма мы будемъ разумѣть всю сумму разнообразныхъ хозяйственныхъ отношеній, въ которыхъ, очевидно, активными участниками являются различные классы мѣстнаго населенія и прежде всего капиталисты и рабочіе, то ясно, что утвержденіе г. Струве относительно и сключительной роли русскаго языка, какъ органа общенія на почвѣ экономическихъ отношеній капитализма, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и въ лучшемъ случаѣ можетъ разсматриваться какъ *lapsus linguae*. Утвержденіе это, собственно говоря, означало бы не что иное, какъ то, что украинское населеніе еще до сихъ поръ не вышло изъ стадіи натурального хозяйства, что капитализмъ на Украинѣ совершенно не затронулъ ея коренного населенія. Разумѣется, такая мысль была бы очевидно нелѣпостью, и ее г. Струве не могъ бы высказать, ибо ему, по всей вѣроятности, извѣстно развитіе капиталистическихъ отношеній, хотя бы въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ украинскаго населенія. Такимъ образомъ, мы, вопреки утверженію г. Струве, имѣемъ полное право сказать, что капитализмъ въ нашемъ краѣ говоритъ не только по-русски, но и по-украински, и добавимъ: будетъ говорить до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать украинская національность. Какая же мысль скрывается въ вышеупомянутомъ положеніи, такъ неудачно формулированномъ?

Мысль г. Струве заключается единственно въ томъ, что классъ капиталистовъ на Украинѣ говоритъ и будетъ говорить по-русски, а не по-украински. По отношенію къ коренному, украинскому, населенію это означаетъ не что иное, какъ то, что промышленность Украины, основанная въ настоящее время на великорусскомъ капиталѣ, останется таковою и впредь.

Допустимъ, что мысль г. Струве справедлива для настоящаго времени, что вся промышленность Украины дѣйствительно питается неизмѣнно великорусскимъ капиталомъ. Но можно ли отсюда такъ легко перейти къ заключенію о будущемъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве, и съ такою

категоричностью исключить возможность измѣненія здѣсь національнаго status quo ante.

Если мы обратимся прежде всего къ исторіи промышленнаго развитія главнѣйшихъ странъ, то увидимъ, что всѣ онѣ обязаны развитіемъ своей промышленности иностранному капиталу. Даже Англія, эта колыбель европейскаго капитализма, на зарѣ своего индустріальнаго развитія не обошлась безъ помощи иностраннаго капитала и иностранныхъ капиталистовъ, эмигрировавшихъ изъ промышленныхъ и торговыхъ странъ въ отсталую, но свободную Англію. И однако надо признать въ настоящее время, что большинство промышленно развитыхъ странъ давно уже совершенно эмансипировалось въ промышленномъ отношеніи отъ иностраннаго капитала, и ихъ капиталистическая индустрія стала вполнѣ національною, что остальные страны, недавно вступившія на путь капиталистическаго развитія, ждетъ та же судьба постепенной эмансипаціи отъ иностраннаго капитала.

Поэтому, мы имѣемъ основаніе категорически утверждать, что Украина, промышленность которой къ тому же основана на заграничномъ,—польскомъ, еврейскомъ, а не только великорусскомъ—капиталѣ¹⁾, пойдетъ по тому же пути и въ будущемъ, создавая въ процессѣ своего экономическаго развитія національный, украинскій, капиталъ и на-

¹⁾ Утвержденіе г. Струве, если свести его къ тому, что крупный капиталъ на Украинѣ говоритъ исключительно по-русски, а не по-„малорусски“, означало бы, что на Украинѣ въ ея торговлѣ и промышленности исключительную роль играетъ великорусскій капиталъ. Хотѣлось бы знать, на чемъ основано это мнѣніе г. Струве. Если разсмотримъ отдѣльныя отрасли нашего народнаго хозяйства, то увидимъ, что въ дѣйствительности для этого нѣтъ никакихъ основаній. Въ нашей горной промышленности исключительная роль принадлежитъ заграничнымъ капиталамъ—французскому, бельгійскому, англійскому. Въ сахаровареніи огромную роль играетъ польскій и еврейскій капиталъ, значительно меньшую—великорусскій и заграничный. Въ муниципальныя предпріятія нашихъ городовъ вложенъ почти исключительно иностранный капиталъ. Въ различныхъ родахъ торговли едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что еврейскій капиталъ имѣетъ несоизмѣримо большее значеніе на Украинѣ, чѣмъ великорусскій капиталъ. Если же вопросъ поставить иначе, а именно: какова разговорная рѣчь всѣхъ этихъ капиталистовъ, то и здѣсь мы не можемъ дать одного отвѣта. Крупный капиталъ на Украинѣ вообщемъ говоритъ на различныхъ языкахъ: на языкѣ своей національности; въ своей дѣловой жизни говоритъ на томъ языкѣ, на которомъ ему удобнѣе; въ сношеніяхъ съ государственными и общественными учрежденіями по-русски, въ сношеніяхъ съ населеніемъ говоритъ черезъ своихъ агентовъ на мѣстныхъ языкахъ.

ціональную, украинскую, промышленность, освободится отъ иностраннаго, въ томъ числѣ и великорусскаго, капитала. Дѣлать для Украины исключеніе изъ общаго закона экономической эволюціи нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Но и по отношенію къ настоящему времени мысль г. Струве должна быть очень и очень ограничена. Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, что по сравненію съ заграничнымъ и еврейскимъ капиталомъ великорусскій играетъ на Украинѣ въ ея промышленности и торговлѣ весьма скромную роль. Затѣмъ мы должны принять во вниманіе, что классъ капиталистовъ включаетъ въ себя различныя категоріи, въ зависимости отъ величины капитала,—крупныхъ, среднихъ и мелкихъ,—и что вопросъ о разговорной рѣчи необходимо рѣшать для каждой категоріи капитала отдѣльно. Если относительно крупнаго капитала едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что онъ говоритъ не поукраински, то по отношенію къ среднему и еще болѣе къ мелкому такое сомнѣніе и законно, и умѣстно.

Проникая во всѣ отрасли народнаго хозяйства мѣстнаго населенія, капитализмъ развивается также и въ сельскомъ хозяйствѣ Украины. Подъ его вліяніемъ здѣсь изъ крестьянской среды выдѣляются хозяйственные мужички, представители средней и мелкой буржуазіи, которые не рвутъ своихъ связей ни съ украинской національностью, ни съ украинскимъ языкомъ, что для обитателей украинскихъ селъ и деревень является дѣломъ безусловно и невозможнымъ. Такимъ образомъ, изъ среды украинской національности, какъ того и слѣдовало ожидать, вырастаетъ украинскій капиталъ въ лицѣ средняго крестьянства, сохраняющаго національныя черты и національный языкъ кореннаго населенія Украины.

Но этого мало. Въ деревняхъ, мелкихъ и среднихъ городахъ и мѣстечкахъ, зачастую превосходящихъ мелкіе города, мы видимъ мелкихъ и даже среднихъ украинскихъ предпринимателей-ремесленниковъ, торговцевъ, владѣльцевъ различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий. Стоитъ побывать на украинскихъ базарахъ и ярмаркахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но, помимо этого, мы имѣемъ непосредственныя официальные свидѣтельства, подтверждающія нашу мысль. Мы говоримъ о первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 28-го января 1897 г. Такъ, напр., однихъ только получающихъ средства къ жизни

отъ доходовъ, приносимыхъ денежнымъ капиталомъ и недвижимой собственностью, было 38,9 тыс. душъ украинцевъ „самостоятельныхъ“, или около 8 на 1,000 душъ „самостоятельныхъ“, говорящихъ по-„малорусски“¹⁾. Немало также зарегистрировала перепись украинцевъ-предпринимателей въ различныхъ профессіяхъ, принятыхъ главной переписной комиссіей²⁾. Все это представители мелкаго и средняго украинскаго капитала, принадлежащіе къ украинской націи хотя бы только объективно, а не субъективно³⁾. Кто знаетъ, какъ производилась перепись, какъ тенденціозно направлялась она съ точки зрѣнія національной и религіозной, какъ невѣжествененъ былъ составъ ея ближайшихъ исполнителей, тотъ согласится съ нами, что перепись 1897 года могла только преуменьшить украинскій элементъ вообще,—eo ipso, и въ различныхъ группахъ предпринимателей на Украинѣ. Но, какъ бы то ни было, существуетъ торговый и промышленный капиталъ, мелкій и средній, говорящій по-украински. Со времени переписи прошло 15 лѣтъ, и подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ явленіе это должно было возрасти. Но разсмотрѣніе ихъ приводитъ насъ къ вопросу о будущемъ украинскаго капитализма, украинскаго капитала. Къ этому мы и переходимъ.

Разумѣется, во главу угла здѣсь необходимо поставить самостоятельное образованіе крупнаго украинскаго капитала въ процессѣ „стихійнаго“ экономическаго развитія. Если

1) Цифры эти относятся ко всему украинскому населенію 39 губерній и областей, въ которыхъ жило украинцевъ 21,579 тыс. душъ обоюго пола. Смотри работу А. Русова „Про заняття українців по перепису 1897 року“ въ „Запискахъ Украинскаго Научнаго Общества“, книга V, 1909 годъ.

2) Судить объ этомъ мы можемъ лишь предположительно, на основаніи сравненія числа рабочихъ, числа самостоятельныхъ и членовъ семей въ отдѣльныхъ группахъ занятій какъ среди всего населенія 9 губерній Украины, такъ и среди украинцевъ этихъ же губерній. Особенно много этихъ предпринимателей было въ группахъ: обработкѣ волокнистыхъ веществъ, обработкѣ минеральныхъ веществъ, изготовленіи обуви и одежды, торговлѣ и т. п.

3) Они заявили, что говорятъ „по-малорусски“, и въ этомъ заключаются объективныя данныя для причисленія ихъ къ украинской національности. Говорить же объ ихъ національномъ самосознаніи, что составляетъ субъективный признакъ принадлежности ихъ къ нашей націи, разумѣется, не приходится. Но какъ во всей массѣ населенія, обладающей извѣстной суммой объективныхъ національныхъ признаковъ, неизбѣжно на извѣстной стадіи общественнаго развитія рождается національное самосознаніе, подобно этому и въ каждой отдѣльной части этого населенія, въ каждомъ его классѣ, возникновеніе національнаго самосознанія неизбѣжно.

уже въ настоящее время мы имѣемъ мелкихъ, среднихъ и немногочисленныхъ крупныхъ капиталистовъ-украинцевъ, то, въ силу непреодолимыхъ законовъ современнаго хозяйственнаго строя, образованіе крупнаго украинскаго промышленнаго и торговаго капитала—явленіе неизбѣжное.

Затѣмъ съ общимъ поступательнымъ движеніемъ капитализма въ государствѣ неизбѣжно наступленіе, если позволительно будетъ такъ выразиться, демократизаціи капитализма. Въ настоящее время наша капиталистическая индустрія болѣе зависитъ отъ казенныхъ заказовъ, чѣмъ отъ народнаго потребленія. Но такое положеніе вещей обречено рано или поздно на смерть. Развитіе производительныхъ силъ страны возможно въ капиталистическомъ обществѣ только на почвѣ широкаго массоваго производства и народнаго потребленія. Наступленіе такого отношенія между индустріей и народными массами должно неизбѣжно прійти и для Россіи, и оно будетъ означать демократизацію капитализма. Мѣстная капиталистическая индустрія должна будетъ считаться съ народными массами—съ ихъ вкусами, съ ихъ потребностями, ихъ языкомъ. Мѣстный капиталъ долженъ будетъ обратиться въ борьбѣ со своими конкурентами къ рекламѣ на языкѣ различныхъ національностей, населяющихъ Россію, а въ томъ числѣ и къ рекламѣ на украинскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, съ демократизаціей капитала ¹⁾ неизбѣжна будетъ и націонализація во всѣхъ этнографическихъ областяхъ нашего государства.

Къ этому присоединяется еще наличность все болѣе обостряющихся и яснѣе сознаваемыхъ экономическихъ противорѣчій между центромъ и отдѣльными этнографическими областями, что особенное значеніе имѣетъ для такого огромнаго государства, какъ Россія. Прежде всего здѣсь должно обратить вниманіе на то обстоятельство, что

¹⁾ Мы касаемся лишь экономической зависимости капитала отъ народныхъ массъ. Но надо помнить, что еще сильнѣе въ направленіи націонализаціи дѣйствуютъ причины политическія: классовая борьба, борьба за власть въ государствѣ, необходимость въ этой борьбѣ опираться на народъ, вовлекать его въ сферу своего вліянія, разумѣется, опираясь на его интересы, освѣщать общественныя и государственныя задачи съ точки зрѣнія интересовъ капитала, на мѣстномъ народномъ языкѣ. Все это сплошь и рядомъ заставляеть чужеземный капиталъ дѣлаться національнымъ и по языку, и по идеологіи.

финансовая централизация, которая характеризует каждое не-демократическое государство, особенно остро чувствуется и сознается эксплуатируемыми областями в государствах, состоящемъ изъ многочисленныхъ націй (Nationalitäten staat). Каждая этнографическая область стремится къ большей или меньшей эквивалентности между государственными доходами отъ нея и расходами въ ней и рассматриваетъ перевѣсъ доходовъ надъ расходами какъ невознаградимый ущербъ мѣстнымъ интересамъ, какъ эксплуатацию мѣстнаго населенія. Вполнѣ естественно, что эти областныя антагонизмы этнографическихъ территорій вырастаютъ въ антогонизмы національныя. Но мѣстный капиталъ не можетъ оставаться индифферентнымъ къ этимъ антагонизмамъ, ибо его ростъ находится въ зависимости отъ культурнаго и хозяйственнаго развитія мѣстной національности, задерживаемаго финансовой централизацией. Рано или поздно долженъ будетъ учесть это явление капиталъ и на Украинѣ.

Помимо этого, различная хозяйственная структура этнографическихъ областей, различная роль тѣхъ или иныхъ отраслей хозяйства въ экономической жизни областного населенія, при централистическихъ тенденціяхъ въ экономической политикѣ, Nationalitäten staat'a, какъ внутренней, такъ и внѣшней, вызываетъ частыя столкновения экономическихъ интересовъ различныхъ областей, создавая болѣе или менѣе постоянные экономическія антагонизмы областей и населяющихъ ихъ народностей.

Такимъ образомъ, сознание областныхъ интересовъ, защищаемыхъ мѣстнымъ капиталомъ, претворяясь въ національное сознание, неизбежно ведетъ къ национализация капитала на Украинѣ.

Но несоизмѣримо большее значение въ дѣлѣ национализации капитала въ нашемъ краѣ будетъ играть дальнѣйшій ростъ національнаго возрожденія украинскаго народа. Чѣмъ больше оно будетъ охватывать украинскія народныя массы, тѣмъ болѣе вынужденъ будетъ капиталъ считаться съ украинскимъ національнымъ движениемъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ рано или поздно потерять мѣстный рынокъ. Капиталъ, враждебный національнымъ интересамъ, будетъ лишь терпимъ до той поры, когда можно будетъ его замѣнить „роднымъ“ капиталомъ. И всѣ усилія возрождающейся націи будутъ на-

правлены къ тому, чтобы вытѣснить чужой, а къ тому еще и враждебный капиталъ, лишить его экономического господства на „своей“ территоріи. Разумѣется, дѣло не дойдетъ до этого, ибо, понуждаемый интересами прибыли, капиталъ предпочтетъ ассимиляцію изгнанію. Онъ проникнется національными интересами чужого ему народа, будетъ стараться использовать національное движеніе для увеличенія своего экономического и политическаго могущества. И чѣмъ быстрѣе будетъ развиваться національное самосознаніе украинскаго народа, чѣмъ большіе успѣхи будетъ дѣлать его національное движеніе и національная культура, тѣмъ неотразимѣе и быстрѣе будетъ приближаться моментъ націонализации капитала въ нашемъ краѣ.

Но,—говорятъ намъ,—то развитіе капитализма на Украинѣ, которое обусловливаетъ какъ аккумуляцію капитала, такъ будто бы и его націонализацию, дѣйствуетъ и въ обратномъ направленіи: „поскольку капитализмъ привлекаетъ „великорусское“ населеніе на украинскую почву, онъ этимъ самымъ непосредственно вноситъ въ первоначальную этническую цѣльность Украины извѣстное разложеніе, могущественно усиливающее общерусскій элементъ въ ущербъ малорусскому“. Если присоединить къ этому еще и то, что въ городахъ, особенно же въ крупныхъ, которымъ принадлежитъ въ значительной степени руководящая роль въ культурной жизни современныхъ націй, населеніе говоритъ по-русски, а не по-украински, то передъ нами встанутъ огромныя силы, противодѣйствующія націонализации хозяйственной и культурной жизни украинскаго народа, даже больше, — влекуція украинскую націю къ обрусѣнію.

Остановимся прежде всего на городахъ Украины.

Что въ современномъ обществѣ городамъ принадлежитъ рѣшающая роль, противъ этого мы не будемъ спорить, какъ и противъ того, что большинство населенія крупныхъ городовъ Украины, какъ показала перепись 1897 года, говоритъ не по-украински ¹⁾).

Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, можно

¹⁾ И здѣсь, однако, положеніе г. Струве о русскомъ языкѣ въ городахъ Украины нуждается въ цѣломъ рядѣ существенныхъ ограниченій. Прежде всего даже въ крупныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Одесса, Харьковъ, значительное количество населенія говоритъ по-украински. Затѣмъ, что касается среднихъ и мелкихъ городовъ, то въ очень многихъ изъ нихъ украинцамъ принадлежитъ не только относительное, но и абсолютное большинство.

ли ожидать измененія современной національной физиономіи городовъ Украины къ выгодѣ украинскаго народа или къ его невыгодѣ, въ направленіи украинизаціи или же еще большей руссификаціи ихъ.

Попытаемся разобраться въ этомъ, необыкновенно интересномъ и важномъ для украинскаго движенія вопросѣ.

Современные города — города капиталистическаго общества, и ихъ ростъ находится въ зависимости отъ законовъ, господствующихъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Не естественный приростъ городского населенія — причина огромнаго роста современныхъ городовъ, а притокъ крестьянскаго населенія подѣ влияніемъ возрастающаго значенія промышленности и торговли, падающей роли сельскаго хозяйства и пролетаризаціи крестьянства. И чѣмъ быстрѣе совершается развитіе капитализма въ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ интенсивнѣе ростъ городского населенія, тѣмъ сильнѣе заливаются города крестьянскими массами. Ихъ влечетъ въ городъ хорошій заработокъ, высокая городская культура, интенсивная общественная и политическая жизнь и т. д.

Но, въ нашемъ случаѣ, населеніе селъ и деревень Украины отличается отъ городского населенія въ національномъ отношеніи. Неужели въ этомъ украинско-крестьянскомъ наводненіи не потонутъ русскіе элементы городовъ, и даже цѣлые русскіе города на Украинѣ? Пусть украинское крестьянство некультурно, а города обладаютъ высокоразвитой русской культурой. Огромныя массы народныя не считаются съ этими аргументами. Въ теченіе 250 лѣтъ всяческими способами прививали имъ эту русскую культуру, но безуспѣшно. Они не могутъ усвоить эту городскую культуру, ибо для массъ усвоеніе культуры чужой національности — долгій путь культурнаго развитія. А между тѣмъ культура имъ нужна, какъ орудіе ихъ соціально-политическаго раскрѣпощенія, но культура иная. И они ищутъ, требуютъ с в о е й культуры, — они, сохранившіе свой національный языкъ, свою любовь къ родному, пронесшіе ихъ черезъ тяжелыя испытанія исторической судьбы. И они находятъ ее. Въ городахъ Украины растетъ качественно и количественно національная интеллигенція, которая создаетъ новыя національно-культурныя цѣнности, издаетъ газеты и литературу на родномъ языкѣ, организуетъ національно-культурныя учрежденія, театры, образовательныя

общества и т. п. Такъ, украинская интеллигенція находитъ, наконецъ, себѣ крѣпкую опору въ народныхъ массахъ городского населенія, подвижного, активнаго и культурнаго, а народныя массы въ интеллигенціи — своихъ національно-культурныхъ и политическихъ вождей.

Такимъ образомъ, ростъ городовъ Украины будетъ означать ихъ неизбежную націонализацию. И чѣмъ быстрѣ будетъ развиваться капитализмъ въ народномъ хозяйствѣ нашего края, тѣмъ быстрѣ будетъ увеличиваться населеніе нашихъ городовъ, тѣмъ скорѣе и интенсивнѣе будутъ устраняться и національныя противорѣчія между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, будетъ расти націонализация городовъ Украины. Ни огромныя матеріальныя богатства въ рукахъ русскихъ капиталистовъ, ни разнообразная и богатая русская культура, ни многочисленная и талантливая русская интеллигенція, ни сильная русская государственная власть — ничто не въ состояніи задержать этого воистину стихійнаго процесса.

Что вышеизложенныя мысли о національной эволюціи городовъ Украины не только слѣдствіе нашего представленія о законахъ развитія современнаго общества, но и плодъ историческихъ обобщеній на основѣ исторіи національныхъ движеній, — это лучше всего мы видимъ на исторіи чешскаго народа, у котораго много сходныхъ чертъ развитія съ украинскою націею и у котораго націонализация онѣмеченныхъ городовъ происходила именно указаннымъ сейчасъ путемъ.

Такимъ образомъ, современное состояніе городовъ Украины, представленное въ правильномъ историческомъ и соціологическомъ освѣщеніи, отнюдь не можетъ внушать украинской интеллигенціи какихъ бы то ни было опасеній за будущее національной культуры, національнаго возрожденія украинскаго народа.

Еще менѣе опасеній должна вызывать великорусская иммиграція на Украину, которая, по мнѣнію г. Струве, „могущественно“ усиливаетъ „общерусское“ начало въ ущербъ украинскому.

Дѣйствительно, быстрый темпъ развитія капитализма въ нашемъ краѣ, значительно опережающій промышленное развитіе другихъ районовъ государства и прежде всего Великороссіи, обусловливаетъ, какъ показала перепись 1897 г.,

притокъ великорусскихъ рабочихъ на Украину ¹⁾). Разсматриваемое съ формальной и количественной стороны, безусловно явленіе это способно вызывать національную тревогу среди украинцевъ. Вѣдь великорусскіе рабочіе являются піонерами „общерусской“ культуры“ и „общерусскаго“ языка и, неся въ украинскія массы русскій языкъ, русскую пѣсню, „вносятъ“ разложеніе въ этническую цѣльность Украины.

Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и анализѣ эта тревога разсѣвается.

Прежде всего мы думаемъ, что явленіе это не можетъ принять большихъ размѣровъ по той простой причинѣ, что Украина сама имѣетъ очень большое избыточное земледѣльческое населеніе. Лишь сравнительно незначительная, болѣе состоятельная, часть этого населенія можетъ найти выходъ въ преселеніи въ Сибирь. Остальная огромная масса крестьянства, какъ это ни тяжело для проникнутыхъ земледѣльческими традиціями крестьянъ, должна будетъ рано или поздно порвать свою слабую связь съ землей и отправиться въ фабричныя и промышленныя центры Украины, вступить въ экономическую борьбу съ пришлыми рабочими-великороссами. И чѣмъ глубже будетъ проникать капитализмъ въ сельское хозяйство нашего края, чѣмъ интенсивнѣе будетъ совершаться процессъ разслоенія въ украинской деревнѣ, тѣмъ энергичнѣе будетъ идти индустриализація пролетаризованнаго крестьянства, отходъ изъ деревень на фабрики и заводы. Великорусская иммиграція съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній должна будетъ слабѣть, вытѣсняясь украинской рабочей иммиграціей изъ сель и деревень въ фабрично-заводскіе и торгово-промышленныя центры Украины.

Таково будущее развитіе великорусской иммиграціи на Украину.

Что же касается наличной, уже осѣвшей, великорусской иммиграціи въ нашемъ краѣ, то національное ея будущее представляется намъ въ довольно печальномъ свѣтѣ.

Самое слабое мѣсто въ современной рабочей иммиграціи изъ Великороссіи на Украину заключается въ томъ, что она размѣщается главнымъ образомъ въ уѣздахъ. Происходитъ это въ силу того, что фабрично-заводская про-

¹⁾ Смотри: М. Порш. Економічні відносини України до інших районів Росії на робітничому ринку. „Літературно-Науковий Вістник“, 1912, кн. II и III.

мышленность въ Россіи, а особенно на Украинѣ, расположена, не въ городахъ, какъ въ Западной Европѣ, а преимущественно въ уѣздахъ. Въ городахъ русскіе рабочіе встрѣтили бы сильную свою численностью и культурностью великорусскую стихію; въ селахъ же, гдѣ господствуетъ украинскій элементъ, они будутъ находиться въ національно-чуждой имъ общественной средѣ, сильной своимъ національно-психологическимъ консерватизмомъ.

Въ этой огромной украинской крестьянской стихіи великороссы-пришельцы неизбѣжно должны будутъ постепенно раствориться. Прежде всего рабочая великорусская иммиграція на Украинѣ, уже хотя бы въ силу экономическихъ условій существованія рабочаго класса, не представляетъ изъ себя ничего устойчиваго. Живя небольшими группами вокругъ промышленныхъ заведеній, рабочіе непрерывно переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ. Ни прочной осѣдлости, ни устойчивости формъ быта. А между тѣмъ ихъ окружаетъ большая компактная украинская масса, живущая осѣдлой жизнью, въ опредѣленныхъ національно-бытовыхъ формахъ. Удивительно ли послѣ этого, что русскіе рабочіе, несмотря на свой въ общемъ болѣе высокій культурный уровень, неизбѣжно обречены на ассимиляцію съ украинскимъ населеніемъ, наблюдающуюся и въ настоящее время.

Если или,—вѣрнѣе будетъ сказать,—такъ какъ темпъ экономическаго развитія Украины въ будущемъ будетъ отличаться своей сравнительной быстротой отъ темпа, характеризующаго ходъ развитія Великороссіи, то мы въ правѣ ожидать, что настанетъ моментъ, когда Украина опередитъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія Великороссію въ цѣломъ. Но вѣдь болѣе высокій уровень промышленнаго развитія той или иной области въ странѣ неизбѣжно влечетъ за собою и болѣе быстрый естественный ростъ населенія. Области, очень развитыя въ промышленномъ отношеніи, съ рѣзкой экономической дифференціей, обнаруживаютъ, какъ показываетъ статистика, высокую брачность и рождаемость населенія, въ то время какъ области отсталыя въ индустриальномъ отношеніи, съ отсутствіемъ значительнаго хозяйственнаго разслоенія даютъ крайне низкую брачность. Такимъ образомъ, чѣмъ интенсивнѣе будетъ развиваться промышленная жизнь на Украинѣ, чѣмъ выше она будетъ стоять съ этой точки зрѣнія по сравненію съ Великороссіей,

тѣмъ благопріятнѣе будутъ социальнo-экономическія условия размноженія ея населенія, тѣмъ быстрѣе Украина будетъ обгонять Великороссію естественнымъ его приростомъ.

Но даже теперь Украина, съ точки зрѣнія размноженія населенія, стоитъ не только выше всей Великороссіи, но и любого великорусскаго района. Такъ, за десятилѣтіе 1888—1897. гг. по отдѣльнымъ частямъ Украины на 100 жителей приходилось естественнаго прироста: въ Лѣвобережной Украинѣ¹⁾ — 1,80, въ Правобережной²⁾ — 1,64, въ Степной³⁾ — 2,0; между тѣмъ какъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи этотъ приростъ достигалъ только 1,41, и ни въ одной чистой великорусской области не поднимался выше 1,36. Разумѣется, эти, и въ настоящее время уже довольно значительныя, различія станутъ еще большими съ ростомъ индустриализаціи нашего края.

Понятно, такой быстрый естественный приростъ населенія на Украинѣ неизбѣжно долженъ вызвать эмиграцію въ различныя области государства, въ силу того, что при современномъ экономическомъ положеніи нашего края, особенно нашего сельскаго хозяйства, интенсивный ростъ населенія ведетъ къ обремененію хозяйственнаго организма избыточнымъ населеніемъ. Не касаясь совершенно земледѣльческой эмиграціи, которая идетъ преимущественно въ Сибирь, мы видимъ, что украинская рабочая эмиграція направляется громадными массами въ тѣ районы, которые украинская колонизація облюбовала уже въ очень отдаленное время и въ которыхъ уже въ 1897 г. украинцы составляли довольно значительный % мѣстнаго населенія. Это—области Кубанская и Донская, губерніи Воронежская, Бессарабская, Курская и Ставропольская⁴⁾.

Такимъ образомъ, уже въ концѣ 90-хъ гг. украинское населеніе расширяло свою національную территорію путемъ вселенія въ эту смѣшанную украинско-русскую полосу.

1) Губерніи: Полтавская, Харьковская, Черниговская.

2) Губерніи: Волынская, Кіевская, Подольская.

3) Губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Таврическая.

4) Въ Кубанской области украинцы составляли въ 1897 г. 47% всего населенія, въ Донской—28%, въ Ставропольской губ.—35%, въ Воронежской—36%, въ Курской—23%, въ Бессарабской—22%. О движеніи украинской рабочей эмиграціи въ эти губерніи и области см. вышеупомянутую работу М. Порша.

Послѣ всего вышесказаннаго позволимъ себѣ подвести итоги нашей статьи.

Въ стихійномъ, „естественномъ“ развитіи капитализма мы не-видимъ рѣшительно никакихъ основаній для національной тревоги, для серьезныхъ сомнѣній и опасеній за будущее украинской національной культуры, украинскаго національнаго возрожденія. Наоборотъ, украинская интеллигенція и украинскій народъ могутъ бодро смотрѣть въ свое національное будущее, вырастающее изъ современной хозяйственной культуры.

Какъ и вездѣ, развитіе капиталистическихъ отношеній въ народномъ хозяйствѣ Украины несеть съ собою общественное объединеніе, развитіе національной связи, національнаго языка, національнаго самосознанія въ украинскую этнографическую стихію.

Вызывая націонализацию капитала и труда, национализацию всего народнаго хозяйства, превращеніе современныхъ русифицированныхъ городовъ Украины въ города украинскіе, развитіе капитализма возстановляетъ лишь былую „этническую цѣльность“ украинской націи.

Наконецъ, обусловливая прогрессъ матеріальной и духовной культуры нашего народа, ростъ капиталистическаго хозяйства на Украинѣ создаетъ изъ украинской націи ровню всѣмъ культурнымъ народамъ нашего времени.

М. Гордіенко.

Украинскій архитектурный стиль.

I. Основная форма.

Въ настоящее время во многихъ городахъ Южной Росіи производятся чрезвычайно интересныя попытки возсозданія украинскаго архитектурнаго стиля. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ и другихъ городахъ могутъ быть указаны зданія, строители которыхъ задались цѣлью приспособить ко всѣмъ требованіямъ современной домостроительной техники старый украинскій стиль, поскольку онъ сохранился въ памятникахъ украинской архитектуры. Одна изъ первыхъ и наиболѣе удачныхъ попытокъ въ этомъ направленіи имѣла мѣсто въ Полтавѣ, гдѣ около шести лѣтъ тому назадъ сооружено новое зданіе губернской земской управы въ украинскомъ стилѣ по проекту В. Г. Кричевскаго. Такъ какъ въ этомъ зданіи съ наибольшей ясностью выразились главныя черты стиля и оно получило въ фотографическихъ снимкахъ широкое распространеніе, то удобнѣе всего будетъ остановиться на немъ для изученія возсоздаемаго стиля.

Стильность этого зданія, какъ и всѣхъ другихъ построекъ этого же стиля, нагляднѣе всего выражается въ оригинальной формѣ оконныхъ и дверныхъ отверстій. Эта оригинальная форма во всѣхъ новыхъ постройкахъ украинскаго стиля упорно и настойчиво выдвигается на первое мѣсто, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ стиля. Зданіе полтавской губернской земской управы выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ подобныхъ построекъ тѣмъ, что въ немъ эта форма является не только внѣшнимъ признакомъ стиля, но и основой его, главнымъ элементомъ стиля, опредѣляющимъ его характеръ.

Первый же осмотръ этого зданія оставляетъ по себѣ такое же впечатлѣніе, какое оставляетъ первое слушаніе

оперы Вагнера: всѣ подробности смѣшиваются и исчезаютъ, и только одна основная форма, какъ лейтмотивъ всего зданія, рѣзко запечатлѣвается въ памяти; и при вторичномъ омотрѣ зданія, опять-таки какъ въ оперѣ Вагнера, вниманіе прежде всего направляется на этотъ знакомый лейтмотивъ, и съ его точки зрѣнія обсуждаются и оцѣниваются всѣ другія части. Этотъ архитектурный лейтмотивъ, заключающійся въ оригинальной формѣ дверныхъ и оконныхъ отверстій, впервые встрѣчаетъ насъ при самомъ входѣ въ зданіе, въ главныхъ входныхъ дверяхъ, гдѣ онъ, какъ и въ оперѣ, дается въ самой отчетливой и ясной своей формѣ; потомъ онъ провожаетъ насъ по всему зданію, предстаетъ предъ нами въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, въ новыхъ и свѣжихъ варіаціяхъ; выходя изъ зданія и бросая на него послѣдній взглядъ, мы замѣчаемъ, что этотъ же мотивъ торжественно звучитъ и въ цѣломъ, въ общихъ очертаніяхъ архитектурныхъ массъ, сообщая зданію характеръ выдержанности и единства.

Остановимся подробнѣе на эстетическомъ анализѣ этого архитектурнаго мотива.

Тяжесть и опора — вотъ два основныхъ элемента архитектуры, изъ сочетанія которыхъ развивается все безконечное разнообразіе архитектурныхъ формъ и взаимное соотношеніе которыхъ опредѣляетъ характеръ этихъ формъ, если тяжесть слишкомъ велика для данной опоры, сооруженіе производитъ впечатлѣніе хрупкаго; наоборотъ, если тяжесть слишкомъ мала сравнительно съ опорой, сооруженіе кажется тяжелымъ; при соотвѣтствіи же опоры и лежащей на ней тяжести получается впечатлѣніе легкости и изящества.

Въ простѣйшихъ архитектурныхъ формахъ эти два элемента соединяются съ наименьшей простотой и наглядностью. Такой простѣйшей формой являются два столба въ качествѣ опоры и лежащая на нихъ перекладина въ качествѣ тяжести или мѣста для тяжести (черт. I). На-ряду съ этой простѣйшей формой могутъ быть поставлены двѣ важнѣйшихъ ея варіаціи, подсказанныя техническими соображеніями, именно необходимостью усилить опору на счетъ перекладины: такимъ путемъ получается сводъ (чертежъ II) и сложная перекладина изъ двухъ сходящихся подъ угломъ частей (черт. III). Собственно говоря, обѣ

эти формы клонятся къ распредѣленію тяжести между опорю и перекладиною, которая сама отчасти обращается въ опору.

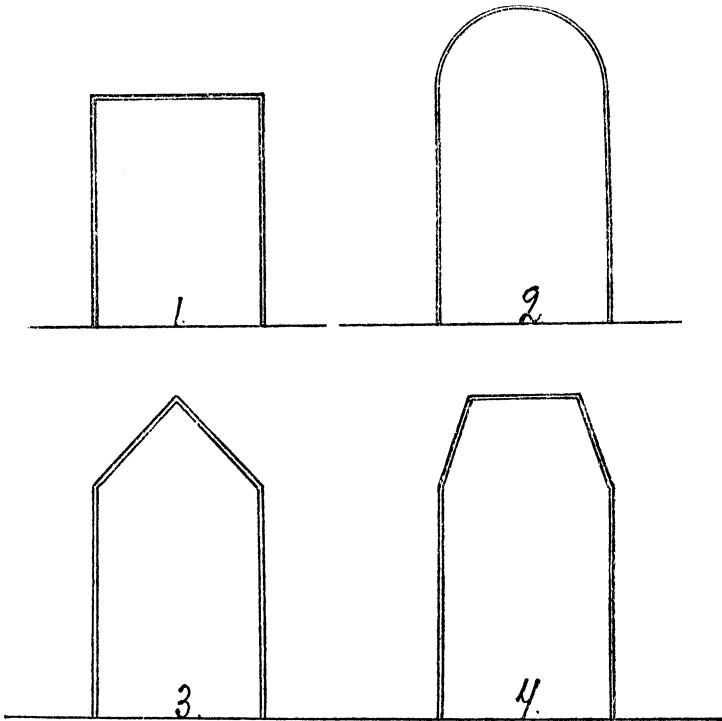
Эти три основныхъ архитектурныхъ формы лежатъ въ основѣ трехъ архитектурныхъ стилей: первая, наиболѣе простая и ясная, лежитъ въ основѣ древне-греческаго стиля; изъ нея возникла вся архитектура древней Эллады, чарующая даже въ обломкахъ своей ясной и свѣтлой красотой; форму свода вводятъ въ архитектуру римляне, колоссальныя сооруженія которыхъ нуждались въ мощной опорѣ, что и было достигнуто посредствомъ сліянія въ сводѣ опоры и тяжести; сложная перекладина лежала въ основѣ строительнаго искусства средне-европейскихъ народовъ; сближеніемъ опорныхъ столбовъ и одновременнымъ поднятіемъ и заостреніемъ перекладины образуется готическая стрѣлка (*ogive*), основа и душа готическаго стиля, столь важнаго въ исторіи этихъ народовъ.

На-ряду съ этими основными формами украинская форма обладаетъ полной самостоятельностью и замѣчательной оригинальностью. Она уклоняется отъ элементарной формы (два столба съ перекладиной) не разработкой перекладины, какъ упомянутыя выше формы, а разработкой самой опоры: не перекладина, а опорные столбы являются въ ней сложными, составленными изъ двухъ сходящихся подъ тупымъ угломъ частей (черт. IV). Такая разработка столба не имѣетъ за себя никакихъ техническихъ оправданій; здѣсь замѣчается въ разработкѣ элементарной формы процессъ, противоположный тому, какой мы видѣли выше: не опора усиливается на счетъ тяжести (перекладины), обращая отчасти и послѣднюю въ опору, а, наоборотъ, тяжесть увеличивается, отбирая себѣ и часть опоры, верхняя половина которой отчасти обращается въ тяжесть. Никакой техническій расчетъ не можетъ подсказать строителю такого образа дѣйствій; ни въ какомъ случаѣ увеличеніе тяжести и ослабленіе опоры не можетъ входить въ его планы.

Итакъ, не техническій расчетъ, а эстетическія соображенія привели народный геній къ этой формѣ. Всмотриваясь въ эту форму, мы видимъ въ ней только эстетическое стремленіе народа избѣгать утомительнаго однообразія прямыхъ линій и суроваго владычества прямыхъ угловъ.

Прямая линія и прямой уголъ — это два тирана архитектуры, которые вносятся въ нее простѣйшимъ сложеніемъ

основныхъ элементовъ (опоры и тяжести) и съ которыми борется каждый архитектурный стиль. Множно сказать, что самое существенное въ каждомъ стилѣ образуется совокупностью тѣхъ средствъ, которыя стиль выработалъ для смягченія строгой дисциплины прямыхъ линий и прямыхъ угловъ. Только эллинская архитектура приняла элементарную форму безъ существенныхъ измѣненій; но потребовался эллинскій чудный даръ скрытыхъ пропорцій, эллинская не-

1. Основная форма (эллинскій стиль).
2. Форма свода (римскій стиль).
3. Форма стрѣлки (готическій стиль).
4. Украинская форма.

сравненная чуткость формы для того, чтобы не дать зрителю почувствовать унылую обнаженность прямыхъ линий и скучную пустоту прямыхъ угловъ. Народы, менѣе одаренные въ эстетическомъ отношеніи, уже не смѣли встрѣчаться лицомъ къ лицу съ тираннической прямизной элементарной формы и искали отъ нея избавленія то въ мощномъ закругленіи тяжелыхъ сводовъ, то въ заостренности возносящихся вверхъ стрѣлокъ.

Сложная опора въ украинской формѣ должна быть разсматриваема какъ такой же приѣмъ для устраненія тираннической прямизны линій и угловъ, какой мы видимъ въ сводѣ и стрѣлкѣ. Нельзя отказать этому приѣму въ совершенной цѣлесообразности: посредствомъ его достигается двойная цѣль — и устраняется прямизна опоры, и замѣняется двумя тупыми углами прямой уголъ соединенія опоры съ тяжестью. Слабость же этого приѣма заключается въ его технической немотивированности: при его употребленіи вся механическая система, представляемая элементарной формой, не только излишне осложняется, но и въ значительной степени ослабляется. Технической слабостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сложностью этой формы нужно объяснить и то обстоятельство, что она совершенно вышла изъ употребленія и лишь въ послѣдніе годы искусственно возсоздается по стариннымъ архитектурнымъ памятникамъ.

Но позволительно спросить, не напрасно ли она возсоздается? Другими словами, можетъ ли эта форма быть признана за основную форму украинскаго стиля?

Кажется, на эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить утвердительно. Къ основной архитектурной формѣ можно предъявить слѣдующее требованіе: она не только часто встрѣчается въ деталяхъ постройки, но и отражается на общей ея формѣ. Такъ, форма свода не только встрѣчается внутри зданія, но и въ видѣ купола вѣнчается его и господствуетъ надъ нимъ; такъ и форма стрѣлки не только наблюдается въ оконныхъ и дверныхъ отверстіяхъ, но и отражается на общихъ архитектурныхъ линіяхъ всего зданія, подобно стрѣлкѣ, стройнаго, легкаго, рвущагося къ небу своими заостренными башнями. Этому требованію удовлетворяетъ и украинская форма.

Обратите вниманіе на характернѣйшую часть украинской постройки, крышу. Лицевой и задній скаты крыши не доводятся до самаго ея гребня, а срѣзываются нѣсколько ниже, благодаря чему эти скаты получаютъ форму не треугольника, а трапеціи. Зачѣмъ это дѣлается? Никакихъ техническихъ мотивовъ придумать нельзя. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чисто эстетическимъ побужденіемъ, и сущность этого побужденія легко разгадывается: народный геній отыскиваетъ свою любимую форму. Дѣйствительно, этотъ обрѣзанный сверху лицевой скатъ есть не что иное, какъ верхняя часть основной украинской формы, и если мы мысленно выпрямимъ этотъ скатъ въ одной пло-

скости со стѣной, то получимъ основную форму во всей ея цѣлости. Переносъ взоры съ лицевого ската на боковые, мы и тамъ находимъ эту форму уже готовой. Такимъ образомъ—она облекаетъ собою зданіе со всѣхъ сторонъ, подчиняя своему режиму не только детали, но и общія линіи и расположеніе архитектурныхъ массъ.

Серьезную заслугу строителей, возсоздающихъ украинскій стиль, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что они извлекли эту форму изъ забвенія, гдѣ ей грозила близкая гибель, освободили ее отъ всего случайнаго и несущественнаго и положили ее въ основу своихъ построекъ. Уже въ наши дни характерную народную форму оконъ и дверей можно встрѣтить лишь изрѣдка, въ очень старыхъ постройкахъ, не позже второй половины XVIII ст. Форма крыши держится упорнѣе, но и она начинаетъ исчезать по мѣрѣ того, какъ солому вытѣсняетъ желѣзо. Пройдетъ немного времени, и умирающія формы обратятся въ умершія. Это именно тотъ моментъ, когда искусство должно прійти на помощь народному творчеству и спасти отъ забвенія и смерти то, что заслуживаетъ жизни и развитія.

II. Симметрическій канонъ.

Какъ ни важна сама по себѣ основная форма, но она еще не есть стиль; она основа стиля, душа его, ищущая выраженія въ соотвѣтствующей матеріальной оболочкѣ. Стиль возникаетъ изъ основной формы, а утверждается и расцвѣтаетъ въ деталяхъ.

Детали составляютъ слабое мѣсто въ большинствѣ новѣйшихъ построекъ украинскаго стиля. Вообще стиль зданія признается достаточно выраженнымъ, если оконнымъ и двернымъ отверстиямъ дается украинская форма и зданіе снаружи украшается болѣе или менѣе богатымъ украинскимъ орнаментомъ; при значительныхъ размѣрахъ зданія надъ нимъ воздвигаютъ одну или нѣсколько башенъ, образцы которыхъ даютъ старыя украинскія церкви. Этого достаточно для выраженія стиля, если другія детали по своему характеру согласуются съ этими или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ имъ. Къ сожалѣнію, нерѣдко замѣчается и послѣднее.

Входъ есть важнѣйшая часть всякой постройки, та часть, которая накладываетъ свою печать на все зданіе, дѣлаетъ его привѣтливымъ или угрюмымъ; черезъ входъ

обыкновенно проходитъ главная ось всей постройки, и отъ него, какъ отъ своего средоточія, развиваются всѣ линіи и формы зданія. Поэтому и строителю при возведеніи какой бы то ни было постройки надлежитъ обращать особенное вниманіе на эту часть зданія и съ нея начинать разработку проекта.

Входъ составляетъ самую слабую, наименѣе разработанную часть украинскаго стиля, и все будущее этого стиля зависитъ отъ того, насколько успѣшно будетъ разработана эта часть. Современныя постройки въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, свидѣтельствуя о вкусѣ и потребностяхъ населенія, даютъ указанія на то, въ какомъ направленіи должна производиться разработка входа.

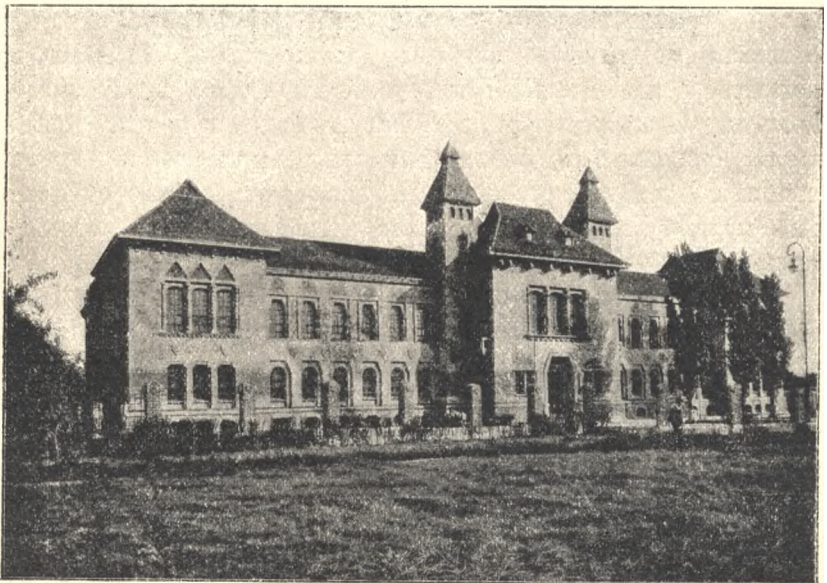
Сравните постройки великорусской и малорусской деревень. Въ первой по широкой и прямой улицѣ расположены длинные ряды однообразныхъ деревянныхъ избъ съ тремя окнами и узкимъ крыльцемъ на улицу, довольно высокихъ, съ помѣщеніемъ для мелкаго скота внизу и жилымъ помѣщеніемъ вверху; дворъ, иногда весь покрытый тесомъ, образуетъ изъ себя обширное помѣщеніе для крупнаго скота; за дворомъ помѣщаются огордъ и гумно; вся трудовая жизнь проходитъ на дворѣ и за дворомъ; для отдыха и развлечения служитъ улица. Въ малорусской деревнѣ вдоль извилистыхъ, узкихъ улицъ тянутся невысокіе плетни; хаты, довольно низкія, обмазанныя глиной и мѣломъ и крытыя соломой, расположены въ глубинѣ двора, отдѣляясь отъ улицы небольшимъ цвѣтникомъ съ нѣсколькими деревьями; хаты обращены къ улицѣ узкой своей стороною съ двумя окнами, а широкой стороною съ находящимся посрединѣ входомъ вытянуты вдоль двора и опоясаны широкой „присьбой“; весь отдыхъ семьи протекаетъ около этой „присьбы“, въ промежуткѣ между хатой и улицей. При большемъ достаткѣ, въ усадьбахъ мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, домъ помѣщается въ самой глубинѣ двора, развертываясь передъ улицей своей широкой стороною; присьба отсутствуетъ, замѣняясь широкимъ крыльцомъ, которое исполняетъ назначеніе и балкона, и веранды.

Изъ этого могутъ быть выведены слѣдующія безусловныя требованія украинскаго стиля относительно жилыхъ построекъ: помѣщеніе ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ улицы, подъ прикрытіемъ зелени, и центральное положеніе главнаго входа съ приспособленіемъ его въ качествѣ ве-

ранды. Напротивъ, великорусскій архитектурный стиль характеризуется вынесениемъ постройки на улицу и боковымъ положениемъ входа.

Въ старыхъ украинскихъ городахъ, успѣвшихъ уже выработать мѣстный типъ постройки,—напр., въ Кіевѣ,—первое изъ украинскихъ требованій стиля легко осуществляется посредствомъ устройства передъ домомъ болѣе или менѣе обширнаго палисадника. Что касается втораго требованія, то оно при современныхъ условіяхъ городской жизни кажется совершенно неисполнимымъ; потребность уединить возможно полнѣе интимную жизнь семьи заставляетъ устраивать веранду не у входа въ жилище, а сзади его, въ сторонѣ, примыкающей къ саду; вмѣстѣ съ тѣмъ входъ теряетъ прежнее свое значеніе и мѣсто, изъ центральной части зданія переносится на его края, иногда пристраивается сбоку, играетъ совершенно подчиненную, узко-служебную роль.

Противъ устройства внутренней веранды, конечно, ничего возразить нельзя; но замѣна боковымъ входомъ прежняго широко-открытаго и гостепріимнаго входа, расположеннаго въ центрѣ зданія и открывающаго предъ посѣтителемъ главную среднюю часть зданія, наноситъ непоправимый ударъ стилю.

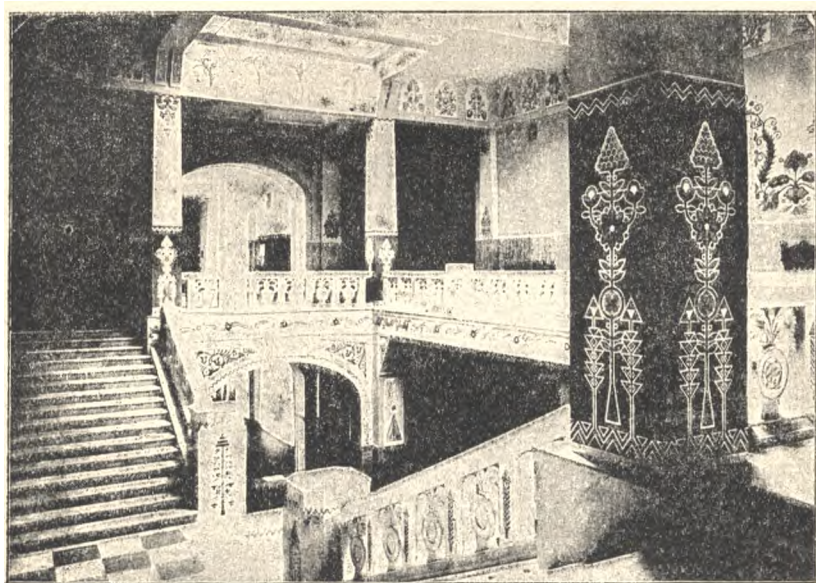

Домъ полтавскаго губернскаго земства.

Этого капитального недостатка не исправляют и сооруженія возрождающагося украинскаго стиля. Какъ сказано выше, входъ представляетъ собою весьма слабую часть этого стиля. Зданіе полтавской губернской земской управы составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое и рѣдкое исключеніе: входъ сохранилъ здѣсь свое центральное положеніе; но, къ сожалѣнію, онъ мало развитъ. Строитель помѣстилъ великолѣпную главную дверь въ неглубокой нишѣ передняго фасада, съ большимъ вкусомъ убранной внутри стильнымъ орнаментомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы строитель углубилъ нишу и соотвѣтственно выше ее поднялъ и шире раскрылъ, порталъ производилъ бы болѣе грандіозное впечатлѣніе, и все зданіе много выиграло бы не только въ импозантности и красотѣ, но и въ стилистности. Слѣдуетъ отмѣтить, что за этимъ входомъ слѣдуетъ чудесный вестибюль, лучшая часть во внутреннемъ устройствѣ зданія, свѣтлый благодаря верхнему освѣщенію, просторный, съ расходящейся въ противоположныя стороны двумя маршами широкой мраморной лѣстницей, съ очень красивой баллюстрадой вокругъ верхней площадки изъ стилизованныхъ дѣтскихъ баранчиковъ и съ прелестными четырехугольными колонками, на которыя опираются своды потолка. Нѣтъ словъ, чтобы достойно описать свѣжую красоту и грацію этихъ колонокъ, въ нижней половинѣ своей окрашенныхъ въ густой синій цвѣтъ, а въ верхней бѣлыхъ, покрытыхъ легкимъ орнаментомъ, стройныхъ, легкихъ и изящныхъ. Четыреугольная форма этихъ колонокъ и четырехугольная же форма башенокъ надъ главнымъ фронтономъ должны быть отнесены къ особой заслугѣ строителя, художественное чутье котораго сумѣло выбрать изъ сырого матеріала народнаго творчества нѣчто истинно-прекрасное, идущее на высшую потребу искусства.

Но въ другомъ сооруженіи того же строителя, въ зданіи школы имени И. П. Котляревскаго въ г. Полтавѣ, входъ съ небольшимъ деревяннымъ крыльцомъ прилѣпился гдѣ-то сбоку, внизу большого кирпичнаго зданія и скорѣе напоминаетъ какую-то лазейку, чѣмъ главный входъ. Въ домѣ г. Бойко въ г. Харьковѣ главный входъ, незначительный и незамѣтный, помѣщенъ не въ центрѣ, а съ края зданія, и отпечатокъ чего-то угрюмаго и нежилого легъ на зданіе. Иногда дѣло съ главнымъ входомъ доходитъ до курьеза. Въ одномъ частномъ домѣ небольшихъ размѣровъ

(на Пороховой улицѣ въ г. Екатеринославѣ) главный входъ помѣщенъ на задней сторонѣ дома, рядомъ съ служебными помѣщеніями, будто строитель, желая замаскировать его, искалъ для него наименѣе подходящаго мѣста; это тѣмъ болѣе странно, что домъ находится въ глубинѣ двора, среди обширной усадьбы, и строитель нисколько не былъ стѣсненъ въ распланировкѣ зданія.

Вестибюль въ томъ же зданіи.

Въ близкой связи съ устройствомъ главнаго входа стоитъ вопросъ о симметріи. Рѣшительно неизвѣстно, на чемъ основано общераспространенное мнѣніе о склонности украинскаго народнаго вкуса къ асимметрическимъ зданіямъ; поскольку этотъ вкусъ проявился и въ старинныхъ зданіяхъ, и въ современныхъ сельскихъ постройкахъ, онъ всюду стремится къ симметрическому расположенію частей зданія. Къ этому же выводу, къ склонности украинскаго вкуса къ симметріи, приводятъ и общія соображенія. Склонность къ симметріи, разъ она существуетъ у народа, проявляется не только въ строительствѣ, но и во всѣхъ другихъ областяхъ творчества, потому что въ ней выражаются нѣкоторыя общія свойства умственнаго склада. Украинскій національный геній по общему складу своему является классическимъ; питаясь въ своемъ творествѣ изъ источни-

ковъ живого вдохновенія, онъ стремится всюду къ ясному и отчетливому выраженію, къ точнымъ и опредѣленнымъ формамъ; онъ руководствуется въ своей дѣятельности строгимъ канономъ и всюду приходитъ къ симметрическимъ формамъ. Съ наибольшей ясностью обнаруживается эта черта генія въ украинской области, въ которой онъ проявился съ особеннымъ блескомъ, именно въ области поэзіи, всѣ формы которой отличаются строго выдержанной симметріей. Тѣ же черты народнаго генія проявляются вполнѣ наглядно и въ украинской музыкѣ, и въ украинской архитектурѣ.

Что касается послѣдней, то центральное положеніе главнаго входа, естественно ведя къ симметрическому развитію по его бокамъ двухъ крыльевъ, устанавливаетъ простѣйшій архитектурный канонъ, всякое отступленіе отъ котораго наноситъ ущербъ стилю.

Характерно отличается въ этомъ отношеніи отъ украинскаго стиля великорусскій архитектурный стиль, и опять-таки и здѣсь отличіе это совпадаетъ съ общими свойствами великорусскаго національнаго генія. Этотъ послѣдній въ своемъ творчествѣ тяготеетъ узкимъ и строгимъ канономъ, чуждается стѣснительныхъ по своей требовательности правилъ, ищетъ для своихъ вдохновеній постоянно новыхъ, широкихъ и свободныхъ формъ; на-ряду съ украинскимъ народнымъ творчествомъ, которое чаруетъ строгой выдержанностью формы и богатой разработкой деталей, великорусское творчество поражаетъ своей внутренней силой, вырывающейся изъ формы и нарушающей ея правильность. Какъ уже упомянуто выше, въ великорусскихъ постройкахъ входъ помѣщается сбоку; этимъ симметрія сразу устраняется, и предъ строителемъ открывается полный просторъ въ общей распланировкѣ зданія. И достойно удивленія, какъ строители воспользовались этой свободой для возсозданія великорусскаго архитектурнаго стиля и къ какимъ разнообразнымъ и прекраснымъ результатамъ пришли они при разработкѣ бокового крыльца, положивъ въ немъ самый ключъ всего архитектурнаго плана.

Трудно преувеличить значеніе и достоинство симметріи въ искусствѣ вообще, въ архитектурѣ въ частности. Симметрическое сложеніе проще, доступнѣе, легче усваивается, чѣмъ асимметрическое; правда, въ немъ заключается нѣчто условное, но эта условность, состоящая въ повтореніи одно-

го и того же содержания, имѣть свое серьезное эстетическое оправданіе. Въ искусствѣ повтореніе далеко не всегда излишне. Въ качествѣ общаго правила множно сказать, что тамъ, гдѣ имѣется въ виду выраженіе идей, повтореніе излишне и неумѣстно, ибо разъ точно и ясно выраженная идея нуждается, можетъ быть, въ развитіи и въ доказательствахъ, но не въ повтореніи; въ тѣхъ же искусствахъ, которыя имѣютъ предъ собою не столько логическое содержаніе, сколько эмоціональное и импульсивное, повтореніе необходимо, ибо оно во много разъ усиливаетъ первоначальный эффектъ. Музыка вся построена на повтореніи, и все различіе ея основныхъ формъ заключается въ способѣ повторенія. Огромную роль играетъ повтореніе въ поэзіи, выраженное въ куплетной формѣ, съ симметрическимъ строеніемъ каждаго куплета въ частности, и въ риѣмѣ, столь излюбленныхъ въ украинскомъ народномъ творствѣ. Имѣетъ свое законное и важное мѣсто этотъ принципъ повторенія и въ архитектурѣ, гдѣ онъ, какъ и въ музыкѣ, заключается не только въ повтореніи однихъ и тѣхъ же мотивовъ, но и въ симметрическомъ расположеніи частей произведенія.

Какъ бы то ни было, разъ народный вкусъ высказался ясно и опредѣленно за симметрію, успѣшная разработка народнаго стиля можетъ происходить только въ предѣлахъ симметрическаго канона. Въ этихъ предѣловъ, при наличіи у строителя творческаго вдохновенія, можетъ получиться прекрасное зданіе, но оно ничего не дастъ для возсозданія народнаго стиля.

А. Л.

Съ больной головы на здоровую.

(Отвѣтъ члену Госуд. Думы А. Никольскому).

На мою статью по холмскому вопросу въ № 3 „Украинской Жизни“ откликнулся въ „Одесскихъ Новостяхъ“ (№ 8,798, отъ 3-го августа) членъ Думы г. А. Никольскій. Мои замѣчанія объ его выступленіяхъ въ Думѣ и въ комиссіи по холмскому законопроекту онъ приравниваетъ къ обвиненію его въ томъ, что онъ „отца отравилъ, пару тетокъ убилъ“, что онъ „не кто иной, какъ Евно Азефъ“, какъ „предатель украинскихъ интересовъ“. Его „это удручаетъ, конечно, какъ всякая грубая несправедливость“, и вынуждаетъ къ возраженію „не для тѣхъ, разумѣется,—говоритъ г. А. Никольскій, — кто уже безапелляціонно произвелъ меня въ предатели, — Богъ съ ними, — а для тѣхъ, кто смущенъ искренне нападками на меня въ печати и ждетъ разъясненія“.

Хотя г. Никольскій и безнадежно махнулъ на меня рукой, все-же я не считаю себя окончательно потеряннѣмъ и, — тѣмъ болѣе, получивъ выразительный упрекъ въ „грубой несправедливости“, — постарался самымъ внимательнымъ образомъ прислушаться къ объясненіямъ одесскаго депутата. А это, въ свою очередь, вынуждаетъ и меня къ отвѣту.

Переходя отъ своихъ утрированныхъ обобщеній къ фактической сторонѣ дѣла, г. Никольскій спрашиваетъ: „Въ чемъ же меня обвиняютъ?“ И самъ же отвѣчаетъ: „Во-первыхъ, въ томъ, что я въ Думѣ не голосовалъ за выдѣленіе Холмщины“.

Такого обвиненія г. Никольскому я не предъявлялъ. Относительно холмскаго законопроекта я опредѣленно высказался, что „положительная, если о ней вообще можетъ быть рѣчь, сторона законопроекта почти аннулируется общимъ его реакціоннымъ характеромъ, при которомъ ни національные, ни какіе другіе интересы украинскаго населенія Холмщины не найдутъ въ немъ для себя прочной, положительной почвы“, почему „если бы законопроектъ провалился, это никому не причинило бы большого огор-

ченія“. При такой недвусмысленной оцѣнкѣ законопроекта странно было бы съ моей стороны предъявлять претензіи за неподачу голоса въ его пользу. Не въ голосованіи дѣло, а въ томъ отношеніи, какое обнаружила думская оппозиція къ интересамъ украинскаго населенія въ холмскомъ вопросѣ. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробности этой печальной исторіи. Говоря вообще, въ Думѣ происходилъ постыдный торгъ о томъ, кому отдать на сѣдненіе холмское украинское населеніе, — русскимъ ли представителямъ зоологическаго націонализма, или польскимъ. О русскихъ націоналистахъ распространяться въ данномъ случаѣ излишне; но совершенно тѣ же национализаторскія вождѣнія польскаго кола поддерживались оппозиціей самымъ предупредительнымъ образомъ. При наличности полонизаторскихъ стремленій, — а они ни въ комъ не могли вызвать сомнѣнія, — естественно было русской оппозиціи, даже не голосуя за законопроектъ, стать въ положеніе безпристрастнаго судьи и высказаться принципиально за необходимость національнаго размежеванія пылающей національными страстями несчастной Холмщины, — разумѣется, не по рецепту холмскаго законопроекта, а хотя бы въ той формѣ, какая была указана въ пору подъема гражданскихъ и политическихъ чувствъ русскаго общества — на сѣздѣ земскихъ дѣятелей въ Москвѣ, когда автономія Польши признавалась въ границахъ этнографическихъ. Но съ того времени чувства русской оппозиціи такъ измѣнились въ сторону качественнаго пониженія, что, какъ я говорилъ въ своей статьѣ, „какъ для представителей шляхетскаго кола въ Думѣ, такъ и для подавляющаго большинства оппозиціи выдѣленіе Холмщины представляется только новымъ раздѣломъ Польши, только новымъ покушеніемъ реакціи на права поляковъ — и только“. Въ данномъ случаѣ грѣхъ г. Никольскаго, какъ то признаетъ самъ онъ, — общій грѣхъ русской оппозиціи противъ украинскаго народа, и о г. Никольскомъ я даже не упоминалъ отдѣльно и въ особицу его не „обвинялъ“ въ несочувствіи выдѣленію Холмщины, тѣмъ болѣе въ томъ, что онъ не „голосовалъ“ за холмскій законопроектъ. Бѣглыя мои замѣчанія вызваны собственно нѣкоторыми отдѣльными выступленіями въ холмскомъ дѣлѣ самого г. Никольскаго, за которыя онъ отвѣтственъ, какъ депутатъ изъ Украины, независимо отъ другихъ представителей оппозиціи. И долженъ

сказать, что объясненія г. Никольскаго не только не ослабляют моихъ замѣчаній, но даже даютъ мнѣ новыя основанія подтвердить и даже усилить ихъ.

„Ставится мнѣ еще въ вину,—говоритъ г. Никольскій,—подписаніе особаго мнѣнія противъ выдѣленія Холмщины въ комиссіи законодательныхъ предположеній. Самый фактъ подписанія — опять-таки съ другими членами оппозиціи, а не съ поляками,—только совершенно послѣдователенъ“.

Вотъ ужъ относительно подписанія особаго мнѣнія по холмскому законопроекту г. Никольскій совершенно напрасно прикрывается общностью дѣйствій съ другими представителями оппозиціи. „Вина“ его нѣсколько большая. Изъ русскихъ представителей оппозиціи подписалъ особое мнѣніе безъ всякихъ оговорокъ вмѣстѣ съ одесскимъ депутатомъ только г. Румянцевъ; другіе представители оппозиціи подписали особое мнѣніе съ оговорками, въ которыхъ указываютъ, что они присоединяются лишь къ заключительнымъ его выводамъ, ограждая себя такимъ образомъ отъ причастности къ тѣмъ крайне сомнительнымъ и недопустимымъ для безпристрастнаго и объективнаго человѣка утвержденіямъ, какими изобилвала фактическая часть особаго мнѣнія, составленнаго и подписаннаго поляками ¹⁾). Въ особомъ мнѣніи яркой чертой проводится тенденція составителей его — стереть украинскій характеръ холмскаго населенія, почему послѣднее называется „переходнымъ племенемъ между этнографическими границами того и другого народа“, относительно же языка холмчанъ указывается, что они „говорятъ не на южно-русскомъ и не польскомъ, а на особомъ нарѣчій — на своемъ простомъ языкѣ (по-простому)“. Всякій объективный человѣкъ, какъ это и сдѣлало большинство другихъ представителей оппозиціи, отнесъ бы эти утвержденія къ личнымъ взглядамъ авторовъ особаго мнѣнія и уклонился бы раздѣлить ихъ безусловно, въ особенности зная, что существуетъ и другая точка зрѣнія другой заинтересованной стороны. Одесскій же де-

1) Да, г. Никольскій, поляками, и совѣмъ непонятно, почему вы теперь отрекаетесь отъ компаніи съ бывшими своими вдохновителями и утверждаете, что подписали особое мнѣніе „съ другими членами оппозиціи, а не съ поляками“. Вопреки вашему утвержденію, первыми подписали особое мнѣніе (стр. 29) поляки Дымша и Гарусевичъ, а послѣ васъ—полякъ же Парчевскій; главныя „букетныя“ мѣста особаго мнѣнія перенесены безъ измѣненій изъ книги г. Дымши.

путать, ничесо же сумняшеса, расписался подъ всѣми этими положеніями польскаго воинствующаго націонализма и теперь недоумѣваетъ, чѣмъ онъ могъ заслужить упрекъ въ отсутствіи объективнаго и безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Чувствуя себя безупречнымъ, самъ переходитъ въ наступленіе. Опустивъ въ цитатѣ изъ моей статьи то мѣсто, гдѣ я говорю о стремленіи авторовъ особаго мнѣнія нивеллировать холмское украинское населеніе въ національномъ, племенномъ отношеніи („переходное племя“), г. Никольскій сводитъ все къ одной филологической сторонѣ дѣла и вмѣсто серьезной трактовки серьезнаго вопроса пускается въ такія объясненія, совершенно бульварнаго тона: „Говорятъ, что термина „простой языкъ“ нѣтъ въ филологической наукѣ,—какой ужасъ! Но вѣдь говоримъ же мы и пишемъ даже въ оффиціозныхъ документахъ, что землевладѣльцы, напр., „скосили хлѣбъ“, тогда какъ наука ботаника и даже наука агрономія не знаетъ растенія, которое бы называлось словомъ „хлѣбъ“, — нужно, слѣдовательно, по ученію г. Бѣлоусенко, всегда говорить и писать: „земледѣльцы скосили злаки“ или какъ-нибудь еще, но никакъ не „хлѣбъ“, который только пекутъ, но не косятъ. Мы также нерѣдко говоримъ и пишемъ, напр., о грудныхъ болѣзняхъ, о санаторіяхъ для грудныхъ больныхъ; опять ужасное невѣжество: въ груди помѣщаются легкія, сердце, пищеводъ, железы и т. д., и наука-медицина знаетъ не грудныя болѣзни, а болѣзни легкихъ, сердечныя болѣзни и т. д. Очевидно, г. Бѣлоусенко смѣшалъ примѣненіе терминовъ въ специально-научныхъ трактатахъ съ терминологіей общеупотребительной, направивъ свой разносъ вмѣсто историка филологической аудиторіи къ комиссіи Государственной Думы“.

Смѣю васъ увѣрить, г. Никольскій, что та терминологическая характеристика языка, какъ племенного, національнаго признака, которую вы такъ горячо защищаете („простой языкъ“, „по-простому“), — абсурдъ не только съ научно-филологической точки зрѣнія, но даже и для „терминологіи общеупотребительной“. Упомянутая терминологія можетъ быть въ употребленіи *bona fide* развѣ лишь въ такой малокультурной средѣ, практика которой едва ли можетъ служить для кого-нибудь авторитетомъ при классификаціи отдѣльныхъ языковъ; не на практику же лавочниковъ, въ самомъ дѣлѣ, ссылается г. Никольскій какъ на *ultima ratio*

въ языкознаніи“. Въ кругу г. Никольскаго и въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходило дѣло, къ такой наивно-примитивной терминологіи для опредѣленія національности данной группы прибѣгаютъ только въ случаѣ нежеланія говорить того, что нужно сказать. Такъ именно и было въ данномъ случаѣ. Особое мнѣніе составлено поляками съ откровенной цѣлью доказать свое право на ополяченіе холмскаго украинскаго населенія. Депутатъ же изъ Украины своей подписью скрѣпилъ эти націонализаторскія покушенія и затѣмъ не только не сознаетъ своего промаха, но даже старается мило играть въ наивность. Трудно вѣдь допустить, чтобы г. Никольскій такъ ужъ былъ наивенъ по части ознакомленія съ фактическими обстоятельствами холмскаго дѣла. Онъ самъ же говоритъ, что, оказавшись въ той комиссіи, черезъ которую долженъ былъ пройти законопроектъ, онъ почувствовалъ необходимость широко ознакомиться съ дѣломъ и даже остановился на анкетѣ по холмскому вопросу. „Кромѣ меня, — съ гордостью заявляетъ онъ, — этого не сдѣлалъ никто, и это показываетъ, надѣюсь, только вдумчивость и серьезность моего отношенія къ предмету“. Результаты вдумчиваго и серьезнаго отношенія къ предмету оказались, однако, для г. Никольскаго хуже, чѣмъ для большинства другихъ членовъ комиссіи, которые не принимали никакихъ экстравагантныхъ мѣръ, но все-же болѣе безпристрастно взвѣсили цѣнность польскихъ агрессивныхъ заявленій и отмежевались отъ этихъ послѣднихъ; одесскій же депутатъ, будучи перегруженъ освѣдомленностью, за деревьями не увидѣлъ лѣса, не говоря уже о томъ, что и выступить-то съ трибуны собрался онъ лишь въ послѣдній моментъ, при второмъ чтеніи законопроекта, когда всякія выступленія по существу вопроса были уже по меньшей мѣрѣ бесполезны.

Съ этимъ-то запоздалымъ и единственнымъ по украинскому вопросу выступленіемъ одесскаго депутата и произошло, выражаясь мягко, недоразумѣніе. Въ своей рѣчи г. Никольскій опубликовалъ (и, какъ узнаемъ теперь изъ августовской книжки „Лит.-Наук. Вістника“, безъ всякаго уполномочія на то) письмо къ нему проф. М. С. Грушевскаго, причемъ, въ виду несогласія содержанія—письма со взглядомъ оратора на выдѣленіе Холмщины, съ думской трибуны обозвалъ своего корреспондента фанатикомъ. Такой поступокъ характеризовалъ я—и, полагаю, весьма скромно—какъ „большую некорректность“ со сто-

роны одесскаго депутата. Послѣдній изумляется и обижается, въ чемъ же выразилась его некорректность, и даже снабжаетъ отъ себя эту мою характеристику знакомъ удивленія. Дѣло ясное, повидимому, для всякаго, кромѣ г. Никольскаго, который не стѣсняется при этомъ прибѣгать къ такого рода не могущимъ вызвать большого уваженія эристическимъ приемамъ: „Итакъ, не вообще фанатикъ украинской идеи, — говоритъ онъ, процитировавъ соотвѣтствующее мѣсто своей думской рѣчи, — а только украинской идеи въ данномъ (т.-е. въ холмскомъ) вопросѣ“, и притомъ (не прямо фанатикъ, а только „пожалуй“ фанатикъ... Право, не хочется думать даже, — продолжаетъ онъ, — чтобы серьезнаго человѣка такая конструкція моего эпитета могла задѣть. Слишкомъ большая разница, взять ли слово фанатикъ отдѣльно, или въ данномъ контекстѣ рѣчи“.

Вѣдь это прямо безподобно! Самымъ недвусмысленнымъ образомъ обругать человѣка, а въ данномъ случаѣ къ тому же почтеннаго ученаго и общественнаго дѣятеля, грубымъ эпитетомъ, и послѣ того еще торговаться о разницѣ значенія этого эпитета въ томъ или иномъ контекстѣ рѣчи! Такія недостойныя увертки не вяжутся съ репутаціей „серьзнаго человѣка“ и съ положеніемъ народнаго избранника. Полагаю, что если бы кто вздумалъ по рецепту г. Никольскаго прилагать къ нему бранные эпитеты въ какомъ угодно „контекстѣ рѣчи“, то онъ измѣнилъ бы свою анекдотическую точку зрѣнія насчетъ разницы и притомъ „слишкомъ большой разницы“ въ дѣйствительномъ значеніи бранныхъ словъ въ зависимости отъ такого или иного контекста рѣчи. Нельзя не указать при этомъ, что, допустивъ безусловно ложный шагъ, г. Никольскій самъ же обвиняетъ другихъ въ „грубой несправедливости“ (легко сказать!), когда при оцѣнкѣ его депутатской дѣятельности скромно отмѣчаютъ въ ней дефекты. Вотъ ужъ подлинно — съ больной головы на здоровую!

Въ заключеніе своей статьи г. Никольскій пишетъ: „Мнѣ и еще обвиненіе предъявляется: было, видите ли, законодательное предположеніе о расширеніи правъ украинскаго языка въ школьной области, а я въ Думѣ не выступилъ на его защиту, и если бы не крестьянинъ-депутатъ С., то выступленія бы и не было. Поэтому „честь сыну народа С—ку“, а мнѣ проклятiе и позоръ“. Въ дальнѣйшемъ

г. Никольскій объясняетъ, что законодательное предположеніе объ языкѣ въ украинской школѣ до думской трибуны не дошло, онъ вслѣдствіе того не могъ выступить въ его защиту, — такимъ образомъ, „Украинская Жизнь“, предавая его, г. Никольскаго, „анаемѣ“, оказалась плохо освѣдомленной.

Никогда объ отношеніи г. Никольскаго къ школьному законопроекту я не писалъ. Не помнится, чтобы и кто-нибудь другой писалъ объ этомъ въ „Украинской Жизни“, по крайней мѣрѣ въ той утрированной формѣ, къ какой обычно прибѣгаетъ г. Никольскій при вольной передачѣ словъ своихъ оппонентовъ. Но разъ г. Никольскій самъ возбудилъ этотъ вопросъ, то справедливость требуетъ сказать, что въ дѣлѣ этомъ онъ далеко не такъ безупреченъ передъ своими украинскими избирателями, какъ ему это кажется. Совершенно вѣрно, что законодательное предположеніе 37 членовъ Думы объ украинскомъ языкѣ въ школѣ не дошло до трибуны; но за 5 лѣтъ присутствованія г. Никольскаго въ Думѣ было достаточно поводовъ выступить въ защиту того же дѣла, если бы г. Никольскій серьезно думалъ объ этомъ; за это время пять разъ обсуждалась смѣта министерства народнаго просвѣщенія, когда дѣйствительно заинтересованные представители различныхъ народностей находили умѣстнымъ и даже пользовались случаемъ предъявить свои національныя требованія въ школьномъ дѣлѣ; за это время обсуждены были законопроекты о всеобщемъ обученіи, о мѣстномъ судѣ, представившіе достаточно поводовъ и много матеріала для аналогичныхъ же выступленій, причемъ имѣли мѣсто выступленія и въ защиту украинскаго языка и даже со стороны представителей не-украинскихъ губерній. А одесскій депутатъ, такъ краснорѣчиво увѣряющій въ своихъ украинскихъ симпатіяхъ и даже, по его словамъ, нѣкогда пострадавшій за крамольное намѣреніе издать „Наймычку“ Шевченка, терпѣливо и настойчиво все ждалъ и ждалъ, пока не всплыветъ на думскую поверхность законодательное предположеніе 37 членовъ. Настойчивость и терпѣніе — прекрасныя вещи, но лучше было бы использовать ихъ не для ожиданія, а для самой защиты дѣла.

Кончаю и безъ того затянувшійся отвѣтъ г. Никольскому, далеко не использовавъ всѣхъ данныхъ, какія представляетъ его статья по моему адресу. Изъ сказаннаго, ко-

нечно, видно, что г. Никольскій, по излюбленной имъ манерѣ выражаться, отца не отравилъ, ни одной изъ двухъ тетокъ не убилъ, не предавалъ, какъ Евно Азефъ, украинскихъ интересовъ; но справедливость требуетъ сказать, что къ интересамъ этимъ относился онъ въ высокой степени безразлично, трактовалъ ихъ съ крайней легкостью, пренебрегалъ ими въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ представители не-украинской территоріи. И послѣ объясненія г. Никольскаго только утверждаешься въ мысли, что во всякомъ случаѣ одесскій депутатъ могъ бы говорить безъ особенной гордости и съ меньшимъ сознаниемъ исполненнаго долга какъ о своихъ выступленіяхъ, по характеру ихъ, такъ и о своемъ пятилѣтнемъ молчаніи въ Думѣ по очереднымъ вопросамъ жизни, столь существеннымъ для представляемыхъ имъ въ Думѣ украинскихъ его избирателей.

О. Бѣлоусенко.

Неотложное дѣло украинскихъ колоній.

Съ окончаніемъ каникулъ все дѣтское населеніе разстается съ дорогимъ для него просторомъ полей и изъ столь естественныхъ для него условій жизни на лонѣ природы возвращается въ искусственныя, городскія, гдѣ тѣснота, духота и постоянное сидѣнье за книжкой въ четырехъ стѣнахъ парализуетъ свободное развитіе и физическихъ силъ ребенка, и его творческой мысли. Еще очень мало существуетъ у насъ такихъ школъ среднеобразовательнаго курса, возвращеніе въ которыя было бы для дѣтей особенно радостно, и обыкновенно конецъ августа и сентябрь мѣсяцъ являются тяжелымъ періодомъ для нашихъ учащихся дѣтей: надо отдѣлаться отъ живыхъ еще впечатлѣній лѣта, какими полна голова и съ страшнымъ усиленіемъ воли опять вдумываться въ какія-то чужія латинскія цитаты, въ ни на что въ данную минуту не нужныя алгебраическія формулы. И въ большихъ, высокихъ классахъ, гдѣ монотонно раздается голосъ „преподавателя“, тоска и одиночество вползаютъ въ душу ребенка, еще полную звуковъ села, яркихъ красокъ цвѣтущихъ полей.

Если дѣтямъ вообще труденъ этотъ переходъ отъ жизни къ искусственному бодрствованію городской школьной обстановки, то тѣмъ тяжелѣе онъ для нашихъ украинскихъ дѣтей, учащихся въ столицахъ. Тамъ, въ далекихъ хуторкахъ, селахъ, маленькихъ городкахъ родной Украины было столько яркой красоты природы, ключомъ била трудовая, рациональная земледѣльческая жизнь, тамъ звучала ласкающая пѣсня на родномъ языкѣ и будила въ глубинѣ сознанія что-то дорогое, человѣческое, объединяющее ребенка со всей массой трудового люда. Здѣсь камень и стѣны, отсутствіе солнца и зелени (въ Петербургѣ), чужая рѣчь и чуждая жизнь. И чувство отчужденности и одиночества еще болѣе грубо охватываютъ чуткую, нѣжную душу дѣтей-южанъ.

Неужели нельзя имъ помочь? Нельзя создать имъ среди этихъ мрачныхъ гранитныхъ стѣнъ столицы хоть небольшой уголокъ, гдѣ все дышало бы „родиной“, гдѣ бы раздавалась родная рѣчь, звучала родная пѣсня, гдѣ хоть одинъ, красиво прибитый къ стѣнѣ снопъ жита, перевитый красивымъ украинскимъ вышитымъ (или тканымъ) рушникомъ, переносилъ бы отзывчивое воображеніе дѣтей въ тѣ прекрасныя степи, гдѣ золотится это жито, гдѣ живетъ этотъ земледѣлецъ, который кормитъ всю Россію и съ которымъ наши дѣти должны быть связаны крѣпкими нитями взаимнаго пониманія и взаимной помощи? Такой украинскій дѣтскій уголокъ въ столицахъ могъ бы оказывать большое воспитательное вліяніе на нашихъ дѣтей. Имѣлъ бы онъ и для взрослой украинской колоніи въ столицѣ глубокое національно-просвѣтительное и объединительное значеніе. До сихъ поръ украинская интеллигенція очень мало проявила интереса къ вопросу о національномъ воспитаніи дѣтей. Между тѣмъ какъ педагогическіе вопросы захватываютъ все большіе круги русскаго общества, которое и проявляетъ свой интересъ въ разнообразныхъ начинаніяхъ, — украинское общество въ этомъ отношеніи не обнаружило пока никакой инициативы, и даже въ русскихъ педагогическихъ обществахъ нигдѣ украинцы не заявляютъ себя дѣятельною группою, работающею въ опредѣленномъ направленіи. Правда, украинцамъ сильно мѣшаютъ внѣшнія препоны, — такъ, напр., въ Кіевѣ были запрещены собранія дѣтей въ возрастѣ отъ 4 до 10 лѣтъ въ украинскомъ клубѣ, хотя занятія дѣтей состояли изъ подвижныхъ игръ, хорового пѣнія дѣтей и рассказовъ съ волшебнымъ фонаремъ; но это не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ украинской пассивности. Для теоретической разработки педагогическихъ вопросовъ на украинской почвѣ существуетъ журналъ „Свѣтло“, для практическихъ же пробъ націонализаціи многихъ новѣйшихъ педагогическихъ учреждений, педагогическихъ приемовъ украинцы пока не сдѣлали ничего: нигдѣ нѣтъ ни украинскаго дѣтскаго сада, ни украинской колоніи, санаторіи, ни гимназіи, ни профессиональной школы. Внѣшній гнетъ, повторяю, не оправдываетъ такой бездѣятельности: жизненныя учрежденія, — а таковыми прежде всего и являются школы разныхъ типовъ, — не могутъ не возникнуть, разъ въ жизни созданъ на нихъ спросъ. Только жизнедѣятельная инициатива обществен-

ныхъ силъ создаетъ новыя прогрессивныя явленія, которыя силою своей жизненности мало-по-малу вѣдряются въ старую почву и узаконяются. А пока нѣтъ этой здоровой инициативы у украинцевъ, ихъ дѣти, конечно, должны выносить весь гнетъ денационализирующей ихъ школы.

Но, можетъ быть, и „пока“ можно чѣмъ-нибудь облегчить это ненормальное положеніе оторванности отъ всего родного, помѣщая пріѣзжихъ дѣтей на квартиры къ землякамъ, устраивая пансіоны, квартиры гимназическія украинскія. Вѣдь существуютъ же „квартиры“ польскія для польскихъ учащихся, пансіоны эстонскіе, латышскіе, нѣмецкіе. Почему же украинскія дѣти и юноши, пріѣзжая въ далекія столицы учиться, должны немедленно растворяться среди другихъ живущихъ тамъ народностей, отрекаться отъ всего родного, хорошаго и вырастать среди господствующаго надъ ними русскаго общества или чужими, одинокими, или отрекшись отъ всего своего? И тотъ, и другой выходъ одинаково губителенъ для нравственной цѣльности человѣка.

Въ послѣднее время всѣ педагоги и въ Европѣ, и въ Россіи придають громадное значеніе общественнымъ дѣтскимъ организаціямъ, — клубы, дѣтскіе дома, дѣтскія комнаты, читальни — все это организуется для развитія въ самыхъ юныхъ дѣтяхъ общественности, самостоятельности. Какъ хорошо было бы устроить въ разныхъ мѣстахъ въ нашихъ столицахъ хоть 2 — 3 такія дѣтскія комнаты, убранныя въ украинскомъ вкусѣ, съ читальнею изъ украинскихъ, подобранныхъ къ возрасту посѣтителей, книгъ; можетъ быть, чтеніе родныхъ художниковъ — Кулиша, Мирного и др. — отвлекло бы нашихъ дѣтей отъ возвращающей литературы Пинкертоновъ и ихъ новѣйшихъ подражателей. Съ нею въ Бельгіи, во Франціи, Швейцаріи уже принялись бороться именно энергичнымъ распространеніемъ истинно-художественныхъ произведеній и повсемѣстной организаціею дѣтскихъ читаленъ. Полезнымъ признается также обсужденіе того или иного выдающагося художественнаго произведенія, — обсужденіе свободное, вызывающее дѣтей высказываться среди своей аудиторіи, въ присутствіи по ихъ желанію выбраннаго взрослого руководителя. Такія литературныя бесѣды на темы родной поэзіи и литературы освѣжали бы дѣтей, знакомили бы ихъ съ родной письменностью, ярко и правдиво изображающей украинскую народную жизнь.

Для младшихъ посѣтителей дѣтской украинской комнаты можно бы устраивать чтенія народныхъ сказокъ съ волшебнымъ фонаремъ. Въ Кіевѣ работаетъ кружокъ любителей, изготовляющій картинки волшебнаго фонаря къ разнымъ произведеніямъ Шевченко и другихъ лучшихъ писателей. Въ столицахъ еще проще и возможнѣе изготовить рядъ картинъ къ извѣстной желаемой серіи рассказовъ и сказокъ. Слушая ихъ и глядя на картинки, дѣти хоть на часокъ переносились бы туда, въ эту прекрасную родину, отъ которой прихотью судьбы они оторваны.

Хорошимъ педагогическимъ развлеченіемъ признается теперь также кукольный театръ и театръ тѣней. Многіе педагоги, признавая весьма вреднымъ возить дѣтей въ театры и наносить тѣмъ безусловный вредъ ихъ здоровью, а часто и извращая неподходящими впечатлѣніями ихъ воображеніе, считаютъ художественный кукольный театръ прекраснымъ образовательнымъ пособіемъ. Для нашихъ украинскихъ дѣтей кукольный театръ изъ народныхъ сказокъ, изъ переводовъ разныхъ путешествій и т. п. могъ бы имѣть громадный интересъ. Къ устройству его можно было бы привлечь наше же юношество.

Рядомъ съ такими эстетически-просвѣтительными развлеченіями украинскія дѣти, конечно, нуждаются также и въ физическихъ упражненіяхъ. Въ этомъ отношеніи современная педагогія находитъ наилучшимъ подвижныя игры, такъ какъ онѣ даютъ содержаніе и духу, и тѣлу. Въ репертуарѣ народныхъ украинскихъ игръ такъ много подходящихъ для дѣтей. Полныя движенія, сопровождаемыя пѣніемъ, онѣ являются прекраснымъ развлеченіемъ послѣ сидячихъ ежедневныхъ школьныхъ занятій. Кромѣ игръ въ послѣднее время педагоги стоятъ очень за танцы, — простые народные танцы, развивающіе въ дѣтяхъ грацію, приучающіе ихъ къ ритмическимъ движеніямъ въ тактъ музыки. Въ этомъ отношеніи нашъ украинскій „гопак“, „чабан“, „джигун“, „метелиця“ съ разнообразными фигурами, „косарь“ и другіе народные танцы доставили бы много веселья дѣтямъ и придали бы гибкости, подвижности ихъ тѣлу. А все это вмѣстѣ взятое создало бы нашимъ дѣтямъ такую живую, здоровую, родную атмосферу, среди которой они чувствовали бы, что они здѣсь у себя, дома; рядомъ съ общечеловѣческой, очень цѣнной, школьной культурой, они въ своемъ родномъ уголкѣ впитывали

бы свое самобытное; приучались бы уважать народное творчество, вѣками накопленные сокровища національной музыки и поэзіи. Изъ воспитанныхъ въ такой обстановкѣ дѣтей, можетъ-быть, выросли бы не индифферентные космополиты, сами не знающіе, къ какой они народности принадлежать, не способные ничего горячо, беззаветно любить; изъ дѣтей, не порвавшихъ связи съ своей родиной, со своимъ народомъ, можетъ-быть, выросли бы болѣе здоровые люди, любящіе жизнь какъ живое поприще для работы на пользу народа. Развивая въ нашихъ дѣтяхъ сознательную любовь къ родинѣ, поддерживая въ нихъ живую связь съ народомъ, мы спасаемъ ихъ отъ той ужасной душевной пустоты, которая, къ нашему горю, лучшихъ юношей наводитъ на мысль о самоубійствѣ. Съ этимъ страшнымъ зломъ обязаны бороться всѣми силами и общество, и педагоги, и родители. Украинцы должны также серьезно задуматься надъ этимъ вопросомъ, особливо столичные жители. Надо охранить наше юношество отъ грозящей ему денационализации, надо развить въ немъ любовь къ жизни, а жизнь тогда лишь цѣнна для молодежи, когда она одушевлена чѣмъ-то великимъ, свѣтлымъ. И вотъ на первую пробу, можетъ-быть, дѣтскіе украинскіе клубы, дѣтская украинская комната сослужать въ этомъ отношеніи хоть кое-какую услугу, оградятъ дѣтей и юношей отъ душевнаго одиночества и постояннымъ, живымъ напоминаніемъ на-время покинутой ими прекрасной родины заронять въ нихъ святую искру гуманной любви къ ней и желаніе жить ради нея.

С. Русова.

На текущія темы.

Избирательная кампанія—и „никакихъ настроеній“.—Съ средней позиціи.— Борьба съ „настроєніемъ“.—Украинство въ Думѣ и на выборахъ.—Отъ настроєнія къ дѣйствию.

Навѣрное, до чрезвычайности странно почувствовали бы себя иностранецъ, которому объяснили бы, что у насъ въ настоящее время предвыборная кампанія „въ полномъ разгарѣ“. Удивительная страна и удивительные люди въ ней обитаютъ,—подумалъ бы челоуѣкъ, незнакомый до тонкости съ нашими порядками. Выборы народныхъ представителей—вѣдь это показатель интенсивности политической жизни въ странѣ, это борьба вліяній и интересовъ, всеобщее оживленіе, подъемъ. А между тѣмъ, хотя всего какой-нибудь мѣсяць остался до рѣшительнаго боя за мандаты и выборы въ первыхъ стадіяхъ уже кое-гдѣ и происходятъ, но не замѣтно никакихъ признаковъ того, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ обновленіе народнаго представительства. Ни агитаціи, ни предвыборныхъ собраній, ни рѣчей, ни даже вполне опредѣленныхъ кандидатуръ,—ничего, чѣмъ всякая порядочная страна въ Европѣ готовится обычно проявить свою волю во время той политической встряски, какой всегда сопровождаются парламентскіе выборы. Слишкомъ ужъ все обыденно протекаетъ. Все такъ же бдитъ начальство, а обыватель опасно ходитъ, и даже первое свою бдительность усилило, а второй проявляетъ еще болѣе чувствительную опасливость; все такъ же не хватаетъ мѣстъ въ разсадникахъ просвѣщенія и все та же давка предъ дверями, ведущими въ храмы науки, исключая, впрочемъ, одесскій университетъ; все такъ же кончаютъ самоубійствомъ всевозможные неудачники и все такъ же суетятся торгующіе и куплю дѣлющіе; даже хлѣбныя залежи, все такъ же растутъ на желѣзныхъ дорогахъ... Однимъ словомъ, исключительно сезонныя дѣла стоятъ на первомъ планѣ и сезонныя рѣчи слышатся. Вяло течетъ обычная сонная жизнь, и если бы не участившіеся случаи штрафованія газетъ—этихъ козлищъ отпущенія въ гла-

захъ всякаго ретиваго администратора,—то можно бы вполнѣ присоединиться къ мнѣнію, высказанному недавно однимъ становымъ приставомъ въ служебномъ рапортѣ: „никакихъ настроеній“... „Истекшій мѣсяць, по всему ввѣренному мнѣ стану, никакихъ настроеній... не было, забастовокъ рабочихъ тоже не было, интеллигентныхъ слоевъ, свободныхъ профессій, учащейся молодежи и другихъ подобныхъ не замѣтно, грабительской дѣятельности совершенно не замѣтно и нѣтъ, а лишь бываютъ и были простыя мелкія кражи и скота“¹⁾. „Настроенія“, поставленныя исполнительнымъ служакой въ одинъ рядъ со свободными профессіями, учащейся молодежью и мелкими кражами, такимъ образомъ, рѣшительно опровергаются компетентными въ этомъ отношеніи официальными органами. Да, странные люди, которые на обновленіе народнаго представительства въ горячее выборное время реагируютъ лишь „простыми мелкими кражами“, только изрѣдка расширяя свой аппетитъ до крупнаго „скота“...

Странные люди... И справедливо осудить ихъ иностранецъ, привыкшій избирательную процедуру мѣрять на свой широкой европейскій аршинъ, и точно также справедливо одобрить становой приставъ, привыкшій за мухой съ обухомъ гоняться и расцѣпывать „настроеніе“ съ точки зрѣнія тишины и спокойствія „по ввѣренному ему стану“. „Никакихъ настроеній“ дѣйствительно не обнаружите съ тѣхъ крайнихъ точекъ наблюдательной позиціи, на которыхъ стоятъ, съ одной стороны, нашъ гипотетическій европеецъ, а съ другой—вполнѣ реальный становой приставъ: такъ уже глаза у этихъ наблюдателей устроены, что не улавливаютъ вовсе такой деликатной матеріи, какъ „настроенія“. Европеецъ ищетъ свободнаго обнаруженія мысли и воли избирателей,—увы!—нѣтъ его; приставъ отождествляетъ „настроенія“ съ бунтомъ,—къ счастью, и его тоже не обрѣтается. Но кромѣ двухъ указанныхъ полюсовъ, несомнѣнно имѣется нѣкоторая средняя точка, съ которой не только можно замѣтить ясно выраженныя „настроенія“, но даже опредѣлить ихъ качество и удѣльный вѣсъ въ нашей современной жизни.

Дума 3-го іюня съ ея націоналистически-октябристскимъ большинствомъ не разрѣшила ни одного вопроса

¹⁾ „Одесскій Листокъ“, цит. по „Радъ“, № 135.

изъ имѣющихъ жизненное значеніе какъ для государства въ его цѣломъ, такъ и для отдѣльныхъ національностей, его составляющихъ. Мало впрочемъ сказать: не разрѣшила,—она запутала всѣ вопросы, отдалила ихъ разрѣшеніе. Въ національномъ вопросѣ—Финляндія, Холмщина, куріальное земство, народное образованіе и судъ безъ народныхъ языковъ, погромная агитація съ думской трибуны; въ аграрномъ—законъ 9 ноября, въ рабочемъ—сознательное пренебреженіе къ интересамъ рабочихъ массъ и т. д., и т. д.,—все это слишкомъ извѣстные факты, чтобы слѣдовало на нихъ останавливаться. Въ результатѣ такой дѣятельности російскаго „парламента“, кромѣ небольшой кучи карьеристовъ, не найдемъ вовсе людей, которыхъ бы Дума въ ея современномъ видѣ удовлетворила. Глухое недовольство существующимъ сказывается вездѣ, захватывая собою подлинную гущу обывательской массы. Это и есть то дѣйствительное настроеніе, котораго только слишкомъ далеко стоящіе отъ жизни наблюдатели или совершенно близорукіе не замѣчаютъ за „мелкими кражами“. Сказывается оно не только положительнымъ, но еще гораздо ярче отрицательнымъ путемъ.

Собственно говоря, избирательная кампанія началась уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и выразилась прежде всего въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыми власть имущіе и ихъ сподвижники нашли необходимымъ обезопасить себя именно отъ неуволимаго, но чувствующагося „настроенія“. Новыя сенатскія разъясненія, административные циркуляры, штрафы, возобновленныя исключительныя положенія,—такова та обычная схема общихъ мѣропріятій, которыми опредѣляется характеръ и настоящей избирательной кампаніи. На этомъ общемъ фонѣ расшиваютъ свои узоры и баловни текущаго момента—націоналисты, сосредоточившіе свою дѣятельность главнымъ образомъ на Украинѣ. Прежде всего постарались надлежащимъ образомъ обработать духовенство, которому актомъ 3-го іюня предоставлено значительное вліяніе по землевладѣльческой куріи. Цѣлый рядъ циркуляровъ по духовному вѣдомству, подкрѣпленныхъ весьма чувствительными угрозами начальственной милости, долженъ былъ сломить духовенство, вполне надежно „націонализировать“ его; затѣмъ слѣдуетъ уже прямыя соглашенія, заключенныя при дѣятельномъ посредничествѣ епархіальныхъ архіереевъ и конси-

сторских „красивыхъ brunetовъ“. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ выборныхъ манипуляціяхъ черезчуръ явственно чувствуется страхъ предъ „настроеніемъ“. „Въ ряды крестьянства ворвались совершенно чуждые имъ обманщики, революціонеры, учившіеся въ заграничныхъ университетатхъ“,—констатируетъ, напр., въ своемъ посланіи къ духовенству извѣстный Антоній волынскій, требуя отъ духовенства прежде всего борьбы съ „лѣвыми обманщиками“¹⁾. Той же цѣли должны были служить и такъ-называемые курсы „ревнителѣй союза русскаго народа“, организуемые при монастыряхъ нѣкоторыхъ епархій²⁾. Но, оказывается, заражено „настроеніемъ“ само духовенство: даже оно не стоитъ внѣ подозрѣній въ сочувствіи къ „лѣвымъ обманщикамъ“,—и вотъ предпринимается цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій, чтобы парализовать это сочувствіе. На Полтавщинѣ и въ другихъ мѣстностяхъ отъ духовенства требуютъ обязательнаго участія въ выборахъ, на Волыни сочувствіе прогрессистамъ обложено штрафами въ 100 рублей³⁾, аналогичныя сообщенія о борьбѣ съ настроеніемъ въ собственной средѣ имѣемъ и изъ другихъ мѣстностей. Конечно, сами духовные политики прекрасно понимаютъ, что на однихъ приказаніяхъ и угрозахъ далеко не уѣдешь, и потому одновременно дѣлаются попытки подвести идеологическій фундаментъ подъ „націонализацию“ духовенства. „Въ Западномъ и Юго-западномъ краѣ, — теоретизируетъ членъ Думы, „октябристъ“ свящ. Трегубовъ въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, — родственной (духовенству) по духу и единомышленной по политическимъ вѣрованіемъ является, не говоря уже о крестьянахъ (!), группа русскихъ землевладѣльцевъ, съ которыми необходимо войти въ соглашеніе, чтобы провести и въ выборщики, и въ члены Госуд. Думы русскихъ по духу и православныхъ по вѣрѣ людей“⁴⁾. „Не говоря уже о крестьянахъ“, это, конечно, не болѣе, какъ риторическій оборотъ, дань духу времени, а все вниманіе депутата устремлено исключительно на „группу русскихъ землевладѣльцевъ“, у насъ почти сплошь окрашенныхъ черной краской.

Таковы мѣропріятія противъ „настроенія“ наиболѣе

1) „Кіевская Мысль“, № 158.

2) „Рада“, 1911 г., № 265.

3) „Рада“, № 96.

4) Цит. по „Радѣ“, № 96.

благонадежной части избирателей. Съ другими, не привилегированными группами, еще менѣ склонны церемониться, соблюдая хотя бы внѣшнія приличія. Такъ, изъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи сообщаютъ, что всѣ земскіе учителя получили вдругъ приказаніе внести въ кассу націоналистовъ контрибуцію по 3 рубля, хотя никто изъ учителей въ названной партіи не числится¹⁾. Въ с. Толмачѣ Киевской губерніи крестьяне избрали въ качествѣ представителя на волостной сходѣ своего односельчанина Берегового. Волостное начальство разъяснило избранника на томъ основаніи, что онъ политически неблагонадеженъ и подвергался административной высылкѣ²⁾. Подобнымъ же образомъ, пытались разъяснить и избранника с. Будищъ Киевской губ. Шпилевого, ссылаясь на то, что онъ „не понравился начальству“³⁾. Всѣ подобныя мѣропріятія противъ „настроенія“ сведены воедино и формулированы на частномъ собраніи чигиринскихъ земцевъ націоналистическаго толка. Вотъ эта предвыборная „платформа“ дѣятелей, лучше всего представляющихъ современный курсъ: 1) всѣми средствами добиваться чтобы избранными въ Думу оказались только „свои“, 2) украинцевъ считать личными врагами и „мазепинцами“, за которыми долженъ быть учиненъ бдительный надзоръ, 3) итти въ ногу съ духовенствомъ, которое дало свое согласіе на „платформу націоналистовъ“⁴⁾. Въ такомъ духѣ и ведутъ свою пропаганду вожаки націоналистовъ, въ особенности вездѣ поспѣвающей и всюду преуспѣвающей г. Савенко.

Несмотря на внѣшнюю сумбуриность, приведенная „платформа“ очень хорошо освѣщаетъ сущность націоналистической политики со стороны какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ ея поползновеній. Положительныя исчерпываются извѣстнымъ лозунгомъ: „въ карманъ норови“ (избирать только „своихъ“) отрицательныя—борьбой съ украинствомъ. Видимое убожество „платформы“ открываетъ тѣмъ не менѣ широкія перспективы предъ ея приверженцами. Не будемъ говорить о первомъ требованіи: само собой понятна его привлекательность для людей,

1) „Рада“, № 130.

2) „Рада“, № 93.

3) „Рада“, № 117.

4) „Рада“, № 83.

цѣлью общественной дѣятельности ставящихъ личныя выгоды. Для насъ интереснѣе второе, именно какъ признакъ той борьбы съ однимъ изъ „настроеній“, какой пока характеризуется вся избирательная кампанія въ нашемъ краѣ.

Актъ 3-го іюня, ограничившій избирательныя права демократическихъ слоевъ населенія, больнѣе всего ударилъ по украинству, находящему своихъ послѣдователей именно среди наиболѣе обдѣленныхъ новымъ избирательнымъ положеніемъ группъ населенія. Результаты этого не замедлили обнаружиться на первыхъ же выборахъ, произведенныхъ по Положенію 3-го іюня. Довольно замѣтная въ численномъ отношеніи украинская фракція, возникавшая какъ въ первой, такъ и во второй Думахъ, въ третьей растаяла безъ слѣда, но чрезвычайно характерно при этомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и вообще демократическое представительство отъ Украины. Украина оказалась представленной въ Думѣ исключительно или аграріями, или духовенствомъ карьеристическаго типа, или, наконецъ, „хозяйственными мужичками“, въ родѣ того знаменитаго депутата, который снискалъ себѣ всеобщую извѣстность сущажничествомъ со своими односельчанами, и классической фразой, произнесенной на судѣ: „господа правосудіе, присудить у мою пользу, бо я-жъ самъ законодатель¹⁾“. Если не считать одного—двухъ безпартійныхъ священниковъ, то единственнымъ прогрессивнымъ депутатомъ отъ Украины былъ въ третьей Думѣ проф. И. В. Луцичкій, въ единственномъ же числѣ представлявшій и украинское движеніе. Естественно, что при такомъ положеніи голосъ украинства раздавался рѣдко и звучалъ слабо подъ сводами Таврическаго дворца, украинскія нужды не были освѣщены и представлены надлежащимъ образомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, были лишены представительства всѣ демократическіе слои населенія Украины. Если 3-я Дума вообще подорвала надежды и упованія, на благопріятное разрѣшеніе коренныхъ нуждъ народа парламентскимъ путемъ, то наиболѣе сильно это разочарованіе коснулось именно Украины, „представители“ которой сплошь оказались врагами истинно-народнаго представительства. Это обстоятельство прежде всего необходимо учитывать при опредѣленіи настроенія широкихъ слоевъ украинскаго населенія. Глубокое недовольство

¹⁾ „Рада“, № 34.

настоящимъ составляетъ поэтому главный элементъ этого настроенія.

Рядомъ съ нимъ стоитъ и отсутствіе положительныхъ надеждъ на ближайшее будущее. Актъ 3-го іюня вѣдь и теперь опредѣляетъ шансы борющихся группъ, и предстоящая Дума отнюдь не представляетъ прыжка въ неизвѣстность. Тѣ мѣропріятія, которыхъ я бѣгло коснулся на предыдущихъ страницахъ, въ значительной мѣрѣ предопредѣляютъ составъ представителей отъ Украины и въ 4-й Думѣ. Каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ цѣломъ, націоналистическое большинство болѣе или менѣе обеспечено. Вотъ почему рядомъ съ недовольствомъ стоитъ то, на первый взглядъ, поразительное равнодушіе къ выборамъ, которое составляетъ, быть можетъ, главное зло текущей избирательной кампаніи. Рядовой избиратель, тщательно просѣянный сквозь частое сито сенатскихъ и иныхъ разъясненій, прекрасно знаетъ удѣльный вѣсъ своего голоса; знаетъ, что избирательная ариѳметика и геометрія постараются свести его значеніе къ нулю.—и отходить въ сторону. Настроеніе не переходитъ и не претворяется въ дѣйствіе. Это тѣмъ болѣе естественно, что опытъ 3-й Думы предъ глазами, а 4-я не можетъ, по всѣмъ признакамъ, далеко уйти отъ своей предшественницы.

„Настроеніе“, какъ уже отмѣчено, тѣмъ не менѣе существуетъ. Сказывается оно не только общимъ „полѣвѣніемъ“ избирателя, но и тѣмъ вниманіемъ къ національнымъ требованіямъ вообще и въ частности къ украинскимъ, по связи ихъ съ общедемократическими требованіями, которое, можетъ быть, впервые ярко обнаружилось именно въ настоящую кампанію и составляетъ чуть ли не единственное свѣтлое пятно на сѣромъ фонѣ. Впервые теперь выставляются украинскія кандидатуры какъ украинскія, впервые обсуждаются шансы украинскихъ кандидатовъ, среди болѣе широкихъ круговъ избирателей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Одессѣ, украинцы собственно и вызвали извѣстный интересъ къ выборамъ, оживили избирательную кампанію, дали толчокъ къ тѣмъ партійнымъ группировкамъ, которыя затѣмъ появились. Въ связи съ этимъ находится и несомнѣнно растущій интересъ къ украинству со стороны русскихъ политическихъ организацій. Такъ, трудовики, признавъ въ своей избира-

тельной платформѣ неотъемлемое право каждой національности на національное самоопредѣленіе въ полномъ объемѣ, специально оговариваются, что къ числу такихъ національностей они относятъ украинцевъ и бѣлоруссовъ; с.-д. сочли необходимымъ отвести въ своей деклараціи специальное мѣсто притѣсненіямъ, испытываемымъ украинствомъ¹⁾. Еще дальше пошли кадеты, давъ мѣсто минимальнымъ украинскимъ требованіямъ въ своей одной изъ областныхъ платформъ и тѣмъ признавъ ихъ обязательными всей кадетской фракціи. Пунктъ 3-й мѣстной избирательной платформы, выработанной кіевскимъ областнымъ комитетомъ партіи народной свободы, провозглашаетъ „введеніе всеобщаго первоначальнаго обученія на украинскомъ языкѣ во всѣхъ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, обязательное открытіе каедръ украиновѣдѣнія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Украины и преподаваніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ исторіи Украины, языка, литературы и вообще украиновѣдѣнія; допущеніе свободнаго употребленія украинскаго языка въ церкви, судѣ и во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ на Украинѣ, а также въ сношеніяхъ съ украинскимъ населеніемъ агентовъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений²⁾. Мнѣ кажется, что было бы несомнѣнной ошибкой видѣть во всѣхъ подобныхъ заявленіяхъ лишь извѣстный предвыборный маневръ уже хотя бы по тому одному, что раньше, даже въ періодъ болѣе оживленныхъ избирательныхъ дѣйствій, украинскія требованія въ лучшемъ случаѣ лишь молчаливо признавались, но отнюдь никогда не ставились лозунгомъ избирательной борьбы. Какъ симптомъ, какъ настроеніе, приведенныя заявленія несомнѣнно заслуживаютъ вниманія даже безотносительно къ ихъ осуществимости въ ближайшее время. Очевидно, украинскій вопросъ, отъ котораго долгое время отмахивалась общерусская интеллігенція, постепенно приближается къ надлежащей постановкѣ въ числѣ прочихъ вопросовъ общегосударственнаго значенія. Борьба съ „мазепинствомъ“ со стороны реакціонныхъ партій и признаніе украинскихъ требованій, большинствомъ демократіи („центрально-либералы“ изъ „Утра Россіи“, въ счетъ, конечно, не идутъ), яв-

1) „Рада“, № 199.

2) Цит., какъ и выше, изъ деклараціи трудовиковъ, по отдѣльному изданію.

ляется первымъ замѣтнымъ шагомъ къ такой постановкѣ. Но на первомъ шагѣ никто не останавливается...

По всѣмъ видимостямъ, какъ мнѣ кажется, украинскій вопросъ въ будущей Думѣ долженъ получить нѣсколько иную постановку, чѣмъ это было въ предшествовавшей, даже и въ томъ случаѣ, если бы чисто украинскія кандидатуры потерпѣли неудачу. Въ этомъ отношеніи весьма поучительнымъ является даже отрицательный опытъ 3-й Думы съ ея замалчиваніемъ украинскихъ нуждъ, но еще болѣе знаменательно то настроеніе, съ которымъ мы приближаемся къ будущимъ выборамъ. Конечно, говорю лишь о постановкѣ, а не объ удовлетвореніи украинскихъ требованій, поскольку послѣднее не зависитъ отъ добрыхъ намѣреній и пожеланій тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, выдвигающихъ и поддерживающихъ указанныя требованія. Чтò бы ни говорили націоналисты, вопреки ихъ собственнымъ желаніямъ и даже благодаря ихъ содѣйствію, если хотите,—но вниманіе къ этому воистину наболѣвшему вопросу должно усиливаться уже просто потому, что онъ усиленно выдвигается самой жизнью, которая даже въ наше сугубо неудобное для всякаго рода оказательствъ время производитъ довольно внушительныя манифестаціи въ пользу украинской идеи. Не могу не отмѣтить здѣсь одной изъ такихъ манифестацій, связанной съ вопросомъ объ основаніи украинскаго университета во Львовѣ.

Вопросъ въ сущности академическій всколыхнулъ тѣмъ не менѣе политическія страсти. Читателямъ нашимъ извѣстенъ какъ фактическій ходъ событій, такъ и ихъ значеніе; извѣстно также и то, что борьба нашихъ закордонныхъ земляковъ за просвѣщеніе вызвали живой откликъ и сочувствіе повсюду, гдѣ говорятъ украинскимъ языкомъ и борются во имя украинской идеи. Знаки этого сочувствія, въ формѣ коллективныхъ заявленій и привѣтствій по адресу украинскаго парламентскаго союза въ Вѣнѣ, не сходили нѣкоторое время со столбцовъ украинской прессы. Теперь „Рада“ подводитъ нѣкоторые итоги этому движенію, разросшемуся,—это въ особенности необходимо подчеркнуть,—безъ всякой агитации извнѣ, вполне естественнымъ образомъ.

За сравнительно короткое время подписей набралось около 3,000, причемъ наибольшее количество ихъ падаетъ

на крестьянъ; учащуюся молодежь и рабочихъ¹⁾). Казалось бы, какое въ сущности дѣло крестьянину изъ глухого угла Подольской губерніи или рабочему Екатеринославской губ. до украинскаго университета во Львовѣ? А между тѣмъ факты говорятъ о противномъ: о томъ глубокомъ интересѣ, который вызванъ среди украинскихъ трудящихся массъ вопросомъ академическаго по преимуществу значенія, притомъ же объ интересѣ въ значительной степени активномъ, прорывающемся вопреки извѣстнымъ условіямъ нашей современности. Весьма часто говорятъ объ искусственности украинскаго движенія, о непричастности къ нему народныхъ массъ, объ его наносномъ характерѣ; еще недавно одинъ экспансивный депутатъ по поводу украинской школы пустилъ по адресу украинцевъ крылатое „они не просятъ“. Факты, подобные только-что приведенному, свидѣтельствуютъ лишь объ искусственности отмѣченнаго сейчасъ ходячаго мнѣнія. Здѣсь видимъ не только неопредѣленно выраженное настроеніе, но и нѣчто большее, именно вполне сознательное дѣйствіе съ ясно поставленной цѣлью. Можно, конечно, игнорировать не только настроенія, но и дѣйствія и, подобно упомянутому приставу, въ нашей жизни не видѣть ничего, кромѣ „простыхъ мелкихъ кражъ“; можно сознательно закрывать глаза на непріятные факты, можно подтягивать ихъ или урѣзывать во угоду определенной тенденціи. Но нельзя въ конечномъ счетѣ упускать изъ виду той характерной складки въ современной психології, которая обнаруживается изъ настроеній и дѣйствій. Постепенное, можетъ быть, медленное, но неуклонное прозрѣніе,—такъ можно характеризовать эту складку; такой она является и въ украинскомъ вопросѣ. Пусть оно, это прозрѣніе, совершается не въ томъ темпѣ, который намъ желательно бы видѣть; пусть на его пути встрѣчается цѣлая масса затемняющихъ его препятствій,—пусть: оно уже начало совершать свое дѣло освобожденія, ущемленной совѣсти и, конечно, рано или поздно доведетъ эту работу до благополучнаго конца.

С. Ефремовъ.

¹⁾ „Рада“, № 197.

Изъ русской печати.

„Русская Мысль“ и національные вопросы.—Борьба за школу въ Австріи и подтасовка г. Глѣбова.—Мудрость думскихъ кадетовъ.—Г. Меньшиковъ въ защиту національныхъ автономій.—Напрасная тревога А. Б. Петрищева.—Провокація или истина?—Соціальные вопросы и національныя потребности.—Работа В. А. Мякотина по исторіи Украины и статья В. Медема о національномъ вопросѣ.—Новыя выступленія „Утра Россіи“.

Упрекать русскую печать въ недостатокъ вниманія къ національнымъ вопросамъ было бы въ настоящій моментъ явною несправедливостью. Дружественно или неприязненно, но вопросы эти трактуются въ русскихъ изданіяхъ все чаще и чаще, причемъ едва ли не впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи идетъ органъ имперіалиста Струве, „Русская Мысль“. Въ такомъ фактѣ не было бы ничего удивительнаго, если бы журналъ велъ войну съ проявленіями національнаго „партикуляризма“ и ставилъ своею задачею дискредитированіе національныхъ стремленій и ихъ теоретическихъ обоснованій. Но этого сказать нельзя. Противникъ украинскаго національнаго движенія въ его современномъ видѣ, г. Струве, повидимому, далеко въ то же время отъ признанія безошибочности своихъ сужденій и проявляетъ несомнѣнное уваженіе къ мнѣніямъ инакомыслящихъ, открывая и имъ страницы своего журнала. Правда, допускаемое имъ разномысліе не выходитъ за опредѣленные, довольно тѣсные предѣлы; но наличность извѣстной терпимости и, главное, большого вниманія къ національнымъ вопросамъ все-же остается фактомъ, который нельзя обойти молчаніемъ.

Въ августовской книжкѣ „Русской Мысли“ этимъ вопросамъ посвящено цѣлыхъ три статьи: „Націоналистическія и національныя теченія въ третьей Думѣ“, „Борьба за національную школу въ Австріи“ и „Письма о національностяхъ и областяхъ“ (объ еврейскомъ ремеслѣ и его нуждахъ).

Вторая изъ этихъ статей—наиболѣе интересная въ принципиальномъ смыслѣ. Авторъ ея г. Глѣбовъ, сочувственно отмѣтивъ переходъ Австріи отъ государственнаго центра-

лизма къ федерализму, подробно останавливается надъ созданиемъ отдѣльными народами Австрійской имперіи своей національной школы. Обеспечивая сохраненіе и совершенствованіе родного языка, этого „отличительнаго признака націи, какъ соціальнаго образованія“, національная школа является лучшимъ залогомъ развитія національнаго самосозданія и національной культуры вообще. Естественно, что за осуществленіе національной школы въ Австріи велась и ведется напряженная борьба. И эта борьба уже достигла крупныхъ завоеваній со стороны отдѣльныхъ націй.

Въ нашу задачу не входитъ изложеніе интересной статьи г. Глѣбова; но мы считаемъ необходимымъ отмѣтить ея появленіе и обратить вниманіе читателей на то, что рядъ страницъ въ ней удѣленъ авторомъ борьбѣ за украинскую народную школу въ Галиціи. Съ удовольствіемъ встрѣчая въ работѣ сотрудника „Русской Мысли“ правильность основной точки зрѣнія на затронутую имъ тему, мы, однако, не можемъ въ то же время не отмѣтить и крайне непріятную, хотя довольно обычную у русскихъ либеральныхъ публицистовъ черту.

Дѣло въ слѣдующемъ. Г. Глѣбовъ вполне справедливо замѣчаетъ, что національное большинство въ странѣ, облеченное правами, всегда склонно злоупотреблять ими для подчиненія себѣ національнаго меньшинства и вообще слабѣйшей народности. Галиція не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Здѣсь полноправной національностью являются поляки, которые въ лицѣ своей шляхты и прочихъ буржуазныхъ элементовъ ведутъ ожесточенную борьбу съ украинцами (русинами), добивающимися школьныхъ правъ. Стараясь съ большой галантностью по отношенію къ польскимъ гасителямъ національной свободы и просвѣщенія изложить основы этой борьбы, г. Глѣбовъ совершаетъ дальше нѣчто совсѣмъ недопустимое. вмѣсто слова русины, т.-е. украинцы, онъ вдругъ начинаетъ употреблять слово русскіе и затѣмъ пользуется этими названіями, какъ вполне равнозначными. Благодаря такой подтасовкѣ читатель, въ массѣ крайне несвѣдущій въ національныхъ вопросахъ, получаетъ совершенно превратное представленіе о національныхъ отношеніяхъ въ Галиціи и вступаетъ въ область того специфическаго тумана, къ которому постоянно прибѣгаютъ русскіе союзники и націоналисты, когда имъ приходится говорить о Галиціи или Холмщинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, украинцы, именуемые въ Австріи русинами, а въ Россіи и малороссами, и украинцами, и тамъ, и здѣсь добиваются обезпеченія правъ на свою національную школу. Тамъ они ведутъ изъ-за этого борьбу съ поляками, здѣсь—съ русскими националистами. Въ разныхъ формахъ ведется эта борьба и въ разной степени напряженія она нынѣ протекаетъ, но не въ этомъ сейчасъ дѣло, а въ его сущности—въ самомъ фактѣ антагонизма. Если же мы послѣдуемъ за г. Глѣбовымъ, то придемъ къ полной неразберихѣ. Мы узнаемъ отъ него, что Галицію населяютъ русскіе и что они добиваются своей національной школы, которой.. до сихъ поръ не существуетъ въ Россіи, хотя русскихъ школъ въ ней имѣются сотни тысячъ...

Эта скверная повадка запутывать и затемнять ясные какъ Божій день вопросы сказалась и въ другой изъ упомянутыхъ статей „Русской Мысли“—о националистическихъ и національныхъ элементахъ въ третьей Думѣ. Читатели „Украинской Жизни“, пробѣжавшіе статью В. В. Садовскаго въ пятой книжкѣ нашего журнала, хорошо знаютъ, какъ мало вниманія удѣлили думскіе кадеты нуждамъ Украины, какъ въ общемъ неумѣло они разбирались въ украинскихъ вопросахъ и какъ неохотно выдвигали и отстаивали наши національные интересы.

Въ статьѣ „Русской Мысли“ все это, разумѣется, тщательно затушевано, на первый же планъ выдвинуто и подчеркнуто кадетское благородство и мудрость въ защитѣ угнетенныхъ національностей. Тутъ же кстаті посрамляются не только правые, но и лѣвые элементы Думы, повинные, видите ли, въ безпринципности и шовинизмѣ, проявленныхъ ими при обсужденіи національныхъ вопросовъ....

Мы не желали бы преуменьшать значенія кадетскихъ выступленій въ Думѣ, которыя какъ-никакъ сыграли извѣстную роль и должны быть учтены какъ нѣкоторый плюсъ; но мы безусловно протестуемъ противъ стремленія преувеличивать эту скромную величину и выдвигать ее впередъ за счетъ другихъ элементовъ оппозиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отмѣтить, что со стороны кадетовъ были и очень безтактныя выступленія и что даже такія звѣзды первой величины, какъ Милюковъ и Родичевъ, подымались на думскую трибуну съ рѣчами, совершенно

не продуманными. Родичевъ, защищая украинцевъ, въ то же время сознавался, что не увѣренъ въ ихъ существованіи какъ особенной національности, и ожидаетъ ея исчезновенія, а Милюковъ, — какъ это долженъ былъ признать и авторъ статьи въ „Русской Мысли“ (стр. 27 и 28), — лишь къ концу работъ третьей Думы высказался противъ идеи государственной націи, которую признавалъ вначалѣ.

Такія сомнѣнія и колебанія свидѣтельствуютъ, что у нашихъ государственныхъ людей, объединенныхъ въ одной политической группѣ и явившихся законодательствовать, въ сущности нѣтъ опредѣленныхъ и неизблемыхъ сужденій даже по такому жгучему и больному вопросу государственнаго строительства, какъ національный. И въ концѣ-концовъ оказывается, что наши парламентаріи изъ кадетской партіи не такъ ужъ далеки отъ того „парламента мнѣній“, о которомъ нѣкогда повѣдалъ намъ г. Меньшиковъ.

Къ слову сказать, сей патентованный хамелеонъ и парламентарій *sui generis* также выступилъ въ послѣднее время съ любопытными статьями по національнымъ вопросамъ, причемъ причинилъ большую тревогу одному почтенному публицисту изъ лѣваго крыла русской журналистики.

Объ этомъ мы подробнѣе скажемъ ниже, а пока напомнимъ читателю основное свойство публициста, столь мѣтко окрещеннаго покойнымъ Михайловскимъ Іудушкою Головлевымъ. Этотъ словоточивый, „владѣемый перомъ“ перебѣжчикъ изъ гайдебуровской „Недѣли“ въ суворинское „Новое Время“ никогда не имѣлъ и не имѣетъ ни опредѣленныхъ идеаловъ, ни опредѣленной программы. Онъ всецѣло подчиненъ случайнымъ вѣяніямъ и капризнымъ зигзагамъ личныхъ эмоцій. Его мысль изгибается какъ трость въ самыя разнообразныя, нерѣдко даже противоположныя стороны. Не только неудивительно, но и въ высшей степени естественно, что эти изгибы оказываются иной разъ очень близкими къ истинѣ; но надо помнить, что истина у Іудушки неизмѣнно занесена иломъ злопыхательства и челоуѣконенавистничества. Отгребите этотъ иль, очистите ее отъ гнилыхъ наносовъ порочной души Головлева и вы можете открыть подлинную цѣнность.

Мы просимъ читателя хорошо запомнить это и поста-

раться продѣлать рекомендуемую нами операцію со слѣдующею цитатою изъ статьи Меньшикова.

Я,—заявляетъ Меньшиковъ,—не принадлежу къ тѣмъ націоналистамъ русскимъ, которые отрицаютъ инородческія автономіи. Я придерживаюсь обратнаго взгляда. Если бы вопросъ объ этомъ былъ поставленъ серьезно, я со всею рѣшительностью настаивалъ бы на соблюденіи не только автономіи Финляндіи и Бухары, но и возвращеніи автономіи Польшѣ, отнятой 80 лѣтъ назадъ. И Литва, и Грузія, и Арменія, если дѣйствительно онѣ желаютъ автономіи, мнѣ кажется, должны бы получить ее—и не столько въ ихъ интересахъ, сколько въ нашихъ собственныхъ. Хотя я не думаю, чтобы враждебность къ Россіи этихъ народностей была погашена съ дарованіемъ автономіи, но она была бы локализована, введена въ опредѣленные территоріи,—теперь же весь организмъ Россіи пропитанъ враждебными ей элементами, что гораздо опаснѣе... Сиди они у себя дома, то, будь они еще враждебнѣе къ намъ, они, подобно финляндцамъ, были бы сравнительно безвредными. Мнѣ кажется, истинная цѣль русскаго націонализма не въ томъ, чтобы обрусить чуждыя племена (задача мечтательная и для насъ непосильная), но въ томъ, чтобы обезопасить ихъ для себя, а для этого есть одно лишь средство—отгѣснить инородческій наплывъ, выжать его изъ своего тѣла, заставить уйти во-свои... Автономная Польша отсосала бы изъ Россіи многочисленныя польскія колоніи, какъ Арменія—армянскія и т. п. Скажутъ: автономныя окраины стремятся обыкновенно къ полному отпаденію. Ну, что-жъ,—хотя это и не общій законъ,—но допустимъ даже полное отпаденіе такихъ окраинъ, каковы Финляндія, Польша, Арменія и т. п. Я лично былъ бы счастливъ дожить до этого: я счелъ бы Россію сбросившей, наконецъ, своихъ маленькихъ враговъ и очистившейся отъ чужеродныхъ паразитовъ. Въ качествѣ маленькихъ сосѣдей всѣ эти инородцы не только безвредны, но отчасти даже полезны, играя роль буферовъ на границѣ съ крупными державами. Территорія имперіи нашей сократилась бы едва замѣтно (взгляните на карту), а территорія русскаго народа не сократилась бы ни на одинъ вершокъ. Она освободилась бы только отъ болѣзненныхъ наростовъ гнойныхъ прыщей. Россія вернула бы себѣ національное единство, въ чемъ заключается истинный секретъ силы и процвѣтанія расы.

Я знаю, что эта мысль—автономія окраинъ—крайне у насъ непривычна и потому непопулярна, а предположеніе совсѣмъ бросить то, что стремится оторваться, покажется, можетъ быть, даже преступнымъ,—это сочтено будетъ за покушеніе противъ основнаго догмата нашей государственной конституціи—недѣлимости Россійской державы. Пусть будетъ такъ; безусловно увѣренный въ неприемлемости моей мысли, я все-таки утверждаю, что она была бы спасительной для насъ. Я тоже настаиваю на недѣлимости Россіи, но только Россіи, т.-е. территоріи, занятой русскимъ племенемъ. Мнѣ кажется, всякій народъ долженъ владѣть своимъ и не трогать чужого. Лишь при этомъ условіи и достижимо желанное братство народовъ. Сравните наши милыя отношенія съ далекими испанцами, съ нашими свверными отношеніями, напримѣръ, къ австрійцамъ. Такъ какъ завѣдомо извѣстно, что ни мы ничего не ищемъ въ Испаніи, ни она у насъ, то при крайне рѣдкихъ встрѣчахъ возможно радушіе и общечеловѣческое гостепрѣимство, возможны безкорыстныя позаимствованія или честный обмѣнъ услугъ. Но достаточно того, чтобы у Австріи явилась мечта овладѣть Малороссіей или страхъ, что мы отнимемъ у нея Галицію, какъ обѣ націи начинаютъ считать себя врагами¹⁾.

Статья, изъ которой я взялъ эту цитату и въ которой

1) „Нов. Время“, № 13073, отъ 4-го августа 1912 г.

большая истина насквозь пропитана гноемъ струпельвъ, покрывающихъ злобную душу Іудушки, чрезвычайно встревожила А. Б. Петрищева. Онъ не только всерьезъ повѣрилъ болтовнѣ Меньшикова (ибо въ концѣ-концовъ это, разумѣется, только болтовня), но и очень своеобразно ее расшифровалъ. Оказывается, что, становясь на сторону національной автономіи, г. Меньшиковъ „примѣняетъ къ національному вопросу уже испытанный принципъ землеустроительной политики: народы, населяющіе Россійскую имперію, пусть укрѣпляютъ за собою свои полосы въ „единоличную собственность“. Укрѣпляя, они неминуемо вступятъ во взаимныя пререканія. А такъ какъ при этомъ столь же неминуемы пререканія съ имперскимъ начальствомъ, долженъ разогрѣться пока вообще довольно слабый украинный сепаратизмъ. Это задѣнетъ государственную народность и начнется у насъ превосходная національная склыка,—ничуть не хуже, чѣмъ въ Австріи... Какія отсюда проистекутъ послѣдствія? Первое, важнѣйшее и, навѣрное, неминуемое: національный раздоръ заслонитъ проклятые социальныя вопросы. Быть-можетъ, мужикъ и не совѣмъ забудетъ о земелькѣ и о всемъ прочемъ, что у него теперь въ головѣ. Но если явится обида противъ поляка, досада на финна, раздраженіе противъ армянина, то мало ли о чемъ, кромѣ земельки, придется думать. Второе послѣдствіе, довольно вѣроятное: при этой диспозиціи могутъ случиться „полныя отпаденія“. Но спокойно смотрѣть на отпаденіе никто не станетъ. Навѣрное, будутъ и волненія, и раздраженія; безъ сомнѣнія, понадобится умирять отпадающихъ силою оружія,—это опять полезно въ смыслѣ уклоненія отъ социальныхъ вопросовъ“¹⁾).

Такія мысли и намѣренія скрываются, — полагаетъ г. Петрищевъ,—за приведенными выше словами Меньшикова, и обозрѣватель „Русск. Бог.“ предостерегаетъ: „Зажечь костры не долго. Но сумѣетъ ли г. Меньшиковъ затушить ихъ? Съ увѣренностью можно отвѣтить: нѣтъ, не сумѣетъ“.

Можемъ успокоить г. Петрищева: владѣемый перомъ г. Меньшиковъ просто-на-просто лжетъ на предметъ полученія гонорара и никакого макіавелизма въ его лицемѣрной болтовнѣ нѣтъ и слѣда. Это я покажу ниже съ полною и непререкаемою наглядностью; а сейчасъ отмѣчу

*) „Русск. Бог.“, № 8, 1912 г., стр. 84—85.

очень любопытное обстоятельство: въ то время, какъ г. Петрищевъ усмотрѣлъ въ статьѣ г. Меньшикова провокацію и убоился національнаго сепаратизма, другой талантливый журналистъ, г. Т. Ардовъ, горячо привѣтствовалъ тотъ логическій путь, который привелъ наконецъ г. Меньшикова къ истинѣ.

«Приблизительно годъ тому назадъ,—пишетъ г. Ардовъ,—въ одной изъ своихъ статей я доказывалъ, что у Россіи есть только одинъ путь къ процвѣтанію и могуществу, и путь этотъ—децентрализація, федеративный имперализмъ, установленіе культурно-національных автономій для всѣхъ крупныхъ народностей, втянутыхъ въ колесо русской государственной машины.

За эту статью (къ слову сказать, перепечатанную множествомъ инородческихъ газетъ и переведенную на всѣ славянскіе языки) на меня напали правыя газеты и вмѣстѣ съ ними «Новое Время», гдѣ тогда г. Меньшиковъ развивалъ свою «идеологію націонализма».

Я зналъ тогда, что пройдетъ годъ—и тотъ же г. Меньшиковъ заговоритъ о децентрализаціи и скажетъ то же самое, что сказалъ я. Я зналъ это потому, что, вѣдь, и я, подходя къ этому вопросу, началъ когда-то съ тѣхъ же самыхъ умозаключеній, съ положенія о томъ, что великорусскій народъ въ нашей государственной системѣ есть первенствующая, творческая національность, интересы которой должны быть непремѣнно защищены,—иначе погибнетъ государство,—и основныя черты которой должны быть сохранены во что бы то ни стало.

Я началъ такъ, а затѣмъ уже сама логика съ своей желѣзной неизбежностью привела меня не къ воинствующему націонализму, а къ моему... «измѣнническому образу мыслей»; потому что ни къ чему другому она привести и не могла. И когда я увидѣлъ, что г. Меньшиковъ вступилъ на тотъ же путь, я не сомнѣвался болѣе, что, пожалуй, г. Меньшикова скоро назовутъ измѣнникомъ, крамольникомъ, «кадетомъ».

«Wer sagt «a» — muss auch «b» sagen». — Меньшиковъ сказалъ «а», и непрекаемый и обязательный голосъ логики долженъ былъ подсказать ему неизбежное «б». И, слѣдя за цѣпью его умозаключеній, я удивился только—отчего такъ долго?»¹⁾

Къ сожалѣнію, мы должны разочаровать г. Ардова и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшить г. Петрищева. Въ то самое время, какъ г. Ардовъ выражалъ свое удивленіе, отчего такъ долго не вступалъ г. Меньшиковъ на путь истины, а г. Петрищевъ разоблачалъ его злостную провокацію, новременскій публицистъ былъ уже за тысячи верстъ отъ прежняго пути и съ остервенѣніемъ писалъ:

«Если бы мы начали войну съ Австріей изъ-за Новаго Базара, изъ-за Албаніи, изъ-за Македоніи, которыя никогда намъ не принадлежали, то это было бы очень похоже на кандидатуру Гогенцоллерна на испанскій престолъ,—и исторія въ правѣ была бы упрекнуть насъ въ легкомысліи. Если воевать съ Австріей, то намъ слѣдуетъ воевать за то, что нашему племени когда-то принадлежало,—именно за королевство Галицію... Славянскіе предатели—поляки и русскіе предатели—мазепинцы посягаютъ на наше національное единство.

¹⁾ „Одесск. Нов.“, № 8796, отъ 12-го августа 1912 г.

Они открыто ставят цѣлью готовящейся войны раздѣль Россіи. Пока еще есть время, пусть державный народъ русскій взглянется въ надвигающуюся грозу и приготовится къ ней» ¹⁾.

Вотъ вамъ и автономія, за которую такъ горячо стоялъ г. Головлевъ ровно пять дней назадъ!.. Отъ страшной „единоличной собственности“ покоренныхъ націй не осталось и слѣда...

А теперь я позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу приведенныхъ выше замѣчаній А. Б. Петрищева. Въ нихъ очень явственно слышатся ноты, которыя „Украинская Жизнь“ не въ правѣ обойти молчаніемъ.

Въ предыдущей книжкѣ мы подробно останавливались на статьѣ „Русскаго Слова“, которая рекомендовала полякамъ, украинцамъ, евреямъ и т. д. забыть о своихъ національных интересахъ при выборахъ въ Думу, а имѣть въ виду „всенациональное“,—хотя по меньшей мѣрѣ на три четверти это будетъ, конечно, всенациональная вермишель. И вотъ эта вермишель, въ глазахъ нѣкоторыхъ русскихъ публицистовъ все-же имѣетъ преимущество передъ самыми кардинальными вопросами національной жизни. Прежде „всенациональное“, а потомъ (лѣтъ этакъ черезъ пятьдесятъ?) можно подумать и о мѣстномъ, областномъ, національномъ.

Я, конечно, не стану утверждать, чтобы этотъ рецептъ былъ однороденъ съ пресловутой политической формулой: „прежде успокоеніе, а потомъ реформы“, но полагаю, что въ логическомъ построеніи ихъ имѣются элементы, не совсѣмъ чуждые другъ другу.

Г. Петрищевъ о „всенациональномъ“ не говоритъ, но онъ, повидимому, сильно опасается, что если мы станемъ удѣлять вниманіе національнымъ интересамъ, то это, пожалуй, можетъ нанести ущербъ „проклятымъ социальнымъ вопросамъ“. За этими опасеніями намъ послышался другой рецептъ: „прежде социальное, а потомъ ужъ національное“.

Мы не станемъ объяснять, что такой рецептъ можетъ быть предложенъ лишь національно-сытымъ человѣкомъ, который не испытывалъ и не испытываетъ остраго чувства „национальнаго голода“; но намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на крайнюю абстрактность всѣхъ подобныхъ рецептовъ,—ту абстрактность, которая лишаетъ ихъ вся-

¹⁾ „Нов. Время“, № 13078, отъ 9-го августа 1912 г.

кой жизненной силы. Вѣдь это только въ умѣ, въ процессѣ мышленія, мы можемъ разчленивать общественную жизнь, эту сложную, красочную, волнующуюся и кричащую силу, на отдѣльные моменты: социальный, политическій, національный и т. д. Только въ умѣ можемъ мы выдѣлить и изолировать каждый изъ этихъ моментовъ. Попытка провести такое отдѣленіе на практикѣ походила бы на попытку выдѣлить и удовлетворять одну изъ потребностей нашего тѣла, оставивъ въ сторонѣ всѣ остальные. Безъ глубокаго вреда для организма такое предпочтеніе не могло бы осуществляться, даже если бы мы вздумали игнорировать потребности второстепенныя.

Политическіе метафизики въ свое время много потратили драгоцѣнной энергіи на разрѣшеніе вопроса, что слѣдуетъ предпочесть: политику или экономику. Н. К. Михайловскій превосходно понималъ несостоятельность подобной постановки вопроса, когда писалъ въ „Политическихъ письмахъ социалиста“: „Бейте по обѣимъ головамъ кровожадной птицы!“..

То же и съ національнымъ моментомъ. Я вовсе не склоненъ ставить его, подобно г. Жаботинскому, „во главу угла“ и утверждать, что національныя потребности выше социальныхъ; но я полагаю, что никто не въ правѣ приносить ихъ въ жертву какому бы то ни было Молоху. Они охватываютъ собою огромную и въ высшей степени цѣнную часть того, что именуется человѣческой культурой и безъ чего жизнь наша была бы сѣрой и скучной, однообразной и бездушной, хотя, быть-можетъ, технически совершенной машиной. Я уже не говорю о томъ, что нѣтъ и не можетъ быть никакого противорѣчія между удовлетвореніемъ социальныхъ нуждъ съ одной стороны и процвѣтаніемъ родной литературы, равенствомъ родного языка, допущеніемъ его въ народныя школы и т. д.—съ другой. Это—явленія, находящіяся въ разныхъ плоскостяхъ.

Г. Петрищевъ указываетъ на Австрію какъ на поучительный для насъ примѣръ. Да, это очень поучительный примѣръ, но только какъ-разъ въ обратномъ смыслѣ. „Послѣднія десятилѣтія государственной жизни Австріи характеризуются возрожденіемъ населяющихъ ее національностей. Изъ національнаго и централистическаго нѣмецкаго государства Австрія превратилась въ децентрализованное

государство національностей, развивающихся подъ эгидой имперской конституции. Свою силу Австрія стала черпать не изъ одного національнаго источника, а изъ нѣсколькихъ: базисъ ея государственности сталъ шире и устойчивѣе... Австрійскіе политическіе круги за послѣднія сорокъ лѣтъ выучились если не всему, то многому, и прежде всего они научились не бояться культурно-національнаго возрожденія какой бы то ни было народности¹⁾. Вотъ что совершенно справедливо устанавливаетъ публицистъ, крайне осторожный въ своихъ мнѣніяхъ, и къ его замѣчаніямъ очень слѣдовало бы прислушаться.

Наша статья уже превысила отведенныя для нея рамки, а между тѣмъ мы еще не упомянули о такихъ интересныхъ работахъ, какъ статья В. Медема въ августовской и сентябрьской книжкахъ „Вѣстника Европы“ „Къ постановкѣ національнаго вопроса въ Россіи“ и начатый печатаніемъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ большой трудъ В. А. Мякотина „Очерки соціальной исторіи Малороссіи“. Этому труду одного изъ лучшихъ знатоковъ украинской исторіи будетъ въ свое время посвящена въ „Украинской Жизни“ особая статья; настоящія же замѣтки намъ приходится заключить старой и уже достаточно надобввшей нашимъ читателямъ темой — о выступленіяхъ противъ украинства московской газеты „Утро Россіи“.

Прежде на страницахъ этой газеты выступалъ „съ открытымъ забраломъ“ г. Кашкаровъ и беззапѣчливо сѣялъ клеветы и инсинуаціи по адресу нашего національнаго движенія. Теперь, послѣ разоблаченія нами г. Кашкарова, точно такія же инсинуаціи преподносятся читателямъ „Утра Россіи“ въ анонимныхъ статьяхъ. Цинизма какъ-будто меньше, ибо забрало, чье бы оно ни было, опущено, и, слѣдовательно, проявились нѣкоторые признаки стыда; но дѣло отъ этого, въ сущности, не измѣнилось нисколько: статьи такъ же недобросовѣстны въ полемическомъ смыслѣ и такъ же неэтичны въ политическомъ, какъ и раньше. Останавливаться на нихъ мы не будемъ: онѣ этого не стоятъ. Но мы считаемъ небезполезнымъ установить слѣдующее обстоятельство: въ № 7—8 „Украинской Жизни“ въ статьяхъ С. А. Ефремова и автора настоящихъ замѣтокъ былъ предъявленъ вполнѣ опредѣленный факти-

¹⁾ „Рѣчь“ № 17, отъ 18-го января 1912 г., статья М. А. Славинскаго.

ческій матеріалъ, избличающій „Утро Россіи“ и г. Кашкарова, какъ ея сотрудника и какъ редактора „Извѣстій общества славянской культуры“, въ неблаговидныхъ литературныхъ дѣянiяхъ. Этотъ матеріалъ до сихъ поръ остается непровергнутымъ и даже незатронутымъ въ упомянутыхъ анонимныхъ статьяхъ. Фактъ, который говоритъ самъ за себя.

О. Хоменко.

Украинскій отдѣлъ на выставкѣ произведеній печати.

(Впечатлѣнія).

Главное управленіе по дѣламъ печати не первый годъ устраиваетъ выставки печатныхъ произведеній, появившихся за каждый предыдущій годъ. Устроило оно такую выставку и въ минувшее лѣто, на этотъ разъ въ Москвѣ, экспонировавъ на ней произведенія печати, вышедшія въ предѣлахъ Россіи въ 1911 году.

Русская пресса сравнительно мало реагировала на это безусловно заслуживающее вниманія явленіе культурной жизни страны. Мало интереса проявило къ выставкѣ и общество. По крайней мѣрѣ распорядители выставки жалуются на малую посѣщаемость ея. Эти жалобы находятъ подтвержденіе и въ личныхъ впечатлѣніяхъ автора этихъ строкъ: двукратное посѣщеніе и пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ пустующихъ громаднхъ залахъ выставки приводило къ тѣмъ же выводамъ объ отсутствіи у русскаго общества интереса къ духовной жизни страны, поскольку таковая находитъ свое выраженіе въ произведеніяхъ печатнаго слова. Это, конечно, очень плохо. Выставка даетъ много цѣннаго матеріала для характеристики современнаго состоянія разноплеменнаго населенія Россіи въ смыслѣ его духовныхъ запросовъ, интересовъ, уровня просвѣщенія, культурныхъ устремленій, вообще всего, чѣмъ духовно „люди живы“. Правда, въ организациі выставки имѣются кое-какіе дефекты, недосмотръ, влекущій, на примѣръ, смѣшеніе разнородныхъ по своему содержанію матеріаловъ въ одномъ отдѣлѣ, но въ общемъ и цѣломъ устроена она умѣло; ориентироваться въ ней легко; нетрудно найти необходимыя справки и свѣдѣнія по каждому интересующему вопросу. Масса діаграммъ, справочныхъ и статистическихъ таблицъ

еще болѣе облегчаютъ изученіе выставочнаго матеріала, помогая оформленію впечатлѣній и закрѣпленію въ памяти суммированныхъ фактовъ и цифровыхъ подсчетовъ. Повторяемъ: выставка произведеній печати очень интересна и очень поучительна.

Поучительна она и для насъ, украинцевъ. И вотъ почему. Мы на этой выставкѣ представлены такъ слабо, наша литературная производительность въ минувшемъ году выглядитъ такъ убого въ количественномъ отношеніи, мѣсто, занимаемое на выставкѣ украинскими изданіями, настолько незначительно, а чисто внѣшнее изученіе этого матеріала по группамъ и категоріямъ—въ зависимости отъ содержанія—приводитъ къ такимъ горькимъ результатамъ, что невольно есть надъ чѣмъ задуматься и есть изъ чего извлечь нѣкоторые поучительные уроки.

Прежде всего нѣсколько цифровыхъ иллюстрацій.

Въ минувшемъ 1911 году на украинскомъ языкѣ (главное управленіе по дѣламъ печати въ своихъ справочныхъ изданіяхъ и руководителяхъ по выставкѣ именуется большею частью нашъ языкъ нарѣчіемъ. Это простиительно: вѣдь „управленіе“ не академія наукъ!) вышло всего 242 книги. Это значить, что мы занимаемъ по числу изданныхъ книгъ десятое мѣсто среди народовъ, населяющихъ Россію. Для 25 милліоновъ украинцевъ, живущихъ въ Россіи, какъ-будто мало! Впереди насъ идутъ: русскіе—25,526 книгъ, поляки—1,664, нѣмцы—920, латыши 608, эстонцы—519, евреи—965 (изъ нихъ на современномъ языкѣ 590 и на дрѣвне-еврейскомъ 375), татары—372, армяне—266; далѣе слѣдуемъ мы, за нами идутъ грузины (169), литовцы (79), чувашаи (22), сарты (35), киргизы (35) и др.

Мѣстомъ изданія украинскихъ книгъ были: Варшава (1 назв.), Вильна (3), Екатеринославъ (5), Житомиръ (1), Каменецъ-Подольскъ (8), Кіевъ (157), Константинополь (3), Лозовая (1), Москва (8), Одесса (5), Полтава (4), С.-Петербургъ (40), Симферополь (1), Тифлисъ (1), Харьковъ (4). Изъ этого распредѣленія изданныхъ на украинскомъ языкѣ книгъ видно, что только въ одномъ Кіевѣ, какъ идейномъ центрѣ украинства, сравнительно живо бьется пульсъ украинскаго издательскаго дѣла и что, наоборотъ, остальные центры украинской жизни, какъ Одесса, Харьковъ, Екатеринославъ, Полтава, Каменецъ-По-

дольскъ, гдѣ, казалось бы, имѣется достаточно данныхъ для проявленія активной инициативы въ дѣлѣ изданія украинскихъ книгъ, значительно уступаютъ въ этомъ отношеніи далекому отъ Украины С.-Петербургу, выпустившему 40 книгъ, тогда какъ число книгъ, изданныхъ въ поименованныхъ выше городахъ, не превышало 8, колеблясь обычно между 4—5. Изъ этого же распредѣленія видно, что цѣлый рядъ украинскихъ городовъ съ подавляющимъ или значительнымъ % украинскаго населенія въ нихъ стоялъ въ минувшемъ году совершенно въ сторонѣ отъ національнаго издательскаго дѣла и абсолютно ничѣмъ себя въ этомъ отношеніи не заявилъ. Къ такимъ городамъ слѣдуетъ отнести: Херсонъ, Николаевъ, Екатеринодаръ, Умань, Черкассы, Мелитополь, Новочеркасскъ, Винница, Лубны. Вспоминаю эти города потому, что газетныя свѣдѣнія о различныхъ фактахъ и проявленіяхъ національной жизни въ нихъ давали и нѣкоторое основаніе для предположеній о возможности здѣсь издательскихъ начинаній. Между тѣмъ прошедшій годъ отмѣченъ для нихъ въ этомъ отношеніи молчаніемъ и неподвижностью. Слабое, слишкомъ слабое издательское движеніе далъ и такой еще недавно дѣятельный въ украинскомъ отношеніи городъ, какъ Одесса, съ его „Просвітою“,—правда, прижатой и сведенной къ небытію Толмачевымъ,—съ пребываніемъ въ немъ значительнаго числа украинскихъ дѣятелей,—а между ними и литературныхъ,—въ смыслѣ литературной продукціи ничѣмъ себя въ минувшемъ году не проявившихъ. Гдѣ они и что съ ними? Этотъ же вопросъ обращаешь и къ Харькову, Полтавѣ, Екатеринославу и не находишь отвѣта, который выяснилъ бы это молчаніе или оправдалъ его.

242 книги, изданныхъ на украинскомъ языкѣ въ 1911 г., числомъ своимъ мало удовлетворяютъ, въ особенности когда имѣешь въ виду, что онѣ должны были отвѣчать назрѣвшей потребности въ родной книгѣ такого многомилліоннаго народа, какъ украинцы. Не удовлетворяетъ эта цифра и если сравнить ее съ соответствующими цифрами, иллюстрирующими издательскую дѣятельность латышей, эстонцевъ, евреевъ, татаръ, армянъ, не говоря уже о полякахъ. Это сопоставленіе цифръ вызываетъ острое чувство горечи.

Уколы національнаго самолюбія, смѣшанные съ вполнѣ

естественнымъ чувствомъ хорошей, благородной зависти по отношенію къ другимъ недержавнымъ народностямъ, болѣе насъ, украинцевъ, преуспѣвающихъ въ дѣлѣ развитія печатнаго слова, даютъ себя знать и болѣзненно переживаютъ, когда осматриваешь „инородческій“ отдѣлъ выставки и чисто внѣшне знакомишься съ мѣстомъ, занимаемымъ каждымъ подѣотдѣломъ въ частности.

Вотъ, напримѣръ, отдѣлъ польскихъ изданій. Ими заполнена большая комната въ три окна: книги на полкахъ у высокихъ стѣнъ во всю почти длину послѣднихъ, книги на подоконникахъ, книги и газеты на столахъ, ими же заполнены высокіе, длинные экраны, установленные по діагонали комнаты. Среди книгъ и изданій—всякія, начиная съ научныхъ по различнымъ отраслямъ знанія и кончая клерикальными листками, молитвенниками и типичными образцами бульварныхъ изданій, рассчитанныхъ „на широкую улицу“. Масса справочныхъ изданій, различныхъ „путеводителей“, календарей, свидѣтельствующихъ о потребности ихъ въ обиходѣ національно осознавшего себя общества, глубоко свыкшагося со своимъ литературнымъ словомъ, которое въ свою очередь проникло во всѣ поры жизни и обслуживаетъ самые обыденные и самые разнообразныя интересы всѣхъ общественныхъ круговъ. Намъ до этого еще далеко: въ созданіи подобнаго рода изданій у насъ почти ничего не сдѣлано! Распредѣленіе польскихъ книгъ по содержанію и поверхностный учетъ ихъ въ этомъ направленіи свидѣлствуютъ о дифференціаціи общества, о наличности среди него различныхъ группировокъ и идейныхъ теченій, что въ свою очередь является показателемъ сравнительно высокаго развитія. Среди польскихъ книгъ есть и трактующія украинскія темы, главнымъ образомъ по исторіи. Обращаютъ между прочимъ, на себя вниманіе „Pisma“ Alex. Sablonskiego, въ трехъ томахъ, посвященныя Украинѣ.

Впечатлѣніе наладившагося и сформировавшагося роста національнаго движенія производитъ и отдѣлъ изданій на латышскомъ языкѣ. Я мало знаю объ этомъ движеніи. Да думаю, что и многіе лишь „черезъ пятое-въ-десятое“ знаютъ, что дѣлается среди этого, упорнаго въ своихъ стремленіяхъ, не знающаго устали въ сознаніи національной отпорной силы и такого далекаго отъ насъ въ племенномъ отношеніи народа. Русская

пресса, вообще мало интересовавшаяся до сихъ поръ національнымъ вопросомъ и той созидательной работой, которая свершается въ лонѣ недержавныхъ народностей Россіи, мало знакомить насъ съ успѣхами въ движеніяхъ послѣднихъ. Это явленіе, къ сожалѣнію, имѣетъ мѣсто и въ украинской прессѣ, часто жалуемой на замалчиваніе русской прессой фактовъ и вопросовъ украинскаго движенія, но въ то же время съ своей стороны мало отмѣчающей и освѣщающей таковое у тѣхъ, кто находится съ нами въ одинаковыхъ условіяхъ, кого мы такъ плохо знаемъ, но кто скорѣе другихъ и пойметъ насъ, и поможетъ намъ. И, смотря на длинную стѣну, сплошь заставленную изданіями на латышскомъ языкѣ, среди которыхъ имѣется много книгъ солидныхъ по объему и внѣшне красиво изданныхъ, съ горечью вспомнилъ родную прессу и журналистику, ставя въ укоръ руководителямъ ея слабое вниманіе съ ихъ стороны къ информаціямъ изъ жизни одинаково съ нами пережившихъ длинное лихолѣтіе національнаго упадка, но теперь энергичнѣе и продуктивнѣе насъ работающихъ надъ дѣломъ національнаго возрожденія.

Я знаю, что чувство активной солидарности—классовой ли, національной—появляется тогда, когда имѣются въ личности одинаковыя условія жизни, дѣятельности, положенія или борьбы. Но вѣдь это чувство дѣлается болѣе мощнымъ и углубляется, когда есть взаимное знаніе, пониманіе, предполагающее широкую и непрерывающуюся работу информации созвучныхъ явленій.. Мнѣ неизвѣстно, какъ поставлена въ этомъ отношеніи інформаціонная работа, ну, хотя бы по отношенію къ намъ, украинцамъ, среди другихъ „инородцевъ“, но зато я знаю, что родная пресса эту задачу и, пожалуй, долгъ по отношенію къ послѣднимъ исполняетъ съ изъянами. Быть можетъ, если бы дѣло стояло иначе, мы выиграли бы: научились бы кое-чему у другихъ, переняли и пересадили бы на нашу почву и наши условія то, до чего мы не додумались, чего намъ недостаетъ для успѣха нашей національной работы?

Импонируетъ числомъ книгъ и эстонскій отдѣлъ. Съ любопытствомъ останавливаешься передъ витриной изданій на древне-еврейскомъ языкѣ. Глубокій интересъ возбуждаетъ отдѣлъ изданій на татарскомъ языкѣ: рядомъ съ книгами религіознаго содержанія, насквозь проникнутыхъ духомъ Корана, здѣсь имѣются и книги обще-

образовательныя, учебники и учебныя пособія, говорящіе о жадѣ просвѣтительнаго обновленія, охватившаго татарскую интеллигенцію.

—Въ этой же комнатѣ, гдѣ сосредоточены изданія на латышскомъ, эстонскомъ, татарскомъ, армянскомъ, еврейскомъ и грузинскомъ языкахъ, помѣщенъ и отдѣлъ украинскихъ изданій. Онъ невеликъ: занимаетъ мѣсто у крайняго окна комнаты, вдоль стѣны, размѣромъ приблизительно $3\frac{3}{4} \times 3\frac{1}{2}$ аршина, на подоконникѣ и частью экранѣ, гдѣ прикрѣплены рядомъ съ другими „инородческими“ газетами и украинскія. Вотъ на этомъ небольшомъ пространствѣ и размѣщена вся наша книжная продукция минувшаго года, внѣшнее обозрѣніе которой такъ мало импонируетъ, заставляя обозрѣвателя-украинца какъ бы съежиться и войти въ глубь себя. Нѣтъ среди нашихъ изданій такого разнообразія въ отношеніи содержанія, какое бросается въ глаза при осмотрѣ польскихъ книгъ и какое могло бы иллюстрировать полноту и многогранность національной жизни. Преобладаютъ въ украинскихъ изданіяхъ произведенія беллетристическія, популярныя и лишь въ слабой степени представлены критико-литературныя, публицистическія и научныя. Среди послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе солидные выпуски „Записокъ Українського Наукового Товариства у Київі“, „Збірникъ Природничо-Технічної секції“ этого общества и отмѣнно прекрасная книга проф. Грушевскаго „Історія України-Руси“; рядомъ съ нею „Історія Українського письменства“ С. Ефремова и тутъ же „Напитки и страви на Україні“ З. Кліновецкой,—первая, если не ошибаюсь, „ласточка“ кулинарнаго искусства на украинскомъ языкѣ. Большихъ по объему книгъ въ украинскомъ отдѣлѣ мало: кромѣ поименованныхъ выше, можно отмѣтить: „Історію України“ Аркаса, произведенія В. Винниченка, Леси Украинки, Олеса. Хороша по внѣшнему виду серія книгъ, выпущенныхъ издательствомъ „Часъ“. Сиротливо лежатъ на подоконникѣ, рядомъ съ небольшимъ количествомъ книгъ критико-политическаго содержанія „Пісні настрою“ Я. Степового и музыкальныя композиціи Стеценка,—всего что-то около полтора десятка. Эта незначительность музыкальной продукціи украинцевъ мало гармонируетъ съ общимъ представленіемъ о нихъ какъ о музыкальномъ народѣ *par excellence*. Имѣются въ украинскомъ отдѣлѣ и нѣсколько лубочныхъ

изданій,—тоже около полутора десятка,—по содержанию нелѣпыя и глупыя, по внѣшнему виду—аляповатыя, съ безвкусными, яркаго цвѣта обложками. Конечно, на обложкахъ неизмѣнные длинноусый казакъ и „дівчина“. И если въ содержаніи такой лубочной книжки даже нѣтъ разговора „про коханья“, на обложкѣ все равно длинноусый казакъ будетъ обнимать „дівчину“: таково ужъ представленіе объ украинцахъ московскаго товарищества Сытина, являющагося главнымъ поставщикомъ на нашемъ книжномъ рынкѣ лубочной макулатуры. И во всѣхъ этихъ выставленныхъ въ нашемъ отдѣлѣ „Торбынахъ сміху та мішкахъ реготу“ или „Сытянахъ чорнобривыхъ“ правописание—цѣлая загадка для филолога: „кулішивка“ вперемежку съ русскимъ „ерыжнымъ“. Общее впечатлѣніе отъ обозрѣнія этихъ изданій—мерзкое и возмущающее.

Попадается украинскій матеріалъ и въ другихъ отдѣлахъ выставки. Въ отдѣлѣ журналовъ помѣщены: „Л.-Н. Вістник“, „Українська Хата“. Въ отдѣлѣ газетъ, издающихся въ Юго-западномъ краѣ—„Рілля“, „Рада“, „Рідній Край и, наконецъ, sui generis incum „Світова Зірниця“, въ которой только и есть украинскаго, что языкъ. Предназначенная для народа и редактируемая популярно,—это ея достоинство,—„Світова Зірниця“ слишкомъ далека отъ народныхъ массъ по своему направленію и программѣ. Зато она послѣдовательно и упорно ведетъ свою линію: читателю ея, пусть даже долготѣнному, редакція ни за что не сообщитъ, что дѣлается въ родномъ краѣ, какія національныя чаянія пробуждаются и крѣпнутъ въ немъ; ничего этого для „Світової Зірниці“ не существуетъ, она совершенно глуха къ голосамъ национальной жизни и считаетъ излишнимъ создавать воспримчивость и родственныя отклики къ послѣднимъ среди читателей.

Среди научныхъ изданій, какъ, на примѣръ, „Записки“ университетовъ, академіи наукъ и всякаго рода „трудовъ“ научныхъ обществъ съ честью занимаютъ свое мѣсто и упоминавшіяся выше „Записки“ Украинскаго Научнаго Общества: по своему содержанию и научности онѣ не уступаютъ любому академическому или университетскому изданію.

Въ комнатѣ, гдѣ сосредоточены иллюстраціи, альбомы и всякія другія художественныя изданія, цѣльное впечатлѣ-

ніе своею художественностью, серьезной выдержанностью и изяществомъ, соединенными съ богатствомъ внѣшней простоты, производятъ художественныя репродукціи произведеній Шевченка, изданныя с.-петербургскимъ обществомъ вспомошествованія учащимся Юга Россіи. Въ этой же комнатѣ, среди открытокъ для писемъ съ портретами русскихъ писателей, имѣется и четыре открытки съ портретами: М. Драгоманова, М. Грушевскаго, Олеся и М. Коцюбинскаго.

Но все это надо отыскивать, стараться не пропустить, ибо все это—островки, которые теряются не только среди книжнаго моря на русскомъ языкѣ, но и среди книгъ и экспонатовъ на „инородческихъ“ языкахъ.

Я нѣсколько разъ послѣ обозрѣнія отдѣловъ выставки все возвращался къ родному отдѣлу, снова и снова перебиралъ выставленныя въ немъ книги и, суммируя впечатлѣнія, сравнивая наше книжное „богатство“ съ таковымъ же у другихъ, думалъ:

„Какъ намъ много-много еще нужно работать, чтобы занять мѣсто, которое отвѣчало бы и численности нашего многомилліоннаго народа и положенію его, занимаемому въ семьѣ народовъ, населяющихъ Россію, да, быть можетъ, и тѣмъ не выявленнымъ богатымъ силамъ, какія таятся въ немъ! Сколько „пустыхъ мѣстъ“, непочатаго, нетронутаго! Сколько надо потратить усилий и напряженій, чтобы вызвать, хотя бы въ области книгоиздательства, къ жизни, къ творчеству и организациі новыя силы украинскаго общества, дремлющія еще и разрозненныя, и чтобы дѣятельность этихъ вновь сорганизованныхъ силъ прорыла новымъ плугомъ безграничное поле національной работы“.

Обозрѣніе украинскаго книжнаго матеріала, сопоставленіе его съ таковымъ же, другихъ „инородцевъ“, опредѣляя наше мѣсто среди народовъ Россіи въ смыслѣ книжной производительности и интенсивности національнаго возрожденія, вызываетъ не только сложное чувство неудовлетворенности въ указанномъ смыслѣ, но и поучаетъ, за что именно надо взяться, на что надо обратить вниманіе, чтобы наша жизнь національная сдѣлалась болѣе полной, а одинъ изъ ея составныхъ элементовъ—книжная производительность—болѣе разнообразной.

Въ рамки моихъ замѣтокъ не входитъ перечисленіе

„пустыхъ мѣсть“ украинскаго книгоиздательства и указаніе на то, что намъ въ этомъ направленіи надо умножить, выполнить, а за что приняты только впервые. Думается, напримѣръ, что и безъ этихъ указаній всякому, мало-мальски ознакомленному съ характеромъ нашего книжнаго издательства, бросается въ глаза почти полное отсутствіе въ немъ книгъ юридическаго содержанія, и это, несмотря на то, что потребность въ нихъ большая, что онѣ нужны не знающему своихъ правъ народу и что, казалось бы, среди украинцевъ есть немало и профессоровъ-юристовъ, и адвокатовъ, которые какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи могли бы, при желаніи и энергіи, пойти навстрѣчу этой потребности. Но наши юристы до сихъ поръ никакъ не могутъ „раскачаться“.

Если ревизіи, пересмотра и принятія нужныхъ мѣръ требуетъ состояніе нашего книжнаго дѣла, то еще въ большей степени этого же требуетъ и современное состояніе украинской прессы и журналистики. По многимъ причинамъ и во многихъ отношеніяхъ оно далеко не удовлетворительно. Просматривая на выставкѣ содержаніе украинскихъ періодическихъ изданій, невольно чувствуешь отсутствіе въ нихъ біенія подлинной жизни, какую-то механическую слѣпку въ составленіи отдѣльныхъ №№ и потребность умѣлаго руководства, которое вдвойнѣ отвѣтственно въ условіяхъ, переживаемыхъ украинскимъ обществомъ. Это вопросъ большой важности, отъ разрѣшенія котораго зависитъ до извѣстной степени дальнѣйшая интенсификація національнаго возрожденія Украины. Надъ нимъ слѣдуетъ подумать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

С. Петлюра.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяць.

Смерть Ѳ. Соловія. При томъ «раздѣльномъ жительство», въ какомъ пребываютъ зарубежная и російская Украина, имена и заслуги нѣкоторыхъ дѣятелей украинскаго возрожденія остаются почти неизвѣстными широкимъ общественнымъ кругамъ. Къ числу такихъ, мало извѣстныхъ російскимъ украинцамъ именъ, принадлежитъ и имя умершаго 31-го августа (н. ст.) во Львовѣ Ѳаддея Соловія.

Юристъ по образованію, покойный, родившійся въ 1857 году, былъ выдающимся адвокатомъ въ Галиціи. Его, блестящаго оратора, широко образованнаго человѣка, не привлекалъ, однако, шумъ повседневной политической борьбы, и активнаго участія въ политикѣ покойный Соловій не принималъ. Несмотря на свое польское воспитаніе и дома, и въ школѣ, покойный инстинктивно тяготѣлъ къ украинскому національному возрожденію, за что ему пришлось перенести немало преслѣдованій отъ поляковъ.

Сознательнымъ украинцамъ Соловій сталъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, и, разумѣется, нужно было многое побороть въ себѣ, многое вырвать изъ своего сердца съ корнемъ, чтобы совершить такую эволюцію во взглядахъ.

Соловій стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Шептицкимъ и Т. Войнаровскимъ, и эти отношенія дали толчокъ многимъ культурнымъ начинаніямъ. Широкое участіе принималъ покойный въ мѣстныхъ экономическихъ и финансовыхъ организаціяхъ, кромѣ личной энергичной работы, крупными пожертвованіями, состоялъ онъ также членомъ «Просвіти», членомъ исполнительнаго комитета «Земельнаго Банку Гипотечнаго»; Национальный музей считалъ его въ числѣ своихъ хранителей; украинское искусство также находило въ немъ щедрого покровителя. Дѣятельность Соловія въ качествѣ синдика «Краэвого Банку» была въ значительной мѣрѣ направлена къ защитѣ экономическихъ интересовъ украинскаго крестьянства.

Въ лицѣ Соловія въ могилу сошелъ мужественный, энергичный и искренній человѣкъ, убѣжденно отдавшій все для родного народа.

М. И. Филипскій (†). 20-го августа жестокой и обидный случай оборвалъ жизнь Модеста Ивановича Филипскаго. Это былъ видный культурный дѣятель на Подоліи, глубокопреданный интересамъ родной Украины и немало потрудившійся на украинскомъ

поль. Въ Каменецъ-Подольскѣ онъ пользовался большою популярностью и уваженіемъ, какъ талантливый педагогъ и дѣятельный членъ и инициаторъ разнообразнѣйшихъ общественныхъ начинаній. Со времени основанія подольской «Просвѣти» М. И. Филиппскій принималъ въ ней горячее участіе,—между прочимъ въ качествѣ широко освѣдомленнаго и увлекательнаго лектора. Народникъ старыхъ традицій, онъ не понималъ жизни внѣ служенія, въ той или иной формѣ, интересамъ трудящихся. Чиновничья лямка, которую ему приходилось тянуть въ послѣдніе годы въ силу матеріальныхъ причинъ была только внѣшнимъ обстоятельствомъ въ его жизни. Каменчане готовились выдвинуть кандидатуру Ф—го въ Гос. Думу, но случайный выстрѣлъ на охотѣ уложилъ его въ могилу. Не только въ глухой провинціи, но и въ большихъ городскихъ центрахъ подобные люди—слишкомъ рѣдкое явленіе, для насъ же, украинцевъ, сугубо бѣдныхъ еще крупными интеллектуальными силами, утрата такого дѣятеля, какъ Ф—скій, особенно тяжела.

У родныхъ могилъ. Изъ хут. Мотроновки (Черниговщина), гдѣ похоронены П. А. и А. М. Кулиши, сообщаютъ въ «Радѣ» о состоявшейся на могилахъ этихъ украинскихъ ветерановъ панихидѣ. На панихиду собралось много народа. Были также и прїѣзжіе изъ Галичины, Полтавщины, Курска, Чернигова, Борзны, Прохоровъ и др. селъ. Попытка прїѣхавшаго изъ Галичины писателя М. Венгжина сказать рѣчь была предупреждена присутствовавшимъ здѣсь помощникомъ исправника, категорически воспретившимъ говорить. Мало того,—этотъ полицейскій чинъ воспретилъ хозяину дома на хуторѣ, гдѣ похоронены Кулиши, впускать къ себѣ старавшуюся укрыться отъ проливнаго дождя публику.

Могилы Кулишей приведены въ порядокъ борзенскимъ земствомъ. Опекуномъ надъ имуществомъ покойныхъ согласился быть предсѣдатель борзенской уѣздной управы г. Бѣлозерскій, обѣщавшій позаботиться объ охранѣ оставшихся послѣ нихъ рукописей и книгъ. Домикъ, въ которомъ предположено открыть музей имени Кулиша, принадлежитъ въ данное время г-жѣ Лукашъ, изъявившей согласіе на передачу этого домика въ общественную собственность.

Украинофобія. Въ іюньской книжкѣ нашего журнала сообщалось уже объ украинофобствѣ директора александрійской (Херсонщина) учительской семинаріи г. Левицкаго. О подвигахъ этого педагога встрѣчаемъ новыя данныя въ «Радѣ», № 183; такъ, напримѣръ, въ виду отсутствія въ семинаріи бібліотеки для учениковъ послѣдніе пользовались книгами изъ общественной бібліотеки, располагавшей между прочимъ и украинскими книгами. Дабы предотвратитъ вредное вліяніе этихъ книжекъ на своихъ воспитанниковъ, г. Левицкій вычеркнулъ изъ каталога бібліотеки всѣ украинскія книги, а также все то на рускомъ языкѣ, что, по его мнѣнію, можетъ вредить семинаристамъ, оставивъ, такимъ образомъ, изъ 4,000 названій не больше 100.

Въ той же газетѣ (№ 182) встрѣчаемъ сообщеніе изъ с. Луки (Полтавщина) о распоряженіи инспектора народныхъ училищъ не выдавать ученикамъ украинскихъ книжекъ изъ школьной бібліотечки.

Переяславское земство въ цѣляхъ популяризаціи экономическихъ свѣдѣній среди населенія пользуется, между прочимъ и украинской популярной агрономической литературой. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе корреспондента «Кіевлянина», который въ одномъ изъ нумеровъ этой газеты выражаетъ сожалѣніе «объ истраченныхъ земскихъ деньгахъ» на эту «макулатуру», такъ какъ даже «очень грамотные хохлы» отказываются читать эти книжки. Попутно корреспондентъ доноситъ, что переяславское земство вмѣстѣ съ агрономической литературой распространяетъ якобы и такія книжки, какъ изданная «Благотворительнымъ обществомъ изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ, брошюра «Права що до выборівъ»...

Въ газету «Сняп» (№ 33—34) сообщаютъ изъ г. Острогжска (Воронежской губ.), что завѣдующій мѣстной общественной бібліотекой г. Яковлевъ, отказался принять въ бібліотеку подаренныя украинскія книжки—сочиненія Коцюбинскаго, Грушевскаго, Винниченка и др., мотивируя свой отказъ тѣмъ, что книги эти будутъ угрожать безопасности бібліотеки. По той же причинѣ г. Яковлевъ отказался выставлять для чтенія посѣтителей бібліотеки газету «Рада».

Гаркунъ-Задунайскій и артистъ Брайнинъ. Бродячіе по всякимъ градамъ и весямъ Украины «руско-малорусскія» труппы, руководимыя невѣжественными и никакого отношенія къ искусству не имѣющими людьми, вдохновили когда-то талантливаго Винниченка, и онъ написалъ на нихъ ѣдкую сатиру. Въ своемъ сатирическо-юмористическомъ разсказѣ «Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій», г. Винниченко даетъ чрезвычайно выпуклую фигуру одного изъ многихъ антрепренеровъ такихъ бродячихъ труппъ, тѣхъ антрепренеровъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого и которые ни передъ чѣмъ не останавливаются въ своемъ стремленіи сорвать сборъ. Объ одномъ такомъ Гаркунъ-Задунайскомъ, нѣкоемъ Пронскомъ, сообщаютъ въ «Радѣ» (№ 190) изъ Звенигородки Кіевской губ. Этотъ господинъ, давая здѣсь въ лѣтнемъ театрѣ свои спектакли, оповѣстилъ, что ставится «гвоздь сезона, новинка украинскаго репертуара, пьеса недавно вышедшая изъ печати и только-что дозволенная къ постановкѣ на сценѣ, «На новий шляхъ», въ 3 діяхъ, Б. Гринченка». Приѣзжая изъ экономій и селъ, а также мѣстная звенигородская публика повалила въ театръ посмотреть новую пьесу, а что она увидѣла,—о томъ предоставимъ разсказать самому корреспонденту.

«Поднялся занавѣсъ. Начали играть. Прошелъ одинъ актъ, другой... Ничего общаго съ Гринченкомъ! Какіе-то дикіе выходки и поступки... Каждый диву давался и спрашивалъ: что же это такое? Не вѣрилъ своимъ ушамъ. Развѣ Гринченко могъ

написать такую чепуху? Могъ ли Гринченко, такъ любившій простой народъ, выражаться по адресу прислуги такими словами: «Эхъ, Матрена, ты Матрена, голопузая ворона!»

Поступки всякихъ Пронскихъ, Дукельскихъ, Ванченко и др. «Гаркуновъ-Задунайскихъ» должны вызывать со стороны культурнаго украинства не столько возмущеніе, сколько чувство брезгливости и сожалѣнія къ этимъ господамъ. Сознательное украинское общество понимаетъ, что дѣйствія Гаркуновъ обусловлены невѣжествомъ ихъ, что это результатъ той російской псевдокультуры, которая даетъ нашему обществу столько нравственныхъ уродовъ. Но какъ назвать, къ какому разряду причислить такого же рода дѣйствія людей, носящихъ въ себѣ признаки дѣйствительной просвѣщенности, людей, имѣющихъ опредѣленный цензъ, дипломъ культурности? Мы говоримъ здѣсь объ артистѣ кievской оперы А. Л. Брайнинѣ. Этотъ талантливый оперный пѣвецъ далъ истекшимъ лѣтомъ рядъ стильныхъ концертовъ въ дачныхъ мѣстностяхъ Кіева. Состоялся такой стильный концертъ украинской пѣсни и въ дачномъ поселкѣ Дарница. Вотъ что пишутъ въ «Раду» (№ 180) объ этомъ концертѣ, оставившемъ впечатлѣніе у корреспондента, какъ онъ выражается, «надзвычайно погане»:

«Неизвѣстно, какими образцами пользовался г. Брайнинъ, создавая свой украинскій «стиль»; но съ увѣренностью можно сказать, что ничего подобнаго (сравни поступокъ г. Пронскаго) въ нашемъ народномъ творествѣ нѣтъ. Свои пѣсни украинцы поютъ на украинскомъ языкѣ, а не на томъ полумосковскомъ жаргонѣ, на которомъ поетъ ихъ артистъ». «Не относясь серьезно и съ уваженіемъ къ національному богатству украинскаго пѣсеннаго творчества,—говоритъ далѣе корреспондентъ,—г. Брайнинъ исполненіемъ такой пѣсни, какъ «Ой, джигуне, джигуне ... стремился подчеркивать такія мѣста въ ней, какъ «а хто любить дівки, а я молодички» въ угоду «мѣщанамъ» нашего мѣстечка». (сравни «голопузую Матрену»).

Такъ г. Брайнинъ, представитель уже истиннаго артистическаго міра, благодаря своему легкомысленному отношенію къ тому дѣлу, за которое взялся, очутился въ компаніи всякихъ ашантиевъ—Гаркуновъ-Задунайскихъ... А вѣдь, при иныхъ условіяхъ, при болѣе вдумчивомъ отношеніи къ украинскому искусству, украинское образованное общество могло бы быть только благодарно г. Брайнину за популяризацию этого искусства среди денаціонализованной публики.

Украинскій книжный магазинъ въ Петербургѣ. Съ начала сентября открылся украинскій книжный магазинъ въ Петербургѣ. Въ магазинѣ можно получить всѣ украинскія книги, открытки, портреты и кустарныя издѣлія. Задача его обслуживать довольно многочисленную петербургскую украинскую колонию.—Это—первый магазинъ, открывающійся внѣ предѣловъ Украины. Задача мѣстной колоніи, равно какъ и украинцевъ, разбросанныхъ въ Россіи,—поддержать это національное предпріятіе на чужбинѣ и

поставить твердо то, что имѣется въ Петербургѣ у другихъ націй. Упроченіе существованія украинскаго книжнаго магазина внѣ предѣловъ Украины до извѣстной степени будетъ служить показателемъ культурнаго уровня украинцевъ. Адресъ магазина: Спб.,- Вас.-островъ, 3 л., 24.

Выставка картинъ художника М. Ивасюка. Во Львовѣ, въ залѣ «Народнаго дома», открылась выставка картинъ украинскаго художника М. Ивасюка, окончившаго академію художествъ въ Мюнхенѣ. Среди картинъ талантливаго художника выдѣляются: «Весна», «Заходъ солнца» и особенно «Вѣздъ Богдана Хмѣльницкаго въ Кіевѣ». Львовская пресса даетъ самые лестные отзывы о работахъ Ивасюка, воспроизведя при этомъ снимки съ указанныхъ оригиналовъ, свидѣтельствующихъ, несомнѣнно, о большомъ дарованіи украинскаго художника.

Музыкально-этнографическая экспедиція на Украинѣ. Весною текущаго года музыкальная коммисія при московскомъ обществѣ любителей естествознанія, антропологии и этнографіи организовала на средства академіи наукъ музыкально-этнографическую экспедицію на территоріи Украины въ цѣляхъ ознакомленія съ народнымъ музыкальнымъ творчествомъ. Участвовали въ этой экспедиціи А. Л. Масловъ, Б. В. Подгорецкій и Н. А. Янчукъ.

Начиная съ іюля, экспедиція принялась за осуществленіе намѣченныхъ цѣлей. Райономъ ея работъ служила Полтавская губернія, преимущественно три ея уѣзда,—Гадячскій, Лохвицкій и Лубенскій,—хотя бывали случаи (встрѣчи на ярмаркахъ съ черниговцами), когда экспедиція могла воспользоваться матеріаломъ, занесеннымъ изъ Черниговской губ.

Несмотря на относительно небольшой районъ своихъ работъ и на нѣкоторыя несовершенства и неудобства, связанные съ фонографическими записями, экспедиція въ началѣ августа возвратилась въ Москву съ крайне любопытнымъ и цѣннымъ матеріаломъ, разработка котораго должна дать основаніе для интересныхъ не только въ узко-спеціальномъ, музыкальномъ, но и въ національномъ отношеніи, выводовъ и сопоставленій.

Коммисією было сдѣлано до 350 записей посредствомъ фонографа. Главное вниманіе участники экспедиціи обращали на старыя украинскія мелодіи и сохранившіяся еще среди народа обрядовыя пѣсни. И здѣсь экспедиція натолкнулась на цѣлый рядъ любопытныхъ фактовъ. Оказалось, что не только въ тихихъ уголкахъ и «заводяхъ» народной жизни сохранилось много старинныхъ пѣсенъ и обрядовъ, но даже въ пригородахъ, казалось бы, болѣе другихъ мѣстъ подверженныхъ вліянію руссификаціи, можно было найти «веснянки, петривки», и т. п. Были записаны хоровыя пѣсни; по словамъ одного изъ участниковъ экспедиціи, г. Маслова, въ этихъ пѣсняхъ можно констатировать крайне богатую мелодію съ различными варіаціями. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ было обнаружено присутствіе такъ-называемаго «комаровскаго стиля» (пѣніе скороговоркой), характернаго для Архангельской губерніи.

Нѣкоторыя отдѣльныя записи представляютъ особый интересъ,—такъ, на примѣръ, г. Подгорецкимъ записана цѣлая свадьба.

Затѣмъ экспедиція констатировала нѣсколько фактовъ, идущихъ вразрѣзъ съ обычными шаблонными представлениями о характерѣ украинскаго народнаго творчества: была записана былина «Севрюкъ», по своему содержанію имѣющая много общаго съ Ильей Муромцемъ.

Филологическая сторона записей также не была оставлена безъ вниманія экспедиціей.

Въ общемъ собранный музыкально-этнографической экспедиціей матеріалъ представляетъ собою, безспорно, только незначительную часть того, что еще ждетъ своихъ изслѣдователей.

По словамъ участниковъ экспедиціи, записи украинской музыки, сдѣланныя Н. В. Лисенко, являются до нѣкоторой степени неточными, и указываемыя тамъ вліянія Запада и Востока отчасти преувеличены.

Несомнѣнно одно: экспедиція вынесла впечатлѣніе, что украинская народная музыка какъ въ своей мелодіи, такъ и въ основномъ своемъ строѣ представляетъ своеобразныя оригинальныя особенности, которыя заслуживаютъ тщательнаго и серьезнаго изученія. Считаемо нужнымъ для москвичей добавить, что матеріалъ, записанный экспедиціей будетъ воспроизведенъ въ засѣданіи общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи 15-го октября текущаго года.

Просвѣщенное невѣжество. Л. Н. Толстой въ статьѣ «Кому у кого учиться писать—ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ»,—пишетъ: «Я началъ повѣсть и написалъ первую страницу. Всякій непредубѣжденный человѣкъ, имѣющій чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и слѣдующія страницы повѣсти, писанныя самими учениками, отличить эту страницу отъ другихъ, какъ муху въ молокѣ,—такъ она фальшива, искусственна и написана такимъ плохимъ языкомъ. Надо замѣтить, что въ первоначальномъ видѣ была еще уродливѣе и мною исправлена, благодаря указанію учениковъ»¹⁾.

Толстой, столкнувшись въ школѣ съ крестьянскими дѣтьми, былъ изумленъ ихъ необычайнымъ богатствомъ и знаніемъ роднаго языка, богатствомъ воспріятій и правдивыхъ представленій, образцовъ, словъ и идей. Дѣти поразили его чистотой, образностью и простотой своего языка, мѣрой и изяществомъ вкуса, реальною правдой и художественнымъ чутьемъ въ своемъ творствѣ. Великій писатель преклонялся передъ художественной правдой и красотой языка русскаго ребенка.

Да, дѣтскій языкъ—это святыня народная! Это вѣковая мысль націй, ея духовное сокровище! Однако намъ, украинцамъ,

¹⁾ Л. Н. Толстой, Сочин. т. IV.

тѣмъ тяжелѣе сознать это и тѣмъ больнѣе читать правдивыя и искреннія страницы великаго старца. Намъ ужъ у своихъ украинскыхъ ребятъ не учиться писать! Кто бываль въ украинской народной школѣ, кто училъ въ ней дѣтей, тотъ знаетъ и понимаетъ нашу скорбь, нашъ печальный взоръ.

Передо мной сейчасъ лежать три книги педагогическаго журнла «Русская Школа», №№ 3, 4, 5 иб. Въ статьѣ г. Кравченка «Духовный міръ и мысли учащихся», я нашель мысли дѣтей, написанныя языкомъ, который, очевидно, приобрѣтенъ ими въ русской школѣ. Авторъ, преслѣдуя свои цѣли, выраженные въ заглавіи статьи, не коснулся формы изложенія, оставивъ ее въ такомъ видѣ, какую ей придали сами дѣти. Въ статьѣ г. Кравченко не упоминаеть, чьи это дѣти излагали свои мысли такимъ языкомъ,—украинскія или русскія. Но тѣмъ лучше: онъ далъ намъ образецъ дѣтскаго языка, не имѣя въ виду опредѣленной точки зрѣнія, и ужъ никакъ его нельзя упрекнуть въ тенденціозности. Ему важень духовный міръ учащагося, и то, къ какой они національности принадлежать, его не интересуеть.

Но то, о чемъ онъ говоритъ, станеть ясно всѣмъ, кто не поставитъ себѣ въ трудъ прочеть нѣсколько мыслей изъ приведенныхъ авторомъ дѣтскихъ сочиненій.

Выписываю немного фразъ, чтобы не обременить читателя. Выписываю ихъ изъ сочиненій не одного ученика, а нарочно нѣсколькихъ.

— Я колысь пошелъ по воду. Я разъ шелъ по огороду и набрель на сояшники, рачки долѣзъ, вырвалъ и заховалъ въ карманъ.

— Разъ мы съ Андреемъ стали балакать, какъ бы вкрасы ягидъ. А мы тогда изъ вышни, а лиса высокая, а я кирпичъ съ лисы скинулъ да и выскочили. За Андреемъ погнался парубокъ зъ ципкомъ. Мы позалазили въ кочаникъ.

— Мы разъ пошли на чужой степъ горохъ воровать. А дѣдушка подкрались съ кнотомъ.

— Людей много набѣтса, такъ что грубу вытопятъ, а они вырипають.

— Когда меня убирали (одѣвали), то я ничего не боялся.

— Былъ не доволенъ, когда не принималъ участія, но когда приставили къ Сусанину, то я зрадивъ, а какъ шапки мѣряли, то я дуже радивъ.

— Не люблю конюшню чистить, потому что чоботы убираются.

— Не люблю дѣтей глядиты и горшки банить.

— Та не хочется мнѣ служить, но треба.

— А хохломъ (крестьяниномъ) не хочу, потому что лѣтомъ ѣдъ на степъ, а солнце такъ и пече, что потъ градомъ льеть и еще потому что въ кизякахъ довбайся, та руки порѣпаются.

— Я пришелъ домой, а братъ говоритъ: «Я скажу таткови, что ты курувь», а я кажу: не кажи, я тебѣ дамъ много коробочекъ.

— Яковъ каже: «Давай купимъ табаку», а я кажу: «Грошивъ

нема». А хйба ты й доси ны знаешь за шо табаку куповать? За яйца. Бува, то наши узнають про це, такъ дають мени табаку.

— Я тебѣ ихъ на головѣ побью, учишь лучше дѣло робить.

— Мама стали ловить меня скрозь, чтобы побить.

— Я изъ хаты выбигъ и тикать, а батько кажуть: ты войдешъ въ хату. Я вошелъ сталъ раздвгаться, а батько кнутомъ. Я плачу и говорю: сего Олена пиддурыла.

— Ваня очень швидко лазить.

— Они жинуть да поють, вдругъ что-то загуркотѣло.

— Саша ихъ (мать) ушипнула, а онѣ якъ зазихнуть.

Нужно ли объяснять, чьи дѣти писали этимъ жаргономъ, этимъ изуродованнымъ языкомъ, смѣшеніемъ кievскаго съ московскимъ? Что можно еще прибавить къ этимъ живымъ и красно-рѣчивымъ иллюстраціямъ просвѣщеннаго невѣжества, плодоть руссификаторской политики въ школахъ на Украинѣ?

Предъ нами наглядные свидѣтели антипедагогической постановки учебнаго дѣла, гдѣ все такъ построено, чтобы убить и уничтожить индивидуальныя черты, и духовныя способности, ребенка, лишить его возможности свободно и правильно мыслить. Такъ изуродовать языкъ, такъ изломать и искалѣчить формы изложенія мысли, такъ основательно лишить ребенка естественнаго орудія для логическаго мышленія можетъ только школа, базирующаяся на законахъ, противныхъ законамъ природы.

И эта школа повсемѣстно дѣйствуетъ на Украинѣ. Потерявъ свое истинное значеніе, она обращена здѣсь въ мѣсто дѣтскихъ мученій, страданій и несоотвѣтствующихъ возрасту умственныхъ напряженій.

Въ самомъ дѣлѣ, вся дошкольная жизнь украинскаго ребенка прерывается, лишь онъ переступитъ порогъ русской школы. Весь мiръ его долженъ быть оставленъ за этимъ порогомъ. Въ дѣтскую душу специфическая система «народнаго образованія» силится вложить совершенно новый мiръ. Точно дитя—мѣшокъ, изъ котораго такъ легко и просто вытряхнуть содержимое и вложить иное. Такія операциі надъ ребенкомъ не проходятъ безъ глубокаго страданія.

Такое образованіе теряеть свои основныя черты: естественность, привлекательность и способность будить творчество духа въ ребенкѣ.

Мудрено ли, что дѣти въ послѣдній годъ своего пребыванія въ школѣ пишутъ на такомъ жаргонѣ, которому, думаю, не только никто изъ русскихъ писателей не станетъ подражать, но который надо забыть, какъ можно скорѣе.

Я. Чепига.

Археологическо-этнографическій музей Научнаго Общества имени Шевченка во Львовѣ. Кромѣ богатой библіотеки Научнаго Общества им. Шевченка во Львовѣ, о которой уже была помѣщена замѣтка въ «Украинской Жизни» (кн. 4), въ числѣ его учрежденій состоитъ также и археологическо-этнографическій

музей. До послѣдняго времени онъ не былъ доступенъ для широкой публики въ виду отсутствія собственнаго помѣщенія; теперь же, съ покупкой Научнымъ Обществомъ собственнаго дома, музей становится доступнымъ для обозрѣнія и изученія находящихся въ немъ цѣнныхъ сокровищъ.

О богатствѣ музея говорятъ слѣдующія цифры:

Археологическій отдѣлъ	насчитываетъ въ себѣ	..	4,745	предм.
Этнографическій	»	»	»	»
Коллекція писанокъ	»	»	»	»
Коллекція клише	»	»	»	»
Коллекція фотографій	»	»	»	»
Коллекція иконъ	»	»	»	»

Всего .. 12.551 предм.

Эти цифры, взятые изъ «Діла», гдѣ о музеѣ помѣщена статья В. Гнатюка, секретаря Научнаго Общества, относятся къ концу 1911 года. Не вошло сюда собраніе монетъ, еще не приведенное въ порядокъ, а также большое количество пожертвованій и покупокъ, сдѣланныхъ въ теченіе послѣдняго года.

Конечно, музей, какъ національная сокровищница, сможетъ значительно расширить и пополнить свои коллекціи лишь при поддержкѣ со стороны украинскаго общества. Помощь эта, не связанная съ большими денежными затратами, можетъ быть оказана каждымъ сознательнымъ украинцемъ путемъ собиранія коллекцій и отдѣльныхъ предметовъ среди той среды, гдѣ ему приходится жить.

Благоприятный случай для пополненія сокровищъ музея даетъ недавно открытая Коломійская выставка. Можно надѣяться, что приобрѣтеніе предметовъ домашняго производства: ткацкихъ, стороны Научному Обществу слѣдовало бы приобрѣсти на собственные средства нѣкоторые предметы. Такъ, желательно было бы приобрѣтеніе предметовъ домашняго производства: ткацкихъ, столярныхъ, кожевенныхъ, гончарныхъ, каменныхъ и т. п., модели народной архитектуры, сельскохозяйственныхъ орудій, коллекціи оружія, писанокъ, игрушекъ и т. п. Добавимъ для свѣдѣнія жертвователей, что каждый предметъ долженъ быть снабженъ свѣдѣніями о мѣстѣ находженія, названіемъ и пр. Имена жертвователей будутъ напечатаны въ хроникѣ Научнаго Общества имени Шевченка.

Л.

В. Адлеръ и національный вопросъ. (Къ 60-лѣтію со дня его рожденія). Въ іюнѣ текущаго года талантливому лидеру австрійской социаль-демократіи Виктору Адлеру исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Помимо заслугъ его какъ борца за идеалы социальной справедливости, большой интересъ и значеніе представляетъ выдающаяся роль В. Адлера въ дѣлѣ организаціи и созданія рабочей партіи на интернаціональной основѣ, соединенной съ самостоятельностью отдѣльныхъ національностей. Въ этой области

В. Адлеръ являетъ собою блестящій примѣръ чуткаго политика и умѣлаго тактика, угадавшаго непосредственные жизненные запросы и требованія австрійской дѣйствительности и не замкнувшагося въ застывшую догму отрицанія національнаго вопроса. Въ этомъ отношеніи, къ слову сказать, жизнь еще мало научила нашихъ российскихъ марксистовъ, и примѣръ Адлера долженъ представлять для нихъ особую поучительность.

Заслуга В. Адлера состоитъ не въ теоретическомъ формулированіи національной программы, только въ послѣднее время вылившейся въ стройную теорію въ научныхъ трудахъ Шпрингера и Бауэра¹⁾, а въ живомъ дѣйственномъ воплощеніи въ жизнь принциповъ интернационализма.

Передъ гайнфельдскимъ партейтагомъ 1889 года, на которомъ были, такъ сказать, заложены прочныя основы австрійской социаль-демократіи, рабочая партія представляла изъ себя довольно разрозненную и хаотическую массу, не связанную воедино, не живущую сильной координированной жизнью.

Упорный и тяжелый трудъ по организациі рабочей партіи пришлось совершить В. Адлеру, и если она за послѣднее время обладаетъ крупнымъ политическимъ значеніемъ и вѣсомъ, то это прежде всего историческая заслуга вождя австрійской социаль-демократіи. Слова извѣстнаго дѣятеля послѣдней Пернерсторфера о томъ, что австрійская социаль-демократія въ лицѣ В. Адлера имѣетъ геніальнаго тактика, въ высокой степени оправдываются плодотворными результатами достигнутой формы организациі.

На пражскомъ конгрессѣ 1896 года были теоретически формулированы, а на шестомъ вѣнскомъ партейтагѣ 1897 г. уже проведенъ въ жизнь основной принципъ организациі рабочихъ партій по самостоятельнымъ національнымъ группамъ. Въ составъ обще-австрійской социаль-демократіи вошли: нѣмецкая, чешская, польская, украинская, итальянская и южно-славянская организациі.

Согласно принятой резолюціи, эта форма организациі имѣетъ цѣлью создать для многоязычнаго пролетаріата Австріи такія практическія условія работы, которыя позволяли бы преодолѣть затрудненія въ разнообразіи языковъ... Национальная самостоятельность и интернаціональное единство—вотъ основной принципъ организациі... И не для поддержки національныхъ шовинистическихъ стремленій господствующихъ классовъ создается эта организациі, а именно съ цѣлью еще суровѣе и безпощаднѣе бороться съ ними²⁾.

Формы организациі австрійскаго пролетаріата, тѣсно связанныя съ его политической и парламентской дѣятельностью, въ дальнѣйшемъ повели къ измѣненію самого отношенія къ національному вопросу. Послѣ ни къ чему не обязывающихъ общихъ

¹⁾ Переведены и на русскій языкъ: О. Бауэръ. Национальный вопросъ и социаль-демократія. Изд. „Серпъ“. 1909. Ц. 3 р. Р. Шпрингеръ. Национальная проблема Пред. М. Ратнера. Изд. „Обществ. пользы“. 1909. 2 р.

²⁾ Protokoll d. ParteitageS verhandl. d. deutsch. soz.-dem. Arbeiter abgeh. in Innsbruck. 1911 d. Wien S. 198 u. folg.

положений, принятыхъ въ Гайнфельдской программѣ объ интернациональности пролетаріата, впервые на брюннскомъ партейтагѣ 1899 г. былъ поднятъ принципиальный вопросъ о способахъ урегулированія національныхъ отношеній.

Брюннскій партейтагъ является поворотнымъ пунктомъ въ отношеніи социалистической мысли къ принципу національности. Старыя шаблонныя формулы, возникшія при иныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, поколебались, и на сцену выступило иное воззрѣніе, которое объявляетъ, что разрѣшеніе національнаго вопроса въ Австріи является одной «изъ насущныхъ потребностей пролетаріата»¹⁾. Съ того времени австрійская социаль-демократія росла въ своей численности, укрѣплялась въ своемъ политическомъ могуществѣ, завоевала для страны всеобщее избирательное право.

Однако въ послѣднее время въ интернациональное единство австрійской рабочей партіи вторгся микробъ сепаратизма, внесенный чехами, которые потребовали для профессиональныхъ союзовъ націонализациі по отдѣльнымъ группамъ. Памятенъ еще послѣдній расколъ чеховъ съ остальнымъ пролетариатомъ, ихъ поведеніе на копенгагенскомъ социалистическомъ конгрессѣ, отрицательно отнесшемся къ дробленію силъ въ общеэкономической борьбѣ. Сама по себѣ эта вспышка націонализма въ социалистической средѣ, это болѣзненное обостреніе національнаго самолюбія имѣетъ свои причины и свои цѣли, но здѣсь не мѣсто разбирать ихъ. Мы упоминаемъ объ этомъ единственно для того, чтобы отмѣтить ту позицію, какую занялъ въ этомъ вопросѣ В. Адлеръ на иннсбрукскомъ партейтагѣ 1911 года, когда вопросъ объ отношеніи къ чешскому сепаратизму служилъ предметомъ жаркихъ дебатовъ. Несмотря на нѣсколько пессимистическіе взгляды; высказанные нѣкоторыми делегатами партейтага, относительно возможности существованія въ дальнѣйшемъ общей партіи, спаянной изъ разныхъ націй, В. Адлеръ остался на той же почвѣ интернационализма. Въ своей блестящей и по формѣ, и по содержанию рѣчи В. Адлеръ подвергъ тщательному анализу самый вопросъ о сепаратизмѣ, выясняя все зло, всю гибельность такого явленія для общаго дѣла австрійскаго пролетаріата. Онъ называетъ плохими марксистами, примѣняющими методъ поверхностнаго изслѣдованія, тѣхъ, кто считаетъ организацию пролетаріата по національнымъ группамъ тактической и организационной ошибкой, ибо существованіе въ Австріи національныхъ различій— историческая неизбѣжность, и организациі партіи должна къ этому приспособляться²⁾. Какъ бы отгнѣя еще болѣе организационное и жизненное значеніе національнаго принципа, В. Адлеръ дальше утверждаетъ, что распаденіе партіи было бы уже свершившимся фактомъ, если бы въ 1897 г. партія не пришла къ такому расчлененію по отдѣльнымъ національностямъ; соединеніе же всѣхъ національныхъ партій въ Австріи оказало пролетариату

1) Protokollen Innsbr. Parteitages. S. 200.

2) Protokoll des Parteitages Verhandlungen der deutschen sozialdemokratischen. Arbeiterpartei in Oesterreich, abgehabten in Innsbruck wien 1911. S. 198.

большую услугу: оно помогло ему превратить интернациональный Идеалъ въ сознательно дѣйственную идею и убѣжденіе ¹⁾. В. Адлеръ отнесся отрицательно къ сепаратистскимъ стремленіямъ чеховъ, къ ихъ желанію провести націонализацию въ профессиональные союзы. Это, по его мнѣнію, противорѣчитъ не только основной мысли социалистическаго интернационала, но и является серьезнымъ препятствіемъ для политической и профессиональной борьбы. Интернациональное единство общей партіи никогда и ни въ чемъ не служило препятствіемъ для самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ партій, раздѣленныхъ по національностямъ.

Итакъ, въ лицѣ В. Адлера австрійская рабочая партія имѣетъ не только умнаго и талантливаго политика и организатора, но также убѣжденнаго представителя того течения въ социалистической мысли, которое признаетъ за національнымъ вопросомъ большое значеніе какъ въ общеполитической жизни, такъ и во всей социальной жизни страны. Еще поэтому было сказано: „Leicht bei einander wohnen die Gedanken, doch hart im Raume stossen sich die Sachen“, и если въ настоящее время много силъ тратится на попытки разрѣшенія національнаго вопроса, то заслуга В. Адлера лежитъ въ томъ, что онъ значительно раньше другихъ направилъ въ эту сторону вниманіе. И онъ сумѣлъ подмѣтить и осуществить то, что только позднѣе выросло въ своемъ огромномъ значеніи и было формулировано и закрѣплено въ теоретическихъ построеніяхъ.

И. Я.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Отъ лица, близкаго къ редакціи и заслуживающаго полного довѣрія, мы получили существенную поправку къ сообщеннымъ въ № 7—8 „Украинской Жизни“ (см. въ отдѣлѣ „На Украинѣ и внѣ ея“ замѣтку „Съ учительскихъ курсовъ“) свѣдѣніямъ относительно помощи, оказанной кievскимъ украинскимъ клубомъ народнымъ учителямъ-украинцамъ, прибывшимъ на сѣздъ въ Кіевъ. Свѣдѣнія эти, заимствованныя нашимъ корреспондентомъ, повидимому, изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ, оказались очень преувеличенными, а въ нѣкоторой части и совсѣмъ расходящимися съ дѣйствительностью. Крайне объ этомъ сожалѣемъ.

¹⁾ Ibid. S. 199.

Бібліографія.

„Ucrainica» въ чешскомъ сборникѣ «Slovanstvo».

„Slovanstvo Obraz jeho minulosti a přítomnosti“—таково названіе чешскаго сборника, посвященнаго обзору славянства въ его прошломъ и настоящемъ, изданнаго въ началѣ этого года въ Прагѣ, бібліографическая замѣтка о которомъ была уже помѣщена на страницахъ «Украинской Жизни»¹⁾.

Я ограничусь поэтому лишь нѣсколькими критическими замѣчаніями по поводу общаго характера этого труда, въ дальнѣйшемъ же подвергну критическому обзору только украинскій отдѣлъ сборника.

Сборникъ „Slovanstvo“, какъ извѣстно, является дѣтищемъ неославизма. Происхожденіе его восходитъ къ неославянской конференціи, состоявшейся въ 1908 г. въ Прагѣ. Первоначально предполагалось издать,—по инициативѣ нѣкоторыхъ членовъ русской и польской секціи упомянутой конференціи,—только небольшую інформаціонную брошюру о славянствѣ. Затѣмъ, по соображеніямъ техническаго характера, этотъ первоначальный планъ пришлось измѣнить и вмѣсто предполагаемой брошюры издать огромный сборникъ, являющійся въ нѣкоторомъ родѣ практической, общедоступной славянской энциклопедіей. Впрочемъ, отнюдь не полной, такъ какъ въ ней приходится отмѣтить довольно-таки существенные пробѣлы: отсутствіе антропологическаго, этнографическаго, географическаго и социальнo-экономическаго отдѣловъ, неполноту отдѣла, посвященнаго обзору славянскаго искусства вообще, въ частности музыки, наконецъ, хаотичность въ обзорѣ славянской печати. Впрочемъ нужно сказать, что нѣкоторые изъ отмѣченныхъ пробѣловъ объясняются техническими препятствіями, вполне естественными при изданіи такого большого труда. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что сборникъ «Слованство» всецѣло является предпріятіемъ одного лишь славянскаго народа—чеховъ.

Въ общемъ, съ фактической стороны, сборникъ этотъ можно признать удовлетворительнымъ, особенно если принять во вниманіе отмѣченныя только-что обстоятельства.

Хуже дѣло обстоитъ съ идейной стороной этого сборника. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ немъ цѣльности, однородности, вообще опредѣленнаго, строго выдержаннаго, характера. Это,

¹⁾ „Украинская Жизнь“, февраль 1912 г., стр. 107—108.

впрочемъ, не вина издателей и авторовъ этого труда, а того движенія, результатомъ котораго является сборникъ „Slovanstvo“,—т.-е. неославизма.

Неославизмъ со дня своего рожденія страдалъ отсутствіемъ собственной, вполне опредѣленной идеологии. Это его первородный грѣхъ. Правда, на знамени неославизма начертанъ былъ весьма недвусмысленный лозунгъ: «свобода, равенство и братство», но, оказалось, что большинству тѣхъ, кто сталъ подъ этимъ знаменемъ,—демократическій и прогрессивный лозунгъ такъ мало былъ къ лицу, какъ воронѣ павлиный хвостъ.

Для идейной физиономіи неославизма наиболѣе подходящимъ символомъ* могло бы служить названіе извѣстной крыловской басни «Лебедь, ракъ и щука». Она лучше всего объяснила бы причину, почему неославянской возъ и по сію пору стоитъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Въ сборникѣ «Слоvanство» идейную сторону неославизма излагаетъ «самъ отецъ этого движенія» д-ръ Крамаржъ. Въ своемъ введении къ этому труду онъ довольно пространно пишетъ объ идейной сущности неославизма, его программѣ и причинахъ неудачи (главнымъ образомъ аннексія Босніи и Герцеговины, затѣмъ рожденіе шовинистическаго націонализма въ Россіи). Онъ говоритъ далѣе о правѣ на національное самоопредѣленіе отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, о національномъ славянскомъ индивидуализмѣ, какъ необходимомъ оплотѣ противъ нѣмецкаго „Drang nach Osten“, о томъ, что славяне не могутъ создать одну націю, какъ нѣмцы, что развитіе славянства должно итти самобытнымъ, собственнымъ путемъ, а не по нѣмецкому шаблону, что въ этомъ развитіи большую роль долженъ играть этической принципъ и т. п.

Во всемъ этомъ есть много пафоса, кудрявой фразеологій, крылатыхъ оборотовъ, но мало убѣдительнаго и искренняго. Все это, какъ говорятъ нѣмцы,—„zum Fenster hinans“.

Вѣдь почти одновременно съ печатаніемъ упомянутой вступительной статьи д-ръ Крамаржъ вполне спокойно въ своей бесѣдѣ съ вѣнскимъ корреспондентомъ «Нов. Врем.» объявилъ крестовый походъ противъ украинцевъ. А если вѣрить сообщенію этого органа изъ Эртелева переулка («Нов. Вр.», 1912, № 12,978) на пражской конференціи «у словлено было», что никакого украинскаго народа нѣтъ, а «есть только небольшая политическая украинская или мазепинская партія въ Галиціи и Буковинѣ и въ нѣкоторыхъ городахъ Малороссіи, стремящаяся разбить единый русскій народъ на двѣ враждующія партіи».

Невольно вспоминается при этомъ извѣстный афоризмъ д-ра Крамаржа: «тотъ не славянинъ, кто угнетаетъ другой славянской народъ». А кто совершенно не признаетъ второго—по величинѣ славянскаго народа,—тотъ кто?..

Высказанныя выше замѣчанія объ идеологии неославизма необходимо имѣть въ виду для большаго уясненія матеріала, касающагося украинскаго отдѣла въ сборникѣ „Slovanstvo“.

Прежде всего приходится отмѣтить, что украинцы попали въ этотъ сборникъ *via facti*,—безъ неославянскаго билета. Что это такъ, лучшимъ доказательствомъ является протестъ «Нов. Вр.», которое упрекаетъ д-ра Крамаржа чуть ли не въ измѣнѣ за то, что нѣкоторыми авторами, принимавшими участіе въ составленіи неославянскаго сборника, украинцы были признаны самостоятельной славянскою націей и соотвѣтственно этому имъ отведены были самостоятельные очерки или обзоры.

То обстоятельство, что украинцы очутились въ сборникѣ „Slovanstvo“ вопреки волѣ неославянскаго ареопага, свидѣтельствуеетъ, что украинское національное движеніе перестало быть въ глазахъ объективныхъ представителей славянскою науки, чуждыхъ политическихъ анти-украинскихъ предубѣжденій, какою-то *quantité négligéable*, которую можно игнорировать или замолчать въ общемъ обзорѣ всего славянства. Но, съ другой стороны, это же обстоятельство невыгодно отразилось на украинскомъ отдѣлѣ сборника въ томъ отношеніи, что здѣсь болѣе всего даютъ себя знать противорѣчіе и идейная хаотичность неославизма.

Необходимо однако отмѣтить, что во всемъ этомъ сборникѣ нѣтъ ни одной замѣтки, направленной противъ украинцевъ, и этимъ онъ выгодно отличается отъ большинства славянскихъ изданій подобнаго типа. Даже въ тѣхъ двухъ случаяхъ, когда авторы не удѣляютъ вниманія въ своихъ очеркахъ украинцамъ (именно: искусству и музыкѣ), происходитъ это отнюдь не изъ-за отрицательнаго отношенія ихъ къ украинскому движенію, а просто вслѣдствіе трудности ознакомленія и изученія нужнаго для этого матеріала.

Авторъ перваго очерка въ сборникѣ „Slovanstvo“, посвященнаго сравнительному историческому обзору славянства, профессоръ пражскаго чешскаго университета Я. Бидло, признаетъ не только національную самостоятельность украинцевъ, но условно даже бѣлоруссовъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ, что восточно-славянскія племена (русскаго типа) въ теченіе XVI—XVII ст. образовали два (три) народа, а именно—народъ великорусскій и украинскій (и бѣлорусскій). Немного дальше находимъ у него слѣдующее поясненіе этой мысли: «Правда, существовала идея объединенной въ политическомъ и церковномъ отношеніи Россіи, однако, осуществленіе ея длилось столько столѣтій, что въ продолженіе ихъ развивались двѣ русскія націи (евентуально три), одновременно съ развитіемъ Московскаго государства съ одной стороны и Владиміро-Галицкой и Литовской Руси—съ другой стороны.

Племена, называемыя общимъ именемъ малороссовъ или украинцевъ, собственно никогда не были вполне объединены въ одномъ государствѣ съ великороссами. И послѣ раздѣла польскаго государства галицкіе малороссы остались отдѣльно. Объ угорскихъ малороссахъ и говорить нечего. Эти, повиди-

мому, навсегда приговорены къ совершенно самостоятельному развитію, не имѣя никакого контакта съ великороссами. Филологическія и этнографическія отличія между великороссами и малороссами, правда, не такъ велики, чтобы ихъ нельзя было устранить; однако, историческое развитіе и совершенно разныя традиции являются причиною, почему малороссы хотятъ быть самостоятельной національной индивидуальностью. Кому же удастся отвлечь этотъ огромный народъ (22 милл.!) отъ этого «несчастливаго» стремленія? И развѣ не является скорѣе обязанностью серьезныхъ политиковъ считаться съ этимъ какъ съ фактомъ, не подлежащимъ измѣненію, и, согласно этому, направлять свою дѣятельность, чѣмъ обращаться къ преслѣдованію малору́скаго сепаратизма и этимъ его усиливать, создавая такимъ образомъ еще болѣе глубокую пропасть между обѣими русскими націями?..» (стр. 43).

Изъ того, что мною было только-что процитировано, казалось бы, ясно вытекаетъ, что проф. Бидло смотритъ на украинское національное движеніе какъ на вполне естественный и понятный процессъ, считаясь съ нимъ какъ съ фактомъ, который можно изучать, но который не слѣдуетъ поправлять. Къ сожалѣнію, и въ его интересномъ очеркѣ мы встрѣчаемся съ яркими примѣрами неославянской идеологической непослѣдовательности. Говоря, напр., далѣе объ эмансипаціонномъ вліяніи просвѣщеннаго абсолютизма, въ частности, и на національную индивидуализацію отдѣльныхъ городовъ, онъ говоритъ о вредномъ вліяніи этихъ стремленій, поскольку результатомъ ихъ было появленіе среди славянъ большаго числа самостоятельныхъ литературныхъ языковъ, а вслѣдствіе этого и «большаго раздробленія всего славянства (напр., разрывъ чешско-словацкій и русско-украинскій)» (стр. 85). Но уже четырьмя страницами ниже, говоря о вліяніи просвѣщеннаго абсолютизма и романтизма на украинское національное возрожденіе, авторъ беретъ слово украинскій «сепаратизмъ» въ кавычки, слѣдовательно, снова возвращается къ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы знакомились въ первой цитированной нами выдержкѣ изъ его очерка.

Въ изложеніи новѣйшей исторіи украинскаго движенія у проф. Бидла встрѣчаются нѣкоторыя фактическія неточности. Напримѣръ, политическую группировку среди галицкихъ украинцевъ онъ представляетъ весьма упрощенно—въ видѣ двухъ партій: старорусской (москвофильской) и малорусской (украинской) и только зарождающейся третьей—соціалистической.

Впрочемъ, политическая эволюція галицкой Украины вѣрно представлена въ другомъ очеркѣ сборника „Slovanstvo“, о чемъ рѣчь впереди.

Интересенъ взглядъ проф. Бидло на будущую эволюцію Россіи въ національномъ отношеніи,—иными словами, на то, какимъ образомъ будетъ тамъ рѣшенъ національный вопросъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ въ Австріи, такъ и въ Россіи современемъ побѣдитъ національная автономія и федерализмъ. Тотъ, кто симпатизируетъ

австро-венгерскому федерализму, логично долженъ быть приверженцемъ децентрализаціи русскаго государства, въ интересахъ же внутренняго усиленія этой имперіи» (стр. 128). Не менѣе интересно далѣе мнѣніе цитированнаго чешскаго историка объ официальномъ русскомъ панславизмѣ. «Россія,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—придерживающаяся принципа, что славянскія рѣки должны исчезнуть въ русскомъ морѣ, принципа, что только православіе...., которое съ большими усиліями едва преодолеваетъ расколъ въ своемъ лонѣ, является отличительною чертою дѣйствительнаго славянства, или же Россія, придерживающаяся принципа преобладанія великорусскаго элемента среди остальныхъ славянъ, которымъ она бросала бы только крохи милостыни для поддержанія ихъ существованія,—такая Россія не сможетъ удержать приматъ среди славянства» (стр. 129).

Авторъ второй статьи въ разсматриваемомъ сборникѣ, а именно статистико-демографическаго очерка славянства, молодой чешскій статистикъ д-ръ А. Боголь, не только признаетъ національную самобытность украинцевъ (въ своей работѣ онъ употребляетъ терминъ малороссы), но и бѣлоруссовъ. Однимъ и другимъ онъ удѣляетъ въ своей статьѣ отдѣльные очерки. Его вычисленія общаго количества украинцевъ относятся къ 1900 г.; сдѣланы же они главнымъ образомъ на основаніи официальныхъ источниковъ и извѣстнаго труда чешскаго слависта проф. Л. Нидерле: «Обзорніе современнаго славянства» (по-русски вышло въ «Энциклопедіи славянской филологіи», издаваемой акад. Ягичемъ). Посему окончательные его выводы не соотвѣтствуютъ дѣйствительному числу украинцевъ въ данное время, являясь преуменьшенными и неточными.

Одной изъ болѣе интересныхъ работъ въ сборникѣ „Slovanstvo“, несомнѣнно, слѣдуетъ признать цѣнную монографію о политическомъ положеніи современнаго славянства, написанную профессоромъ пражскаго чешскаго университета д-ромъ К. Кадлецомъ. Въ этой монографіи, состоящей изъ ряда очерковъ, посвященныхъ описанію политическаго положенія отдѣльных славянскихъ народовъ, одинъ, а именно второй, специально посвященъ украинцамъ.

Проф. Кадлецъ признаетъ національную обособленность украинцевъ. Въ своемъ очеркѣ о нихъ онъ употребляетъ названіе украинцы, одновременно, однако, пользуясь и двумя другими территориальными терминами: малороссы—для русской Украины и русины—для австрійской. Въ этомъ очеркѣ прежде всего кратко изложена исторія возрожденія украинскаго народа, затѣмъ его политическая эволюція въ новѣйшее время, особенно въ Галиціи. Говорится далѣе о политическомъ положеніи буковинскихъ украинцевъ, представлена, фактически вполне вѣрно, политическая группировка австрійскихъ украинцевъ. Между прочимъ авторъ удѣляетъ вниманіе и галицкому москвофильству, т.-е. псевдо-русскому направленію въ австрійской Украинѣ, о которомъ заявляетъ, что «упадокъ этой партіи чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе» (стр. 185). Въ этой

же статьѣ находимъ также очеркъ исторіи борьбы за украинскій университетъ въ Галиціи. Вообще симпатіи автора на сторонѣ украинцевъ и ихъ борьбы за свою національную самобытность и независимость. Въ этомъ отношеніи особенно интересны слова, которыми онъ заканчиваетъ свою статью объ украинцахъ: «Реформа избирательнаго закона въ имперскій парламентъ обошлась съ русинами хуже, чѣмъ мачеха (вмѣсто 50 мандатовъ дано имъ было въ Галиціи только 28); однако, несмотря на это, эта нація принадлежитъ къ наиболѣе энергичнымъ среди австрійскихъ народовъ, проявляя большіе успѣхи во всѣхъ областяхъ культурной жизни» (стр. 187).

Въ двухъ очеркахъ, въ которыхъ говорится о религіозныхъ и церковныхъ дѣлахъ среди славянъ, удѣлено вниманіе обзору этихъ дѣлъ среди украинцевъ. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ, принадлежитъ знакомому уже намъ проф. Бидлу, данъ обзоръ религіозныхъ отношеній на Украинѣ, начиная съ брестской уніи и по наше время. Во второй статьѣ проф. Кадлеца говорится о православныхъ украинцахъ въ Буковинѣ. Обѣ эти статьи носятъ исключительно інформаціонный характеръ.

Интересной и цѣнной статьѣй является обзоръ школьнаго дѣла у славянъ, сдѣланный однимъ изъ чешскихъ знатоковъ этого вопроса, А. Иракомъ. Это, кажется, первый опытъ этого рода, исполненный во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно. Въ этомъ очеркѣ обзорѣню школьнаго дѣла среди украинцевъ удѣлена отдѣльная глава, въ которой авторомъ данъ обзоръ украинской культурно-просвѣтительной дѣятельности и школъ въ Галиціи («Просвіта», «Руське Товариство Педагогичне») и въ Буковинѣ («Українська Школа»). Говорится затѣмъ объ антиукраинской политикѣ венгерскаго правительства, не допускающаго и самыхъ безобидныхъ проявленій культурно-національной дѣятельности, не говоря уже о попыткахъ націонализаціи школъ. Относительно венгерскихъ украинцевъ авторъ вышеупомянутаго очерка пессимистически заявляетъ: «угорскіе украинцы подобны умирающему человѣку». Въ концѣ главы о школьномъ дѣлѣ среди украинцевъ упоминается о томъ, что въ Россіи украинцы не признаны особой націей, своихъ школъ не имѣютъ, что на Украинѣ во всѣхъ школахъ обученіе ведется на великорусскомъ языкѣ.

Въ сборникѣ „Slovanstvo“ помещенъ также очеркъ славянскихъ литературъ, написанный чешскимъ ученымъ проф. Махаломъ. Собственно говоря, это бѣглый, энциклопедическаго типа, обзоръ новѣйшихъ (отъ 1880 г.) славянскихъ литературъ, въ которомъ отмѣчены лишь наиболѣе выдающіеся моменты и представители современныхъ славянскихъ литературъ. Въ этомъ обзорѣ вторая статья посвящена очерку украинской литературы. Проф. Махаль начинаетъ обзоръ украинской литературы характеристикой музы геніальнаго украинскаго «кобзаря» Т. Шевченко. Затѣмъ онъ переходитъ къ характеристикѣ главныхъ представителей украинской литературы послѣ-шевченковскаго періода (М. Вовчокъ, Конисскій, И. Нечуй-Левицкій, П. Мирный).

Онъ отмѣчаетъ особенно выдающуюся роль въ исторіи литературно-культурнаго возрожденія галицкой Украины М. Драгоманова, характеризуя вслѣдъ за этимъ многостороннюю, но во всѣхъ областяхъ самобытную литературную дѣятельность извѣстнаго украинскаго писателя д-ра И. Франка, котораго называетъ «борцомъ за прогрессъ, глашатаемъ соціальной справедливости и апостоломъ созидающаго патріотизма» (стр. 479). Далѣе въ его работѣ мы находимъ характеристики современныхъ украинскихъ писателей: О. Кобылянкой, В. Стефанька, Лепкого, Л. Украинки, Крымскаго, Винниченка, Олеса, Чупрынки и особенно М. Коцюбинскаго, котораго Махаль считаетъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ и выдающихся современныхъ украинскихъ беллетристовъ. Сравнительно бѣгло и поверхностно охарактеризована авторомъ украинская драматическая литература. Проф. Махаль вскользь упоминаетъ корифеевъ украинской драматургіи (М. Старицкаго, М. Кропивницкаго, И. Тобилевича), не останавливаясь совершенно на разборѣ ихъ произведеній. Точно также и новѣйшая украинская драматическая литература представлена въ его очеркѣ сухимъ перечнемъ фамилій современныхъ украинскихъ авторовъ.

Очеркъ славянской печати, написанный сотрудникомъ пражской газеты „Politika“ И. Гейретомъ, несомнѣнно, является одной изъ наиболѣе слабыхъ работъ въ сборникѣ «Слованство». Статья эта написана безъ всякой системы, изобилуетъ многими фактическими неточностями и недосмотрами; въ общемъ не столько объективна, сколько безцвѣтна. Въ этомъ очеркѣ есть соціальная глава объ украинской печати, но въ ней много пропусковъ и неточностей, больше говорится о москвофильскихъ изданіяхъ, чѣмъ объ украинскихъ, а къ тому же, о періодической украинской прессѣ въ Россіи почему-то совершенно не упоминается. Замятка о ней (а именно о «Радѣ» и «Лит.-Наук. Вістн.» неизвѣстно какими судьбами попала въ русскій (великорусскій) отдѣлъ.

Наконецъ, въ статьѣ д-ра Шайнера о славянскомъ «Соколѣ» помѣщена небольшая замятка объ украинскомъ «Соколѣ».

Изложеннымъ исчерпывается „Ucrainica“ чешскаго сборника „Slovanstvo“. Принимая во вниманіе, что это первый украинскій дебютъ въ славянскихъ изданіяхъ подобнаго рода, а къ тому же дебютъ не по собственной волѣ и безъ личнаго участія, приходится признать его, несмотря на выше отмѣченные пробѣлы и фактическія неточности и пропуски, удовлетворительнымъ. Важнѣе всего здѣсь, конечно, принципиальная сторона, потому что фактическіе недостатки всегда возможно устранить и поправить. Важно то, что пассивное или даже враждебное отношеніе славянства къ украинскому національному движенію, наконецъ, преодолѣно или, по крайней мѣрѣ, отчасти устранено; что несмотря на анти-украинскій походъ официальнаго панславизма, объективные славянскіе изслѣдователи и дѣятели начинаютъ *sine ira et studio* относиться къ украинскому вопросу и движенію; что послѣднее *via facti*, силой своего есте-

ственного развития и прогресса, завоевывает себѣ признаніе равноправности и равноцѣнности среди остальныхъ славянскихъ національныхъ движеній передъ лицомъ всего культурнаго славянства.

А. И. Бочковскій.

Мих. Грушевскій. *Культурно-Національний рух на Україні в XVI—XVII віці. Київ—Львів. 1912. Стр. 248.*

Профессоръ М. С. Грушевскій, написалъ новую прекрасную книгу—о культурно-національномъ движеніи на Украинѣ въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Прежде чѣмъ говорить о содержаніи этой книги, намъ хочется сказать нѣсколько словъ вообще объ изученіи историческаго прошлаго Украины. Нельзя сказать, чтобы это изученіе было слабо развито. Оно началось давно и въ его области сдѣлано многое. Уже съ конца XVIII столѣтія украинскіе патриоты, а затѣмъ и чужіе ученые обратились къ разработкѣ украинской исторіи. Съ тѣхъ поръ издано громадное количество памятниковъ, изслѣдована масса матеріаловъ, изучены отдѣльные періоды и моменты. Но въ области синтеза, въ смыслѣ уясненія общаго хода исторической жизни украинскаго народа дѣло обстояло вплоть до послѣдняго времени довольно слабо. Это объясняется, съ одной стороны, той точкой зрѣнія, которую усвоили на украинскую исторію русскіе и польскіе изслѣдователи, на-ряду съ украинцами занимавшіеся изученіемъ нашей старины. Историческій споръ изъ-за культурно-національной опеки надъ украинскимъ народомъ двухъ родственныхъ народовъ—русскаго и польскаго—перенесенъ и въ области науки, и здѣсь этотъ споръ получаетъ такой же страстный характеръ, какъ и въ жизни. Если російская официальная наука старается доказать «исконное единство русскаго племени» и вмѣстѣ съ тѣмъ несамостоятельность украинской исторіи, языка и литературы, то и польская исторіографія рассматриваетъ исторію украинскаго народа какъ часть исторіи Польши. Если въ русской школѣ принята упрощенная схема исторіи, по которой Украина появляется на исторической аренѣ лишь съ возникновеніемъ казачества и, возсоединившись при Б. Хмельницкомъ, вновь исчезаетъ, то и въ польской школѣ и популярной литературѣ вся великая борьба украинскаго народа за національно-религіозную и соціально-политическую эмансипацію рассматривается не болѣе какъ «хлопскій бунтъ».

Въ то время, напримѣръ, какъ русскіе историки кievской академіи и связаннаго съ нею умственного движенія на Украинѣ толкуютъ все о «русскомъ просвѣщеніи», почтенный польскій историкъ Яблоновскій рассматриваетъ судьбы академіи, какъ страницу изъ исторіи польской школы. Украинскіе ученые, которымъ исторія своей родины, понятно, ближе и важнѣе всего, сдѣлали и наибольшій вкладъ въ разработку матеріала и монографическое изслѣдованіе отдѣльныхъ моментовъ этой исторіи. Но, къ сожалѣнію, имъ очень часто недоставало опредѣленнаго міровоззрѣнія, широкихъ взглядовъ, недоставало даже и твердаго на-

ціонального самосознанія. На это отсутствіе цѣльнаго пониманія родной исторіи, на неопредѣленность взглядовъ украинскихъ историковъ, чуть-чуть не граничащую съ безпринципностью, указывалъ еще Драгомановъ въ своихъ «Чудацкихъ думкахъ». Отъ этихъ недостатковъ не вполне свободны были даже такіе столпы украинской исторіографіи, какъ Костомаровъ и Антоновичъ, и это обстоятельство болѣе всего прочаго, по нашему мнѣнію, препятствовало созданію этими учеными синтетическихъ курсовъ украинской исторіи.

Впервые синтезъ научной разработки украинской исторіи былъ данъ въ трудахъ проф. Грушевскаго, и въ этомъ его крупнейшая заслуга передъ украинскимъ обществомъ, которое имѣло до него художественныя монографіи Костомарова, талантливыя историческіе памфлеты Кулиша, блестящія изысканія и изслѣдованія Антоновича, но не имѣло украинской исторіи. Впервые она дана не для специалистовъ только, но и для широкой публики въ курсахъ проф. Грушевскаго. Мы имѣемъ въ виду не столько монументальную его «Исторію України-Русі», — эту настоящую энциклопедію свѣдѣній по украинской исторіи, — сколько извѣстный «Очеркъ исторіи украинскаго народа» и недавно изданную иллюстрированную «Исторію України».

Ни одна область украинской исторіи не нуждается, пожалуй, въ такой мѣрѣ въ популяризаціи, какъ область культурнаго и соціально-экономическаго развитія, отвѣчающая интересу со стороны новѣйшихъ изслѣдованій и читающей публики. Трудамъ Милюкова и Довнаръ-Запольскаго (последнимъ) мы почти ничего не могли противопоставить до недавняго времени. Этотъ пробѣлъ начинаетъ заполняться только трудами проф. Грушевскаго и его львовской школы. За послѣдніе годы на страницахъ главнымъ образомъ «Літературно-Науковаго Вістника» напечатанъ рядъ очерковъ проф. Грушевскаго, которые, собственно говоря, являются фрагментами исторіи украинской культуры, — имѣемъ въ виду аналогію съ извѣстнымъ трудомъ проф. Милюкова.

Очеркъ культурно-національнаго возрожденія на Украинѣ въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в., печатавшійся первоначально на страницахъ «Літ.-Наук. Вістника», теперь въ дополненномъ видѣ является содержаніемъ разсматриваемой нами книги. Это возрожденіе началось какъ реакція со стороны украинскаго народа противъ могучаго напора польской государственности и церкви на Украину, — напора, достигшаго своего апогея непосредственно вслѣдъ за уніей 1569 года. Усилія польскаго правительства поскорѣе слить украинскія земли съ остальными областями государства въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ совпали съ моментомъ наибольшаго подъема и оживленія польской культуры и общественной жизни, что, конечно, не могло содѣйствовать сохраненію культурно-національной самобытности среди украинскаго общества. Массовое окатоличеніе и ополяченіе высшихъ круговъ украинскаго общества, совершившееся на глазахъ какого-нибудь одного поколѣнія, лишало, казалось, украинскій народъ надежды сохранить свою національность, становив-

шуюся достояніемъ одного плебса. И при такихъ обстоятельствахъ разстройство и разложеніе православной церкви и украинской жизни на Украинѣ представлялось особенно зловѣщимъ симптомомъ. Католическая же церковь, только-что пережившая черные дни реформаціоннаго движенія, торжествовала свою побѣду и приступила къ рѣшительному натиску на дезорганизованную православную церковь. Въ виду грозной опасности украинское общество сдѣлало судорожное усиліе и, встряхнувшись, стало организовывать сопротивление. Во главѣ движенія стало мѣщанство, получившее вначалѣ могучую поддержку со стороны послѣдняго изъ могиканъ православной украинской знати—князя Острожскаго.

Возникаетъ цѣлый рядъ школъ, издаются полемическія сочиненія противъ латынянъ, появляется рядъ талантливыхъ писателей и проповѣдниковъ, дѣло организациі культурно-національной самообороны берутъ въ свои руки тѣсно сплотившіяся братства, наконецъ, общему дѣлу сохраненія своей народности и вѣры оказываетъ поддержку казачество, которое скоро становится самымъ могущественнымъ двигателемъ въ дѣлѣ возрожденія украинскаго народа.

Изложеніе этого широкаго движенія, развернушаго во всемъ блескѣ духовныя силы украинскаго народа и нравственную мощь его лучшихъ представителей, подъ перомъ проф. Грушевскаго принимаетъ порой увлекательный характеръ (особенно, на примѣръ, главы о казачествѣ, какъ защитникѣ церковнаго дѣла, и о перенесеніи культурной работы въ Кіевъ); отдаленныя событія, далекіе отъ насъ люди принимаютъ ясныя очертанія; мы чувствуемъ біеніе жизненнаго пульса въ неуклюжихъ для нашего слуха рѣчахъ стариннаго склада, узнаемъ страсти, которыя и теперь часто волнуютъ насъ и потому такъ близки и понятны намъ. Эта внутренняя родственность эпохи украинскаго возрожденія XVI—XVII вв. съ настоящими стремленіями и чаяніями украинскаго народа на пути къ лучшему будущему послужила главною причиною, побудившей проф. Грушевскаго остановить вниманіе украинскаго общества на этой отдѣленной отъ насъ тремя столѣтіями эпохѣ, о чемъ онъ говоритъ въ предисловіи: «Въ обстоятельствахъ, среди которыхъ приходилось жить и бороться украинскимъ дѣятелямъ тѣхъ временъ, въ мотивахъ и идеяхъ, одушевлявшихъ ихъ,—такъ много близкаго, созвучнаго намъ, особенно послѣ того, что мы пережили въ послѣднее время. Самые факты этого культурнаго движенія по большей части знакомы всѣмъ еще со школьной скамьи. Даже болѣе—школа наложила на нихъ свое пятно въ нашемъ представленіи, сведя эту жизнь къ ряду скучныхъ датъ, сухихъ, ничѣмъ не интересныхъ именъ, затасканныхъ до тривіальности фразъ... Въ этомъ небезопасность такихъ «общественныхъ» темъ. Но мнѣ, собственно, хотѣлось вырвать эти событія изъ казенныхъ рамокъ, ввести современника въ эту далекую по времени и отношеніямъ, но такую близкую намъ по содержанію жизнь. Хотѣлось воскресить предъ нимъ тѣхъ людей, ихъ мысли, чаянія и страданія,

скромные триумфы и тяжелыя неудачи, чтобы вмѣстѣ съ нимъ почувствовать то самое дорогое и лучшее, что даетъ намъ ознакомленіе съ нашимъ прошлымъ,—связь и солидарность съ поколѣніями нашихъ предшественниковъ въ вѣчномъ стремленіи къ тому, чѣмъ стоитъ и держится человѣческая жизнь всѣхъ временъ». Почтенный авторъ считаетъ свою задачу исполненной, если ему удастся достичь того, что читатель почувствуетъ въ людяхъ, отдѣленныхъ отъ него тремя столѣтіями, своихъ предшественниковъ по стрѣленію поднять въ культурномъ и національномъ отношеніяхъ нашъ народъ, поддержать его національное существованіе, если «въ ихъ борьбѣ мы ощутимъ тѣ же усилія противостать слѣпой силѣ историческаго процесса, а во всей той эпохѣ почувствуемъ одно изъ звеньевъ неразрывной цѣпи нашей исторической жизни, которой самое новое, но не послѣднее звено составляемъ мы».

Мы можемъ считать желаніе автора исполненнымъ. Знакомясь съ его книгой, украинскій читатель дѣйствительно чувствуетъ это «духовное родство» съ поколѣніями отдаленной эпохи и начинаетъ ясно понимать неразрывность исторической традиціи, которая, къ сожалѣнію, давно уже стала изглаживаться въ представленіи даже лучшей, мыслящей части украинскаго общества.

Помимо литературнаго содержанія въ книгѣ проф. Грушевскаго есть еще одна цѣнная сторона, это—ея иллюстраціи. Вся книга пересыпана снимками со старыхъ украинскихъ гравюръ, заглавныхъ листовъ; заставокъ и виньетокъ въ старинныхъ книгахъ, портретовъ, видовъ мѣстностей, замѣчательныхъ зданій—замковъ, церквей и монастырей,—снимковъ съ грамотъ и старыхъ рукописей. Все это подобрано умѣло и со вкусомъ. Авторъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду «заинтересовать широкіе круги читателей сферою артистической жизни и творчества», дать «живой образъ того разнообразія и даже богатства, какое разсыпало тогдашнее украинское артистическое творчество на пути культурнаго и общественнаго движенія, соединяя иногда очень мѣтко и оригинально современныя культурныя вліянія съ тѣмъ, что сдѣлалось уже своимъ, органичнымъ и традиционнымъ». Богатство иллюстрацій придаетъ книгѣ проф. Грушевскаго характеръ прекраснаго историческаго альбома. Добавимъ, что стильная обложка книги исполнена извѣстнымъ украинскимъ художникомъ В. Г. Кричевскимъ въ духѣ старинной украинской гравюры на деревѣ. По внѣшности книга проф. Грушевскаго сама можетъ быть причислена къ великолѣпнымъ образцамъ современнаго украинскаго издательскаго «куншта», и если принять во вниманіе эту внѣшность и размѣры книги, то цѣну 1 р. 35 к. нельзя не посчитать крайне дешевой.

Д. Д.—ко.

Н. В. Чеховъ. *Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ XIX вѣка.* К-во „Польза“. Москва, 1912 г. 8^о, стр. 224, ц. 1 р. 60 коп.

Новая книга, вышедшая въ серіи солидныхъ очерковъ и монографій подъ общимъ названіемъ «Педагогическая академія», и имя

автора заставляют насъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ недочетамъ этого труда. Въ самомъ дѣлѣ, если въ настоящее время вопросъ о народномъ образованіи оживленно дебатруется въ обществѣ, въ печати, въ законодательныхъ палатахъ и въ правящихъ сферахъ, то, казалось бы, достаточно освѣдомленный историкъ его не могъ не замѣтить, что на народное образование на югѣ Россіи, именно въ Украинѣ, не всѣ смотрятъ одинаково; что имѣется теченіе, представители котораго вносятъ опредѣленные коррективы въ общепринятые взгляды на народно-школьное дѣло въ Россіи. Н. В. Чехову, полагаемъ, небезызвѣстно, что существуетъ украинское движеніе, что украинская интеллигенція опредѣленно и настойчиво требуетъ введенія украинскаго языка въ народныя школы въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ и что это требованіе ставится въ первую очередь въ ряду другихъ національныхъ требованій.

И вотъ если это историкъ русскаго народнаго образованія извѣстно, то предъ нимъ сама собой встаетъ интересная и необходимая задача,—прослѣдить въ прошломъ традицію украинскихъ школьныхъ требованій и начинаній. Историческія данныя подскажутъ опредѣленный выводъ для настоящаго: если требованіе украинской народной школы имѣетъ нѣкоторую давность и традицію, то съ нимъ необходимо считаться серьезно и теперь; если же это явленіе «вчерашняго дня», то его отмѣтитъ уже будущій историкъ.

Объ украинскихъ школьныхъ требованіяхъ въ книгѣ г. Чехова мы не находимъ ни слова. Можно было бы предположить, что въ самыхъ матеріалахъ г. Чехова не было фактовъ, въ которыхъ украинскія тенденции отразились бы съ достаточной полнотой и опредѣленностью; но въ томъ-то и дѣло, что, судя по даннымъ его книги, авторъ очень часто и очень близко подходилъ къ этой области. И онъ все-таки умудрился ничего не замѣтить въ ней.

Такъ, напримѣръ, въ IX отдѣлѣ, «Школьное дѣло на окраинахъ», авторъ говоритъ: «Исторія русской школы за послѣднія два столѣтія тѣсно связана съ исторіей цѣлаго ряда народностей, вошедшихъ въ составъ русскаго государства... У такихъ народовъ издавна существовали и свои школы, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній культуры. Съ присоединеніемъ ихъ къ русскому государству эти школы должны были стать въ томъ или иномъ отношеніи къ русской школѣ, и русское правительство и общество имѣли затѣмъ часто огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу этихъ національныхъ школъ» (стр. 180). Если г. Чеховъ призналъ необходимымъ дать очерки исторіи и состоянія народнаго образованія у нѣмцевъ, поляковъ, литовцевъ, евреевъ, армянъ, грузинъ и мусульманскихъ инородцевъ, то почему нѣтъ у него ничего объ украинской школѣ, которая имѣла свою и притомъ чрезвычайно интересную исторію.

Къ сожалѣнію, авторъ начинаетъ свою исторію лишь съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а къ этому времени исконная

украинская школа уже не существовала. Это послѣднее обстоятельство, однако, оправданіемъ автору служить не можетъ, ибо именно съ этого времени украинское національное движеніе принимаетъ опредѣленныя формы, и дѣятельность украинской интеллигенціи на почвѣ народнаго образованія становится вполнѣ замѣтной. Съ 60-хъ годовъ начинается усиленная издательская и просвѣтительная дѣятельность украинской интеллигенціи: издаются извѣстные «метелики», научно-популярныя изданія; предпринимается анкета по вопросамъ народнаго образованія редакціей журнала «Основа», лучшіе дѣятели народнаго образованія, о которыхъ между прочимъ подробно говоритъ и г. Чеховъ, какъ Ушинскій и позже баронъ Корфъ, высказываются за введеніе украинскаго языка въ народныхъ школахъ на Украинѣ и, наконецъ, чего совершенно не замѣтилъ г. Чеховъ, въ кievскихъ воскресныхъ школахъ ведется преподаваніе на украинскомъ языкѣ и даются ученикамъ свѣдѣнія по исторіи, географіи и словесности Украины. И вѣдь вотъ что любопытно: авторъ подробно говоритъ о кievскихъ воскресныхъ школахъ, справедливо считая ихъ и первыми по времени возникновенія въ Россіи, и наиболѣе характерными для исторіи воскресныхъ школъ, и въ то же время какъ бы нарочно обходитъ украинскіе моменты въ исторіи этихъ школъ, на каковыя моменты онъ не могъ не натолкнуться при внимательномъ изученіи матеріала. Достаточно указать, что во главѣ первыхъ воскресныхъ школъ стояли виднѣйшіе представители украинскаго движенія 60-хъ годовъ: Драгомановъ, Антоновичъ, Рылскій, Житецкій, Михальчукъ въ Кіевѣ, Конисскій и Пильчиковъ въ Полтавѣ, Лебединцевъ въ Бѣлой Церкви и т. д.

Отношеніе правительства къ украинскимъ требованіямъ благодаря Пирогову и проф. Павлову сначала было благопріятнымъ, и изъ казенныхъ средствъ было ассигновано 500 рублей на изданіе украинскихъ школьныхъ пособій; изданы были «Байки» Глібова и для школьной хрестоматіи съ вѣдома и при участіи окружнаго инспектора Тулова готовились статьи на украинскомъ языкѣ и объ Украинѣ. «Временная педагогическая школа» должна была готовить учителей для украинскихъ народныхъ школъ. Министръ народнаго просвѣщенія Головинъ былъ готовъ ввести въ народныхъ школахъ украинскій языкъ. Развѣ все это не заслуживаетъ вниманія историка народнаго образованія?

Въ протоколахъ петербургскаго комитета грамотности г. Чеховъ могъ бы найти интересныя матеріалы, характеризующіе отношеніе, какъ украинской интеллигенціи, такъ и комитета къ вопросу объ украинской народной школѣ. Мы имѣемъ въ виду заявленіе полтавскихъ членовъ комитета, заявленіе 84-хъ учителей кievскихъ воскресныхъ школъ о необходимости реорганизаціи народной школы на Украинѣ и ходатайства комитета по этому поводу передъ министерствами народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Не будемъ говорить о другихъ начинаніяхъ, -- какъ, напр., учебные планы Костомарова, отвѣтныя письма на воззваніе журнала «Основа», сборъ пожертвованій на изданіе учебниковъ и популярной литературы, поддержанный вначалѣ даже

Катковымъ, украинскіе отдѣлы въ каталогахъ комитета грамотности и т. д., и т. д. Вообще 60-е годы даютъ немало матеріала по вопросу объ украинскіихъ школьныхъ требованіяхъ, а произведенія Ушинскаго и бар. Корфа должны были указать автору на жизненность и важность вопроса объ украинской народной школѣ.

Странно, что все это ускользнуло отъ вниманія Н. В. Чехова, благодаря чему въ его трудѣ оказался столь значительный пробѣлъ.

А. Ник—скій.

Третья Государственная Дума. Сессія 5-я. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1911 г.—9 іюня 1912 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. СПб. 1912. Ц. 50 коп. Изд. нар. фр.

Можно пожелать возможно большаго распространенія этой книгѣ теперь, когда избирателямъ-инородцамъ предстоитъ рѣшить, кому отдавать свои голоса.

Стремленіе къ созданію самостоятельныхъ національныхъ группировокъ не пользуется въ кругахъ тѣхъ, кто считаетъ своей идеологіею партіи народной свободы, большою популярностью: оно не признается ни законнымъ, ни необходимымъ. Наиболѣе объективный матеріалъ, который можетъ выйти изъ партійныхъ круговъ—разсматриваемый отчетъ фракціи,—даетъ немало убѣдительныхъ доказательствъ противоположнаго—того, что «сепаратистическія» стремленія инородцевъ и законны и необходимы. Въ изложеніи того, что дѣйствительно дѣлала, а не помѣщала только въ своей программѣ и намѣревалась дѣлать кадетская группа въ Гос. Думѣ, вырисовывается образъ партіи, нѣсколько отличный отъ того, который можно возсоздать на основаніи ея программы. Это—образъ партіи, у которой требованія угнетенныхъ національностей, признаваемые теоретически, практически стоятъ на очень отдаленномъ планѣ.

Едва ли не меньше всѣхъ изъ инородцевъ посчастливилось за послѣднюю сессію Гос. Думы у кадетовъ украинцамъ. Въ отчетѣ о дѣятельности фракціи имъ удѣлено двѣ строчки въ отдѣлѣ «Національные вопросы». Излагая ходъ преній по холмскому законопроекту и отношеніе къ нему фракціи, отчетъ упоминаетъ о рѣчи И. В. Лучицкаго съ ея указаніями на отрицательное значеніе холмскаго проекта для малорусскаго населенія края. О печальной памяти выступленія одесскаго депутата Никольскаго отчетъ благообразно умалчиваетъ.

Но и это упоминаніе объ украинцахъ въ Холмщинѣ, если сопоставить его съ другими мѣстами того же отчета, способно только породить недоумѣніе у читателя. Въ томъ же отдѣлѣ, на той же страницѣ, указывается на рѣчь Родичева, выясняющую вредъ законопроекта для русскаго населенія края. Вопросъ о томъ, какое же собственно населеніе въ краѣ,—русское или мало-

русское,—остается открытымъ. Объ этомъ не говорить и приводимая во второй части рѣчь Маклакова, который, констатируя, что «въ Холмской Руси» наблюдается нездоровое явленіе, что тамъ подъ влияніемъ какихъ-то причинъ, гибнетъ русская національность, заявляетъ рѣшительно и торжественно: «денаціонализація русскаго элемента въ русскомъ государствѣ, хотя бы и на окраинахъ, есть явленіе, конечно, недопустимое».

Это заявленіе крайне любопытно сопоставить съ рѣчами тѣхъ же кадетовъ въ первой думѣ по поводу адреса; сколько помнится, тогда кадеты въ своихъ сужденіяхъ относительно русскаго государства были гораздо менѣ категоричны.

Въ рѣчахъ, приложенныхъ къ отчету, помѣщены рѣчи о внутренней политикѣ Милюкова и Родичева; въ нихъ есть нѣсколько словъ объ украинцахъ.

Двѣ строчки въ отчетѣ, столько же въ приложенныхъ къ отчету рѣчахъ кадетскихъ ораторовъ,—это все, что найдетъ въ книгѣ украинскій избиратель, заинтересовавшійся вопросомъ о томъ, какъ исполняли въ послѣднюю думскую сессію кадеты взятыя на себя обѣщанія.

Закончимъ повтореніемъ пожеланія, высказаннаго въ началѣ, пусть эта книга возможно шире расходится среди избирателей-инородцевъ. Она должна и можетъ пробудить мысль о необходимости для нихъ самостоятельной организаціи, самостоятельныхъ выступленій.

В. Садовскій.

Мазепа. Историческая бібліотека, № 8. Книгоиздательство „Дѣло“.
Стр. 96. Москва. 1912.

Небольшая книжка неназваннаго автора принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя на-ряду съ воспроизведеніемъ историческихъ фактовъ стремятся дать это въ живой, увлекательной, художественной формѣ. Какъ большинство подобныхъ же произведеній, погнавшись за двумя зайцами, она въ концѣ-концовъ не достигла ни одной изъ намѣченныхъ цѣлей. Несмотря на очевидныя покушенія автора, это прежде всего нехудожественное произведеніе, ибо авторъ не обладаетъ даже тѣнью художественнаго дарованія и не въ состояніи дать не только яркіе, выпуклые образы и характеристики, но даже просто занимательный рассказъ. Это, далѣе, и не историческое изслѣдованіе, ибо сдѣлаться имъ препятствуетъ слабое знакомство автора съ историческими событіями, наличность крупныхъ промаховъ и чрезмѣрное довѣріе къ сомнительнымъ источникамъ. Въ противоположность исторической правдѣ, Мазепа является здѣсь шаблоннымъ измѣнникомъ, «однимъ изъ величайшихъ предателей», вѣчно занятымъ «тайными ковами» и планами предательства. Заднимъ числомъ авторъ объясняетъ предательствомъ даже такіе факты изъ жизни Мазыпы, которые не только никакой связи съ его «измѣной» не имѣютъ, но свидѣтельствуютъ даже объ

обратномъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная черта Мазепы,—его благотворительность, выражавшаяся между прочимъ въ сооруженіи церквей,—объясняется здѣсь... лукавствомъ, проистекающимъ якобы изъ желанія «совершенно усыпить подозрительность Москвы». Содѣйствіе Мазепы расквартированію московскихъ войскъ на Украинѣ, вызывавшееся въ положеніи гетьмана просто соображеніями собственной безопасности отъ «черни»,—приписывается хитроумнымъ расчетамъ: «чѣмъ больше будетъ въ гетманщинѣ войскъ, тѣмъ выше поднимется среди населенія волна негодованія, которымъ можно будетъ воспользоваться въ надлежащій моментъ». Не слишкомъ ли много хитроумія и не естественнѣ ли предположить, что Мазепа тогда ни о какихъ «измѣнахъ» вовсе и не помышлялъ? Вѣдь, содѣйствуя вводу и постоянному пребыванію на Украинѣ московскаго войска, онъ сознательно, съ одной стороны, укрѣплялъ враждебныя позиціи, а съ другой—и неудовольствіе народа на утѣсненія отъ чужихъ войскъ обращалось прежде всего на гетмана. Словомъ, хитроумія проявлено такъ много, что выходитъ въ изображеніи автора разбираемой книжки совсѣмъ даже неумно. Въ такомъ же аляповато-лубочномъ видѣ переданъ и знаменитый романъ Мазепы съ дочерью Кочубея, которая называется то Мотрей, то Маріей, какъ-будто это все равно. Авторъ допускаетъ даже элементарныя ошибки, свидѣтельствующія о полномъ невѣжествѣ его насчетъ украинской исторіи. Къ такимъ ошибкамъ относится, напримѣръ, утверженіе, что Мазепа былъ избранъ на гетманство вслѣдствіе смерти гетмана Самойловича, на самомъ дѣлѣ отправленнаго въ ссылку и скончавшагося значительно позже.

Какъ видимъ, посвященный Мазепѣ выпускъ «Исторической библіотеки» одинаково далеко стоитъ и отъ исторіи, и отъ художественной литературы. Это просто недоброкачественная спекуляція, рассчитанная на соединенную съ именемъ знаменитаго гетмана сенсаціей.

С. А.—вичъ.

Литературная лѣтопись.

■ Новый украинскій журналъ «Сяйво», въ изданіи артиста труппы М. Садовскаго. г. К о р о л ь ч у к а, начнетъ выходить съ началомъ 1913 года въ Кіевѣ. Журналъ иллюстрированный, ежемѣсячный и ставитъ своею цѣлью «удовлетворять эстетическія потребности нашего (украинскаго) общества». Программа будущаго журнала: 1) отъ редакціи (?), 2) художественныя произведенія, 3) статьи по исторіи и теоріи искусствъ, 4) по этнографіи Украны, 5) характеристики и біографіи дѣятелей литературы и искусства, 6) театръ и музыка, 7) обзоры литературы и искусства, 8) хроника и 9) смѣсь. Проспектъ журнала сообщаетъ о привлеченіи къ участию въ новомъ журналѣ извѣстныхъ украинскихъ поэтовъ, писателей, критиковъ, этнографовъ,

артистовъ, художниковъ, скульптуровъ, композиторовъ, архитекторовъ и др.

❖ «Мотиви українського орнаменту»,—подъ такимъ заглавіемъ вышелъ очень цѣнный въ художественномъ и историческомъ отношеніи альбомъ образцовъ украинскаго орнамента, собранныхъ художниками С. Васильковскимъ и Н. Самокишемъ. Альбомъ напечатанъ въ Лейпцигѣ красками, золотомъ и серебромъ. Въ альбомѣ 40 орнаментовъ. Цѣна изданія 6 руб.

❖ Недавно подъ заглавіемъ «Плян міста Львова з коротким проводником» вышелъ указанный путеводитель,—первый, если не ошибаемся съ украинскимъ текстомъ. Отмѣчая выходъ въ свѣтъ этого изданія, нельзя не пожелать, чтобы украинскія издательства російской Украины съ своей стороны проявили инициативу въ изданіи путеводителей на украинскомъ языкѣ по такимъ крупнымъ городскимъ центрамъ Украины, какъ Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Екатеринославъ и др.

❖ Сборникъ, посвященный памяти В. Доманицкаго, имѣетъ въ скоромъ времени выйти изъ печати подъ ред. С. Ефремова. Доманицкій умеръ молодымъ. Несмотря на это, онъ успѣлъ приобрести имя въ украинской литературѣ какъ прекрасный популяризаторъ, полезный газетный и журнальный сотрудникъ,—а въ наукѣ, какъ много общавшій работникъ по вопросамъ исторіи и исторіи литературы. Самая крупная заслуга покойнаго состояла въ работѣ надъ текстомъ «Кобзаря» Шевченка, изданномъ подъ его редакціей. Результаты этой работы изложены Доманицкимъ въ большой монографіи «Критичный розслід над текстом Кобзаря». Большія заслуги оказалъ покойный и въ дѣлѣ развитія кооперативнаго движенія на Украинѣ. Сборникъ, посвященный памяти Доманицкаго, является лучшимъ памятникомъ этому талантливому и многостороннему украинскому дѣятелю, такъ безвременно ушедшему въ могилу.

❖ Украинскій подарокъ петербургскому университету. «Извѣстія по литературѣ и наукѣ» товарищества Вольфъ освѣдомляютъ, что библиотекѣ при петербургскомъ университетѣ учебный комитетъ при главномъ управленіи земледѣлія передалъ 413 томовъ книгъ на украинскомъ языкѣ, а также и русскомъ объ Украинѣ. Это цѣнное наслѣдство оставилъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Викторъ Ивановичъ Фименіевъ.

❖ Издательское общество «Просвіта» во Львовѣ выпустило новое изданіе произведеній Т. Шевченко въ двухъ томахъ.

❖ Общество «Просвіта» во Львовѣ издало «Український Співаник», составленный А. Гапякомъ. Всѣхъ пѣсень въ этомъ сборникѣ 156 и 180 «коломиенокъ». Пѣсни раздѣлены на 6 группъ: I. Патріотическія и политическія (19), II. «Сігови і Сокольскі» (15), III.—Историческія (15), IV.—Бытовые: а) козацкія (14), б) чумацкія (5), в) бурлацкія (6), разбойничьи (3), д) бытовые (17), V.—Любовныя (62), VI.—«Коломийки» (180).

❖ Издательство имени С. Ф. Грушевскаго въ Кіевѣ объявляетъ конкурсъ книги по географіи. Эта серія будетъ состоять изъ

популярно написанныхъ книгъ отъ 3 до 8 печатн. листовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ территориямъ. Планъ изданія приблизительно таковъ:

Бѣлоруссія и Литва—около 7 п. листовъ, Великоруссія—15, Польша и Чехія—8, Финляндія и Прибалтійскій край—7, Кавказъ—7, Западная Австрія—5, Венгрія—6, Сербія и Болгарія—6, Румыны и ихъ территория—4, Балканы юго-западные—6, Германія—8, Скандинавія и Бельгія—6, Англія—8, Франція—8, Швейцарія—8, Италія—8, Испанія и Португалія—6, Азіатская Турція—6, Персія—4, Туркестанъ—6, Сибирь—12, Китай—10, Индія—8, Индо-Китай и Западно-Индійскіе острова—8, Японія—6, Египеть и Абиссинія—8, Сѣверная и Средняя Африка—7, Южная Африка—7, Канада—8, Соединенные Штаты Америки—14, Средняя и Западная Америка—8, Южная Америка—10, Австралія и Полинезія—10, Сѣверный и Южный полюсы—15. Каждая страна должна быть описана со стороны физико-географической, съ краткимъ обзоромъ ея исторіи, культуры, современной этнографіи, экономики, общественнаго и политическаго строя. Гдѣ есть украинская колонизація, надо дать о ней свѣдѣнія и объясненія условій ея существованія. Къ каждой книжкѣ должна быть приложена карта и переведены географическія названія на украинскій языкъ. Должны быть намѣчены иллюстраціи по 2 на печатный листъ.

■ Принимаясь за работу надъ «Исторіей украинскаго театра», имѣющей выйти изъ печати въ скоромъ времени, М. Вороній обратился на страницахъ украинскихъ изданій къ дѣятелямъ украинскаго театра—антрепренерамъ, режиссерамъ, артисткамъ и артистамъ, а также къ лицамъ, близко стоящимъ къ театру, знающимъ и интересующимся этимъ дѣломъ, (съ просьбой прислать ему нужная для такой работы свѣдѣнія. Антрепренеровъ г. Вороній проситъ сообщить ему свѣдѣнія по слѣдующей программѣ:

- 1) Когда начали заниматься антрепризой, 2) были ли перемены въ ихъ дѣятельности, 3) изъ какихъ артистовъ состояли и состоятъ ихъ труппы (число лицъ, фамиліи и раздѣленіе по амплуа), 4) въ какихъ районахъ преимущественно проходила дѣятельность этихъ труппъ (на Украинѣ, въ Великороссіи, въ Сибири, на Кавказѣ, въ Польшѣ и т. п., 5) въ какихъ городахъ получены большіе сборы.

Отъ гг. режиссеровъ онъ желалъ бы получить такія свѣдѣнія:

- 1) О началѣ ихъ службы и количествѣ лѣтъ, проведенныхъ въ положеніи режиссера, 2) изъ какихъ пьесъ состоялъ репертуаръ въ ихъ труппахъ (просьба прислать афиши и программы), 3) какія пьесы пользовались наибольшимъ успѣхомъ, 4) не пытались ли они какъ въ приемахъ режиссуры, такъ и въ самой постановкѣ проводить что-нибудь новое и что именно, 5) какого мнѣнія они держатся объ украинскомъ театральномъ дѣлѣ и какъ смотрятъ на будущее украинскаго театра.

Къ артисткамъ и артистамъ г. Вороній обращается со слѣдующими вопросами:

1) Давно ли они служат на украинской сценѣ, 2) въ какой труппѣ начинали свою артистическую карьеру и гдѣ затѣмъ ее продолжали, 3) какое амплуа тамъ занимали, 4) краткія біографическія свѣдѣнія (годъ и мѣсто рожденія, сословіе, національность, образованіе) и т. д., 5) какое получаютъ жалованье за свой трудъ, 6) въ какихъ городахъ играли, 7) не служили ли въ товариществѣ и хорошо ли тамъ шли дѣла, 8) чувствуютъ ли удовлетвореніе въ своей сценической дѣятельности, 9) что думаютъ объ украинскомъ театрѣ и его будущности.

Отъ авторовъ украинскихъ пьесъ желательно получить свѣдѣнія о количествѣ и названіи ихъ произведеній, когда получено разрѣшеніе на постановку и гдѣ онѣ были поставлены, а также краткія біографическія свѣдѣнія.

Г. Вороній особенно подчеркиваетъ свою просьбу къ тѣмъ, кто стоялъ близко къ украинскому театру и живо имъ интересовался, сообщить все, что извѣстно о первыхъ труппахъ (начиная съ 1882 г.) и ихъ корифеяхъ, объ ихъ составѣ, развитіи и о томъ впечатлѣніи, какое онѣ производили. Интересно также знать мысли постороннихъ людей о прежнихъ и современныхъ труппахъ и вообще объ украинскомъ театрѣ, его задачахъ и перспективахъ. Большое значеніе г. Вороній придаетъ присылкѣ воспоминаній, мемуаровъ, старыхъ газетъ (гдѣ писалось о нашемъ театрѣ) и старыхъ афишъ. Все это онъ по использованіи предлагаетъ возвратитъ приславшимъ лицамъ въ полной сохранности по первому требованію.

Свое «открытое письмо» къ театральнымъ дѣятелямъ г. Вороній оканчиваетъ слѣдующими строками:

«Всякаго, кто хочетъ дать мнѣ свѣдѣнія, прошу написать ясно и отчетливо имя, фамилію и адресъ (можно и по-русски). Всѣ матеріалы прошу присылать по адресу:

Кіевъ, Паньковская ул., № 8, кв. 3. Николаю Вороному. Послѣдній срокъ присылки свѣдѣній—1-е ноября; однако, желательно имѣть ихъ какъ можно скорѣе.

Книга будетъ украшена рисунками, портретами, снимками лучшихъ постановокъ; издаетъ ее одно изъ солидныхъ издательствъ на Украинѣ».

— Мих. Могилянскій въ № 234 «Рѣчи» за 1912 г., помѣстивъ замѣтку о недавно вышедшей книгѣ проф. М. Грушевскаго—«Культурно-національный рух на Україні въ XVI—XVII віці». Авторъ замѣтки находитъ, что книга эта, помимо своего непосредственнаго значенія, какъ удачная популяризація историческихъ знаній, содѣйствуетъ современнымъ эстетическимъ исканіямъ, обращающимъ свой взоръ къ памятникамъ старымъ быта и культуры, запечатлѣннымъ художественными переживаніями и творчествомъ. Далѣе авторъ говорить:

«Русскій читатель въ знакомствѣ съ историческими фактами, въ преемственной связи съ которыми находится современное украинство, получаетъ возможность легче и полнѣе ориентироваться въ современныхъ задачахъ и стремленіяхъ послѣдняго,

открываемыхъ пониманіемъ его идеологическаго обоснованія въ историческомъ развитіи. Слѣдуетъ поэтому пожелать,—заканчиваетъ свою замѣтку г. Могилянскій,—чтобы эта прекрасно написанная и роскошно изданная книга была переведена на русскій языкъ». Мы только можемъ присоединить свой голосъ къ этому пожеланію.

— И. Джонсонъ въ «Кіевской Мысли» (№ 228), посвящаетъ статью творчеству В. Винниченка, характеризуя послѣдняго, какъ талантливаго художника, несущаго съ собою ту молодость и свѣжесть въ русскую литературу, которую послѣдняя, въ настоящее время какъ-бы утратила. Онъ несетъ съ собою то «мятежное исканіе», которое, по словамъ г. А. Венгерова, издавна было характернымъ признакомъ русской литературы, но теперь въ ней, какъ будто ослабѣло.

И. Джонсонъ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ неудовлетворительность переводовъ авторомъ своихъ произведеній съ украинскаго языка на русскій, встрѣчающіяся наивности, грубость и безвкусицу при трактовкѣ Винниченкомъ нѣкоторыхъ вопросовъ, а въ особенности полового, занимающаго въ творествѣ этого художника видное мѣсто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Джонсонъ находитъ сходство у Винниченка съ Ан. Каменскимъ и г-жей Надеждой Санжаръ. Но эти недостатки не заслоняютъ отъ критика живого и ищущаго духа художника и онъ тепло отмѣчаетъ удачные рассказы Винниченка.

«Въ дарованіи Винниченка есть здоровый юморъ, есть тонкое поэтическое чувство природы, есть умѣнье рисовать ярко и скульптурно, давать живые и оригинальные образы. Онъ, несомнѣнно, писатель талантливый».

— Въ «Одесск. Новостяхъ» (№ 8813, 1812 г.), помѣщена статья А. Яриновича, посвященная украинскому драматургу—Карпанко-Карому (Тобилевичу), по случаю истекшаго 5-лѣтія со дня смерти послѣдняго, а въ приложеніи къ газетѣ помѣщенъ портретъ писателя.

Въ своей статьѣ, толково и обстоятельно написанной, А. Яриновичъ говоритъ, что колонизованная украинцами Новороссія, поглотившая смѣлые, предприимчивые элементы Украины, дала украинскому театру въ самую мрачную пору 80-хъ годовъ, стихійные, могучіе таланты, воспитанные ширью и привольемъ степей Херсонской губерніи. Отсюда вышли—Тобилевичи и Крапивницкій.

Одинъ изъ нихъ Иванъ Тобилевичъ оставилъ украинскому театру свои драмы и комедіи, отразившія его личное міросозерцаніе и давшія глубоко-правдивыя картины украинскаго быта. Рисовалъ онъ суровую жизненную борьбу, въ которой выживаютъ только сильнѣйшіе, но развязка его комедій всегда показываетъ всю суетность стремленій героевъ наживы и эксплуатаціи. «Зоркій критикующій глазъ, поставленный надъ каждой пьесой Карпенка, хорошая и здоровая мысль, прочная философія практической жизни при вполнѣ художественномъ и яркомъ ея вопло-

щеніи, сохранять надолго за пьесами его жизненность и неувядающій интересъ».

— Въ № 7—8 интересно издаваемого журнала «Искусство», помѣщена между прочимъ статья С. Яремича «Украинское искусство на выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Въ этой статьѣ авторъ знакомитъ съ оригинальными произведениями украинскихъ художниковъ XVIII стол.

— Въ томъ же номерѣ, среди художественныхъ иллюстрацій, находимъ снимки заставокъ изъ недавно вышедшей книги проф. М. Грушевскаго—«Культурно-національный дух на Украині XVI—XVII в.».

— Въ «Русскомъ Богатствѣ» (августъ), начата печатаніемъ новая работа В. М я к о т и н а—«Очерки социальной исторіи Малороссіи». Въ напечатанной части своего труда, авторъ, извѣстный своими трудами по исторіи Украины и казачества, останавливается на эпохѣ возстанія Хмельницкаго и его непосредственныхъ результатовъ. Специальное вниманіе авторъ посвящаетъ анализу Преяславскаго договора и послѣдующихъ соглашеній между Украиной и Москвой. Вопросъ о юридическомъ характерѣ этихъ соглашеній очень любопытенъ и въ свое время, дебатировался въ научной литературѣ. Насколько обоснована точка зрѣнія по этому вопросу у г. Мякотина, объ этомъ, вѣроятно, придется намъ отдѣльно говорить на страницахъ «Украинской Жизни».

— Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ англійскихъ еженедѣльниковъ «Saturday Review», напечаталъ статью-письмо Джорджа Рафаловича, посвященную выясненію украинскаго вопроса. Интересно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: Рафаловичъ, потомокъ выходца изъ Украины, извѣстный въ Англій писатель по вопросамъ международной политики, лишь недавно заинтересовался украинскимъ вопросомъ и, несмотря на то, что не обладаетъ знаніемъ украинскаго или какого-либо другаго изъ славянскихъ языковъ, сумѣлъ, на основаніи разнорѣчивыхъ свѣдѣній европейской прессы объ украинцахъ, разобраться въ вопросахъ украинства настолько, что теперь является однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ информаторовъ ихъ въ англійской прессѣ, вмѣстѣ съ г. В. Степанковскимъ.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ англійскаго еженедѣльника «Darkest Russia», помѣщена статья о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ Галиціи, рѣзко критикующая политику польскаго гнета надъ украинцами.

Нѣмецкая пресса о Т. Шевченкѣ. Вѣнская „Neues Wiener journal“ въ статьѣ Losdekauffer Leibeigener uno Dichter... Der Sanger der Ukraine und seine merkwurdigen Schicksale (№ 6759) даетъ обширную біографію Т. Шевченка, обстоятельно и вѣрно составленную и снабженную удачными переводами его произведеній. Потребность познакомить нѣмецкое общество съ жизнью и твореніями украинскаго гена, журналъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ: «Имя Тараса Шевченка вѣроятно будетъ звучать для нашихъ читателей, какъ имя совершенно чуждое, а между тѣмъ, это имя великаго художника и поэта. Больше пятидесяти

лѣтъ минуло, какъ умеръ Тарасъ Шевченко, а скоро исполниться столѣтіе, какъ впервые увидѣлъ свѣтъ наиболѣе популярный поэтъ Украины, надъ - днѣпровскаго края, страны казаковъ. Его муза Западной Европѣ неизвѣстна, но онъ безусловно принадлежитъ къ самымъ выдающимся лирикамъ міровой литературы». За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ біографія Т. Шевченка-

Въ бернской ежедневной газетѣ „Pazor“ въ № 142—143, помѣщенъ фельетонъ: „Kulturene-historisky rozvoj naroda ukrajnskeho.“ Dle In C. Myrona Fedusovice, upravil Vojtech Pec“.

Въ газетѣ «Рѣчь» (№ 213), г. Михайль Могилянскій посвящаетъ сочувственную замѣтку творчеству М. Яцкова. Г. Могилянскій отмѣчаетъ, что этотъ художникъ своими произведеніями, писанными кровью сердца, вполнѣ оправдалъ надежды Ивана Франка, тепло привѣтствовавшаго М. Яцкова въ «Молодой Украинѣ». М. Яцковъ уже 12 лѣтъ дѣйствительно обогащаетъ своими произведеніями украинскую литературу, но, несмотря на это, онъ едва извѣстенъ въ Галиціи и почти неизвѣстенъ на Украинѣ Россійской. Причиной этого печальнаго явленія г. Могилянскій считаетъ литературный застой и господство старомодной народнической критики на Украинѣ.

Если даже взять трудъ С. Ефремова: «Історія українського письменства», то и здѣсь мы найдемъ, что страницы, посвященныя художникамъ Галиціи, хуже остальныхъ отдѣловъ труда и несправедливы въ своей оцѣнкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ УКРАИНСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Літературно - Науковий Вістник (за сентябрь). *Михайло Яцків*: Блискавиці. Суспільна студія.—*Христя Алчевська*: З кримських пісень.—*О. Кобилянська*: Через кладку, повість (далі).—*Генрі Льюїс Белло*: Пісня про Гайавату (поема), переклав О. Олесь (далі).—*Софія Тобілевич*: Житте Івана Тобілевича (Карпенка - Карого).—*Фр. Містраль*: Спогади та оповідання, переклала Г. Чикаленко (далі).—*П. Вишневецько*: Ти живеш в моїх уявах.—*Мик. Євшан*: Жан-Жак-Руссо (1712—1912).—*В. Правобережець*: Кілька уваг з приводу книжки д. Васілевського „Ukraina i sr awa ukrajnska“.—*Мик. Стасюк*: Еміграція та її значінне в економічному життї України.—*С. Черкасєнко*: З українського життя.—Бібліографія.

Учитель. Орган „Руського Товариства Педагогічного“. Ред. Іван Ющишин (За августъ).—За нашу школу! I. Приватний український мужеський учительський семінар у Львові. II. Український університет у Львові.—*Іван Ющишин*: Ювилей Івана Франка.—*Михайло Макух*: Пласт.—*О. С. Пластова*: Прогулька.—*Стефан Коваль*: Методична оцінка шкільного підручника п. з „Рахунки для шкіль народних. Ч. IV“ 1911.—*Василь Порождко*: Шкільний город.—*Онупрій Власійчук*: Учительська службова прагматика.—Наші біжучі справи. I. Гроза розбиття учительської солідарности.—II. Реорганізація вчєвого комітету.—На буденні теми. I. Для вияснення справи. II. Брак почуття обовязку.—Огляд педагогічної преси. („Світло“)—

Критика і бібліографія. (Кароліна Светля: „З наших боїв і змагань“ і „Pädagogische Jahresschau“). Звіт із загальних зборів „Взаємної Помочи галицьких і буковинських учителів і учительок“.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Рілля. Хліборобський порадник. Календарь «Ріллі» на 1913-й рік. Збірник I. Київ. 1912.

Ученія Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Книга 8. Казань. 1912.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. Августъ. 1912.

В. Овчинніков. Нова дорога. Комедія на 3 дії. Київ. 1912. Ціна на 25 к.

Б. Лазаревський. Святий город. Видавництво „Дзвін“ Київ. 1912. Ц. 8 коп.

П. Сениця. Музичні твори. 3 вип.

П. Альтенберг Як я то бачу. Нов. Бібліотека. Львів. 1912.

ОТВѢТЫ ЧИТАТЕЛЯМЪ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“.

Д-ру Bonkalo (Венгрія). Ваше желаніе и готовность путемъ переводовъ лучшихъ образцовъ современной украинской литературы познакомить мадьяръ съ творчествомъ украинцевъ редакція можетъ только привѣтствовать. Указать же, что именно и «въ первую очередь» должно быть переведено мы затрудняемся. Это въ значительной мѣрѣ дѣло личнаго вкуса. Познакомьтесь съ произведеніями, напр., І. Франка, М. Коцюбинскаго, В. Виниченка, М. Яцківа, О. Кобылянкой и то, что вы признаете наиболее цѣннымъ, переведите на мадьярскій языкъ. Вамъ удобнѣе выпи- сать украинскія изданія не изъ Россіи, а изъ Галиціи, хотя бы изъ Львова (Книгарня Наукового Товариства ім. Шевченка): это будетъ стоить значительно дешевле.

Семинаристу (на Вольни). Болѣе или менѣе исчерпывающій указатель источниковъ по изученію исторіи украинской литературы вы можете найти въ работѣ г. С. Ефремова «Исторія украинскаго письменства». Гдѣ эти указанія разбиты по главамъ соотвѣтственно отдѣльнымъ періодамъ въ развитіи нашей литературы. Если бы вы заинтересовались болѣе обстоятельнымъ изученіемъ этихъ періодовъ, бібліографическія указанія, собранныя г. Ефремовымъ, могутъ въ значительной степени облегчить вашу работу по отысканію разбросанныхъ по различнымъ журналамъ и изданіямъ пособій. По другому интересующему васъ вопросу лучшимъ пособіемъ является книга проф. М. Грушевскаго, на рускомъ языкѣ «Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ». Очень цѣнными, хотя въ нѣкоторомъ отношеніи и устарѣлыми, являются статьи М. Драгоманова, изданныя «Г-вомъ И. Д. Сыти-

нымъ» подъ редакціей Гревса и Б. Кистяковскаго въ первомъ томѣ его «Политическихъ сочиненій».

Говоря объ «излишкѣ статей», посвященныхъ полемикѣ съ г. П. Струве, вы сами объясняете, и совершенно правильно, причины этого усиленнаго вниманія редакціи къ крайне важнымъ вопросамъ, затронутымъ редакторомъ «Русск. Мысли». Хотя послѣдній и отражаетъ собою опредѣленное теченіе русской либеральной интеллигенціи, но было бы ошибочнымъ приписывать взгляды г. Струве по украинскому вопросу в с е й интеллигенціи русской безъ исключенія. Кромѣ статьи В. М. въ «Русскомъ Богатствѣ» (№ 5) проповѣдь похода противъ украинства, предпринятаго г. Струве, встрѣтила рѣзкій отпоръ на страницахъ «Запросовъ Жизни» (статья Н. Коробка), новаго журнала «Завѣты» и др.

Неофиту. Къ сожалѣнію, на украинскомъ языкѣ не существуетъ программъ по самообразованію. Мы думаемъ, что составленіе послѣднихъ—дѣло недалекаго будущаго. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльную главу въ этомъ нужномъ и назрѣвшемъ изданіи займетъ и систематическій обзоръ литературы по изученію украинскаго вопроса какъ на нашемъ, такъ и на другихъ языкахъ.

Черниговцу. Редакція знакома съ содержаніемъ статей по украинскому вопросу, помѣщаемыхъ въ «Черниговскомъ Словѣ». Реагировать на нихъ и полемизировать съ ними нѣтъ никакого смысла. Вѣдь вся аргументація этой рептиліи та же, что и у «Кіевлянина», «Московскихъ Вѣдомостей», откуда «Черниг. Слово» и заимствуетъ свои свѣдѣнія и сужденія объ украинствѣ, переживая безчисленное число разъ, тупо и бездарно то, что измышляется такими «спеціалистами» по украинскому вопросу, какъ Савенко, Щеголевъ, Кашкаровъ и др. Принужденная иногда отмѣчать ложь, извращеніе и недобросовѣстность по украинскому вопросу шовинистической русской прессы, редакція все-же придерживается того взгляда, что на всякое чиханье не наздравствуешься.

ВЫШЕЛЪ № 4 ЖУРНАЛА „ЗАВЪТЫ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. То, чего не было. (Три брата). Романъ въ трехъ частяхъ *В. Ропшина*.—2. Мой щить... Стихотворніе *Ю. Балтрушайтиса*.—3. Исторія Акимова зданія (Съ украинскаго. Переводъ автора съ рукописи.) *В. Винниченка*.—4. Римъ. Стихотвореніе. *Аспари*.—5. Степь. (Разсказъ). *Як. Окунева*.—6. Небесъ померкнувшихъ громада... Стихотвореніе *В. Волькенштейна*.—7. Повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злключеніяхъ. *И. Вольного*.—8. Въ просинь водъ заглядѣлися ивы... Стихотвореніе *Николая Клоева*.—9. Къ вопросу о рабочей программѣ. Статья вторая. *С. Зака*.—10. Письма „Субъективиста“. (Письмо первое). *В. В. Лунжевича*.—11. Быть или не быть общинѣ въ Россіи. (Очерки). *К. Качаровскаго*.—12. Дѣла и дни. *Я. Вьчева*.—13. Текущая жизнь.—14. Библіографія.—15. Письма въ редакцію.—16. Свое и чужое. (Русская жизнь). *С. Мстиславскаго*.—17. Объявленія.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ

„ВЪ РОДНОЙ ДОЛИНѢ“

Издательство „ДРУЖБА“.

Цѣна 30 коп.

Выписывающимъ не менѣе 10 экз. скидка 30%.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗ. МОСКВЫ.

Адресовать: Москва, 3-й Самотечный пер., д. 15., кв. 7.